

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2022 – 1

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

МОСКВА 2022

DOI: 10.31249/rva/2022.01.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редактора,
Д.В. Михель – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь,
Д.М. Бондаренко – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, ИАФр РАН, ИАФр РАН, *Т.К. Кораев* – канд. ист. наук, ИСАА МГУ, *М.С. Мейер* – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219–8822

© «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика», научный журнал, 2022

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

- А.В. Гордон. Мультикультурность в парижском пригороде
Обервилье 5

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

- Ещильташ М., Ёнджель Р. Безопасность, оборона и вооружение на Ближнем Востоке. (Реферат)..... 38

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

- К.Б. Демидов. Афганистан : «война с террором» как ключевая причина новых проявлений терроризма. (Обзор) 55

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- С.Е. Сидорова. Народ-змеспоклонник на защите священных реликвий : Нагпур и сакральная география буддизма 74
- Д.В. Михель, И.В. Михель. Лихорадка 1843 года и начало санитарных реформ в колониальном Гонконге XIX века 89
- Е.А. Романова. Особенности развития российско-китайских отношений в области высшего гуманитарного образования в XXI веке на примере Института Конфуция РГГУ 106
- Е.А. Романова. Российско-китайское стратегическое партнерство в рамках ШОС на примере энергетического сотрудничества : новые подходы в XXI в. 114
- П.М. Мозиас. Урбанизация в Китае : прошлое и настоящее. (Обзор) 121
- В.Г. Самсонова. Перспективы российско-южнокорейского инновационного сотрудничества в эпоху COVID-19 156

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

Gordon A.V. Aubervilliers : Multiculturalism in the Suburb of Paris 5

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Yeşiltaş M., Öncel R. Security, Defense and Armaments in the
Near East. (Summary) 38

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Demidov K.B. Afghanistan : «The War on Terror» as the Key Pri-
ority of New Terrorism Events. (Review) 55

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Sidorova S.E. Sacred Relics under the Protection of Nagas : Nag-
pur and the Geography of Buddhism 74

Mikhel D.V., Mikhel I.V. The Fever of 1843 and the Beginning of
Sanitary Reforms in Nineteenth-Century Colonial Hong Kong 89

Romanova E.A. Features of the development of Russian-Chinese
relations in the field of higher humanitarian education in the
XXI century on the example of the Confucius Institute of
RSUH 106

Romanova E.A. Russian-Chinese Strategic Partnership within the
SCO on the Example of Energy Cooperation : New Approaches
in the XXI Century 114

Mozias P.M. Urbanization in China: Past and Present. (Review) 121

Samsonova V.G. Prospects for Russian-South Korean innovative
cooperation in the era of COVID-19 156

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

А.В. ГОРДОН*. МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ В ПАРИЖСКОМ ПРИГОРОДЕ ОБЕРВИЛЬЕ.

Аннотация. Обострившиеся в последнее время в европейских странах проблемы интеграции мигрантов с Востока, межконфессиональных и межкультурных отношений рассматриваются на примере мультикультурного пригорода Парижа. Динамика общенациональных процессов характеризуется сопоставлением двух периодов локальной истории: начала нулевых и конца второго десятилетия XXI в. Отмечается влияние глобализации в превращении города в центр торговли с Китаем и появлении в китайской общине торговцев-оптовиков. Параллельно обращается внимание на ухудшение городской структуры занятости вследствие деиндустриализации и сопутствующий рост бедности. В таком контексте рассматривается рост преступности молодежи из афро-магрибинских общин. Активизация во Франции исламского радикализма и концепт «исламогошизма» характеризуются на материале муниципальной политики. В заключение автор указывает на позитивные процессы 2020–2021 гг., обусловленные улучшением социально-экономической структуры и надеждами жителей на рост инвестиций в связи с Олимпиадой-2024 в Париже.

Ключевые слова: Обервилье; пригороды; локальная история; мультикультурализм; социальная интеграция; китайская община; молодежная преступность; исламский радикализм; исламогошизм.

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

A.V. GORDON. Aubervilliers: Multiculturalism in the Suburb of Paris.

Abstract. The problems of integration of migrants from the East and inter-confessional and intercultural relations, which have recently become more acute in European countries, are examined in the article taking as the example the multicultural suburb of Paris. The dynamics of national processes of the country is shown by the comparison of two periods of local history: the beginning of the first and the end of the second decade of the 21 st century. The influence of globalization in the transformation of the city into a center of trade with China and the emergence of wholesalers in the Chinese community is underlined. In contrast, attention is drawn to the deterioration of the urban employment structure due to de-industrialization and the concomitant increase in poverty. In this context, the rise of crime among young people from Afro-Maghrebi communities is examined. The rise of Islamic radicalism in France and the concept of «islamo-gauchism» are characterized on the material of municipal politics. The author concludes by pointing out the positive processes of 2020–2021, due to the improvement of socio-economic structure and residents' hopes for increased investment in connection with the Olympics 2024 in Paris.

Keywords: Aubervilliers; suburbs; local history; multiculturalism; social integration; Chinese community; young criminality; islamism; islamo-gauchism.

Для цитирования: Гордон А.В. Мультикультурность в парижском пригороде Обервилье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 5–37. DOI: 10.31249/rva/2022.01.01

Обервилье – город непосредственно за Бульвар периферик, парижской МКАД, со 100-тысячным без малого населением (87 572 по данным 2018 г.) и богатой историей, в том числе межкультурных отношений¹. Прожив в 2002 г. месяц в этом городе, я остался впечатлен его социальным и культурным многообразием. «Перекресток четырех дорог между Обервилье и Пантеном», как

¹ Благодарю за помощь в переводе бытовой лексики с английского С.В. Зинина (Массачусетский университет) и с французского Е.Л. Ушкову (ИНИОН РАН) и за полезные критические замечания заведующую Отделом глобальных проблем ИНИОН Н.Ю. Лапину.

можно перевести название станции метро «Aubervilliers-Pantin Quatre Chemins», с которой началось мое знакомство с городом, оказался поистине культурно-историческим перекрестком.

Трущобы начала XX в. и элитное жилье последних десятилетий; одноэтажные домики на узкой и извилистой улочке Роз, где хозяева оставляют обувь на пороге, и многоэтажные комплексы на широком прямом проспекте Жореса с подземными гаражами, скверами, спортплощадками; стандартные супермаркеты консьюмеризма и почти традиционный базар, где хватают за руки, навязывая свой товар. «Различные социальные уклады, отчетливое различие образа жизни и несопоставимость ее качества, а еще перекресток этнических и конфессиональных традиций, где сошлись Европа и Африка, Ближний и Дальний Восток» – таким было общее впечатление [2, с. 48].

Истоки Обервилье находят в глубокой древности, в поселении («вилла») на пути, соединявшем Лютецию (Париж) с римскими владениями на северных рубежах (Фландрией). Сейчас эта «римская дорога» (*Voie Romane*), ныне национальная автотрасса № 2, является центральной улицей города и носит имя Жана Жореса, а до переименования сохраняла историческое название «Фландрская дорога». Наследие Древнего Рима видят и в первом упомянутом в источниках названии города, запечатлевшем, видимо, имя владельца «*Albertivillare*» (1059). Отсюда наименование жителей *Albertivillariennes* и *Albertivillariens*.

Памятником раннего периода осталась церковь Богородицы Милостивой – *Notre Dame des Vertus*¹. Была сооружена в старом центре города (1626) в знак преданности Ей и благодарности за дарованную над гугенотами победу² (в память чего ежегодно совершается крестный ход). Между тем при осаде католического Парижа (1590) здесь находился лагерь Генриха IV, тогда предводителя гугенотов, а колокольня была воздвигнута до начала войн в 1541 г. на месте храма XIII в.

Оставили след и войны XIX–XX вв. При Луи-Филиппе по инициативе тогдашнего премьер-министра Адольфа Тьера был

¹ Памятник культурного наследия с 1908 г.

² Протестанты не признавали сакральность этого персонажа Нового Завета.

сооружен форт оборонительного вала вокруг Парижа¹. Левая оппозиция в Палате депутатов выражала опасение, что укрепления будут не защищать Париж, а блокировать его в случае народных восстаний. Так и произошло во время Парижской коммуны², между тем Фландрская дорога, на которой построили форт, одно время носила имя Тьера. О пребывающих в развалинах укреплениях напоминает название станции метро «Фор Обервилье».

Промышленная революция изменила Обервилье, превратив его из аграрного пригорода, снабжавшего рынки Парижа огородной продукцией (похоже, с тех пор сохранилась сельская экзотика улицы Роз), в средоточие крупной по тем временам промышленности: мануфактура спичек (750 рабочих), хлопчатобумажное предприятие Картье-Брессон (450 работников), металлургическое производство. В конце Первой мировой войны Фландрскую дорогу обстреливала германская сверхгаубица «Большая Берта», видимо, целившая в производивший порох химический завод.

С превращением в индустриальный центр в Обервилье устремляются потоки иммиграции. После аннексии Эльзаса и Лотарингии сюда из Кольмара перемещается большой стекольный завод вместе с персоналом. Образуется поселение, где люди говорили на эльзасском наречии немецкого языка. Горожане называли его «Малая Пруссия». Прибывают мигранты из Бельгии, Испании, Италии. За полвека (1851–1896) промышленной революции его население выросло в 10 раз: с 2611 до 27 332 человек. Обервилье стал городом, который в следующие полвека (к 1954 г.) с удвоившимся населением (58 740) обрел почти современные масштабы.

Становясь полиэтническим, город начинает приобретать опыт мультикультурности. От периода промышленной революции сохранилась церковь св. Марты, сооруженная для окормливания нарождающегося полиэтнического пролетариата, еще не порвавшего со своими крестьянскими корнями [14, с. 291–314]. О ее социальном адресате свидетельствовала надпись на входе при освящении «Блаженны бедняки (*Heureux vous les pauvres*)», многозначительный перифраз евангельской заповеди *Блаженны*

¹ Реминисценция попытки обороны Парижа от антинаполеоновской коалиции в 1814 г.

² Enceinte de Thiers. – URL : https://fr.wikipedia.org/wiki/Enceinte_de_Thiers#Origine

нищие духом (по-французски *Heureux les pauvres en esprit*). Изящный образец неоготики, при моем пребывании в Обервилье церковь была местом, где периодически собиралась китайская община.

В межвоенное время рабочее население Обервилье начинает проявлять себя политически. В 1923 г. мэром города становится близкий в то время к рабочему движению и профсоюзам Пьер Лаваль, удерживавший этот пост вплоть до краха режима Виши в 1944 г. Городское население сохранило левую ориентацию и в послевоенный период. Характерна местная ономастика: квартал им. Ленина, улицы Парижской коммуны, Прудона, Сен-Жюста, Вальдека Роше (бывшего генсека ФКП), площадь Народного фронта, учебные заведения им. Робеспьера, Бабефа, Розы Люксембург, Анджелы Дэвис. Коммунисты по преимуществу в борьбе с социалистами становились мэрами Обервилье.

В 1960-х город, как и всю Францию, накрыла волна массовой миграции с Африканского континента, воспринявшая и воссоздавшая все универсальные прелести трущоб ранней индустриализации. Однако в отличие от времен, описанных в романах Золя или Диккенса, Франция вместе с остальным западным миром создавала общество всеобщего благоденствия.

Когда в «резиденции для мигрантов» в новогоднюю ночь 1970 г. задохнулись из-за дефектности самодельной отопительной системы пятеро африканцев, их похороны превратились в мощную демонстрацию, которую поддержали Сартр, Рокар, Катеб Ясин. «Бидонвиль» французского образца посетил премьер-министр Шабан-Дельмас. Прошла гневная кампания в прессе, ужасы нового парижского «дна» изобразило телевидение. Как следствие общественного возмущения начался снос трущоб, и к концу 1972 г. они в своей наиболее вопиющей части исчезли. Взамен в Обервилье развернулось энергичное строительство современного жилья, которое, однако, отстает от потребностей населения, структура которого начала меняться с продлением в 1979 г. седьмой линии метро, обеспечившим удобную связь с Парижем.

Параллельно дезиндустриализация, свершившаяся с вступлением Франции в современную глобальную экономику, привела к отливу из города части жителей. Конец XX в. стал временем демографической стагнации (1962 г. – 70 632 жителя, 1982 г. – 67 719, 1999 г. – 63 136). Новый подъем (2006 г. – 73 506, 2011 г. – 75 598,

2016 г. – 86 061) пришелся на начало XXI в. и проявил себя возрастанием численности мигрантов, главным образом из Магриба.

Город уже в нулевых считался «арабским»: так меня известили в Министерстве сельского хозяйства, которое в лице Надин Мирошникоф из Центра документации шефствовало надо мной¹. Иммигранты из Магриба, главным образом алжирцы, представляли большинство пришлого люда, являя отчетливо выраженную этнокультурную идентичность. Выделялись арабской речью, знаменитыми темными платками (*хиджаб*) и плотными, скрадывающими фигуру тоже темными одеяниями женщин. Магрибинцев трудно было обнаружить в супермаркетах², они закупались в небольших магазинах и мясных лавках с вывеской *халаль*. Кроме общепита, бросалась в глаза этническая сфера торговли (овощи, хозтовары) и бизнеса (автосервис).

Заметно выделялась община уроженцев Западной Африки, она выглядела гораздо живописней и жизнерадостней благодаря многоцветному одеянию женщин, их разноцветным и величественным головным уборам, напоминавшим тюрбаны. А еще сикхи и тамилы, магазины индомусульман и турецкая кухня, вьетнамский отель («дядюшки Хо») и рядом, возвышаясь тогда над всей округой, небоскреб корейского автоконцерна.

Китайцы в сравнении с магрибинцами и африканцами держались скромнее (недаром получили в прессе того времени наименование «невидимого меньшинства»). Притом кратно уступавшая арабо-мусульманской по численности (в мое время не более четырех тысяч против 15–20 тыс. магрибинцев) китайская община выделялась аналогичными признаками идентичности в виде обособления сферы питания и бизнеса: рестораны, магазины, прачечные, парикмахерские, пошивочные мастерские. Текстиль и остался основной сферой китайского бизнеса в Обервилье, притом что в мою бытность преобладали небольшие магазины и мастерские, а портные в своей массе представляли классический «ремесленный пролетариат».

¹ Я проникся этим предостережением и по водворении на место сообщал в Москву: «Нахожусь за Сталинградом в глубоком арабском тылу» (поскольку моя станция метро находилась влед за «Площадь Сталинград»).

² Как-то застал молодых арабов, интересовавшихся вином.

Бросались в глаза иероглифы на вывесках различных заведений, тогда как арабской вязи не видел. Хотя магрибинцы говорили между собой по-арабски, они свободно переходили на французский, тогда как среди китайцев в первом поколении мигрантов (кое я застал) знание французского едва сводилось к стандартным фразам бытового общения. Отсюда и необходимость в иероглифах. Зато китайцы не отличались в одежде от европейцев и в целом выглядели более обеспеченной частью населения. Дальнейшая социальная история Обервилье резко очертила экономическую грань между арабо-африканской и китайской общинами.

Европейцы, или «белые», если обойтись без политкорректности, составляли значительную часть населения, чувствовавшую себя вполне уверенно. На первый взгляд, это были люди средней руки, обжившиеся в городе благодаря программам HLM, «предоставления жилья за умеренную плату»¹. Должен сказать, что последнее было вполне комфортабельным, на порядок выше по классу строившихся у нас в ту пору «хрущевок». Собственно, секретарь Дома наук о человеке Соня Кольпар² и сняла мне жилье в этом секторе, и должен сказать: «студия» в Обервилье была наиболее комфортным местом обитания за время поездок в Париж. Те, кто побогаче, обзаводились жильем в *résidence*, упомянутых выше огоороженных территориях (вроде «клубных домов» в Москве).

В общем Обервилье счастливо избежал геттоизации, постигшей многие коммуны северных и восточных пригородов Парижа³, оставаясь поистине «мультикультурным» с населением, представляющим 108 народностей (*nationalités*) [17]. Судя по последним материалам из Сети, город не изменил своего мультикультурного облика, запечатлевшегося в экономической динамике и расширении культурной инфраструктуры.

¹ Habitation à loyer modéré (HLM) est un logement géré par un organisme d'habitations à loyer modéré, public ou privé, qui bénéficie d'un financement public partiel.

² Необыкновенно внимательная к россиянам, которых тогда было большинство среди грантополучателей фонда, Кольпар осуществляла всестороннюю опеку надо мной.

³ Проезжая по северному полукольцу этого пояса и глядя в окно автобуса, не удержался от метафоры: Красный пояс стал Темно-Коричневым.

Наряду с сохранением традиционной для арабской общины сферы мелкого бизнеса («экономика базара»), создавались в Обервилье новые отрасли промышленности, в частности средств телекоммуникации, государственные предприятия транспорта и связи (Франс-Телеком, ныне Оранж, Документасьён Франсез). Немало возникло отраслевых промышленных лабораторий, центров подготовки инженерных кадров («Сен-Гобен»), офисов крупных компаний, таких как «Родия» с 730 человек персонала. Понятно, это способствует расширению присутствия в городе «белого» населения.

Формируется *Кампус Кондорсе*, куда переводится Новая Сорбонна в составе различных образовательно-исследовательских институтов гуманитарных и социальных наук (включая африканистику и арабистику, изучение Латинской Америки и Ближнего Востока). Городок рассчитан на пребывание 15 тыс. студентов различного уровня обучения. Связан с городской жизнью и при посредничестве мэрии Обервилье проводит научно-просветительские мероприятия в Театре коммуны и лицее Ле Корбюзье.

Театр коммуны стал первым учреждением, созданным по программе культурного обустройства пригородов Парижа, основан в 1960 г., получил статус национального драматического центра в 1971 г. Приобрел знаменитость в городе постановкой спектаклей на злободневные темы, в том числе межкультурных отношений.

Обервилье обладает разветвленной сетью образовательно-культурных учреждений: библиотеки, детские сады, школы, коллежи, лицеи. Есть три частные школы религиозного профиля: католической, иудейской и мусульманской конфессий. Четыре лицея дают профессионально-техническую подготовку для тех, кто не стремится к высшему образованию, что отвечает, очевидно, настроениям многих выходцев из иммиграции. И, отвечая, видимо, тем же запросам, в городе широко представлены клубы и секции для занятия многообразными видами спорта: из наиболее популярных – восточные единоборства, плавание, мото-вело, спортивные игры. Распространены танцевальные кружки, театральные и музыкальные студии, а из спортивных игр нет конкуренции футболу¹.

¹Замечу, что в Токио отличились гандболистки из Обервилье, завоевавшие в составе национальной сборной золотые олимпийские награды, а также фехтовальщица, награжденная серебряной медалью (Olympic https://www.instagram.com/p/CSU281_A90O/).

Городской стадион вмещает большое количество зрителей, а поле имеет искусственное покрытие, рассчитанное на матчи высокого уровня. Есть профессиональная футбольная команда, носящая имя города. Около 20 известных футболистов Франции афро-арабского происхождения – уроженцы Обервилье. Разумеется, при пребывании в городе обратил внимание на мальчишек, гоняющих мяч во дворах. Знаю по своему детству, как дворовый футбол оздоравливает морально-психологическую обстановку в молодежной среде, способствует не только физическому, но и нравственному развитию. Мальчишки из пригородов, мечтающие стать будущими Зиданами и Мбаппе, думается, немалый резерв истинно полиэтнического французского футбола.

Естественно, далеко не все попадают в национальную сборную, топ-команду мирового футбола. Однако в целом футбол становится для молодежи афро-арабского происхождения одним из немногих путей позитивной социализации в современном французском обществе [33]. К сожалению, реализация себя в спорте привлекает далеко не всю молодежь из пригородов. Да и объективно такой канал социальной мобильности не может стать универсальным, и в современной полиэтнической ситуации мы сталкиваемся с криминальными проявлениями молодежной самореализации.

Не стоит, конечно, сводить историю двух десятилетий, прошедших со времени моего пребывания, к заставившим о себе говорить коллизиям, возникшим на почве расширения «китайского присутствия»; однако в плане межэтнических отношений наиболее заметным оказалось вторжение в Обервилье китайского капитала, превратившего город в «экономический эпицентр», по выражению Ариан Перес, китайской диаспоры Парижа и Франции [38]. Центральной фигурой сделались торговцы-оптовики, а наиболее выразительными признаками их присутствия – открытие торговых комплексов: в 2006 г. Франко-Азиатского международного центра (Centre international France-Asie – CIFA)¹ и в 2015 г. Центра моды (Fashion Center), ставшего одним из крупнейших центров оптовой торговли в Европе.

¹ С годовым оборотом около 1 млрд евро (2015). – URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/02/25/grossistes-a-aubervilliers-il-n-y-a-plus-de-clients-ca-devient-grave_1779638

Образовался обширный комплекс магазинов и складов, вбирающих все, что относится к ширпотребу *pret-a-porte* (одежда, обувь, кожаные изделия). Здесь сосредоточивается оптовая торговля товарами, импортируемыми из Китая (кроме текстиля, часы, бижутерия, игрушки и, понятно, гаджеты). Отсюда они развозятся грузовиками по всей стране, а также соседним странам.

Вторжение китайского капитала имело определенную логику и даже две, так как, по выражению автора специального исследования Чжуан Яхань, сошлись «две динамики» [18]. Во-первых, расширение рынка текстиля в 11-м округе столицы за счет наплыва китайских коммерсантов вызвало протесты местных торговцев и постоянных жителей, за которых вступились муниципальные власти. К тому же возросла стоимость жилья, и китайцы сами сочли за благо оставить Париж и переместиться в пригороды, где аренда была значительно дешевле. Обервилье был выбран благодаря удобной связи с Парижем, близости к международному аэропорту Руасси-де Голль и не в последнюю очередь – благодаря социальному климату (видимо, подобное впечатление относительно его благополучия складывалось не только у меня).

А близость к Руасси возымела особую ценность благодаря, во-вторых, вступлению КНР в ВОЗ, которое сопровождалось резким сокращением ограничений на импорт китайских товаров, что и привело к формированию обширного и динамичного оптового рынка. Оптовиками, как установила Чжуан Яхань, проводившая в городе полевые исследования для своей диссертации в Сорбонне, стали уроженцы округа Вэньчжоу (провинция Чжэцзян, КНР), известные своей предприимчивостью и мобильностью [4]. «Ремесленный пролетариат» Обервилье, который и стал в основном объектом нападений – тоже Вэньчжоуская община.

Действовал и третий фактор – логика муниципальных властей Обервилье, надеявшихся, что коммерческая активность китайской общины поможет оздоровить экономику коммуны, впавшей в ходе дезиндустриализации в депрессивное состояние вместе со всей промышленной округой Большого Парижа. Приоритет принадлежит ставшему мэром Обервилье в 2008 г. социалисту Жаку Сальватору, который лично отправился с делегацией муниципальных чиновников и местных коммерсантов в Китай, чтобы наладить торговые связи. Он же, заботясь о внешнем виде города,

выступал поборником вертикальной концентрации оптовой торговли сооружением крупных торговых центров.

Оборотной стороной бесспорного коммерческого успеха этого проекта стало обострение социальных контрастов. Оптовый текстильный рынок далеко не только экономическая зона. Fashion Center со своими бьющими в глаза обывателей витринами в полном смысле соблазнительных предметов роскоши (начиная с женского белья) сделался символом китайской диаспоры, и этот символ разительно отличает ее от прежних потоков иммиграции, став, по замечанию Перес, для китайской общины Обервилье «источком агрессии, которой она подвергается в возрастающей степени в последнее десятилетие с лишним» [38].

В начале нулевых актов «агрессии» против китайской общины не фиксировалось, да и напряженности в межобщинных отношениях в целом не ощущалось. Даже в области более острых антагонизмов, связанных с еврейской общиной: «Прослушав сводку очередных актов на Святой земле, выходишь на улицу Республики и видишь, как спокойно и даже торжественно, отмечая *шабад*, пересекает арабский квартал еврей в лапсердаке, с пейсами, кипа на голове, а поодаль на бульваре Фландрен над рядом магазинов кошерной пищи разносится “алла-бисмилла”. Это молодой сосед-торговец включил погромче голос муллы, совершающего утренний намаз» [2, с. 49].

Итак, Обервилье виделся мне «оазисом сосуществования». Думается, и тем патронам китайского бизнеса во Франции, кто принимал решение о переносе в город своих коммерческих операций и создании здесь макроцентров оптовой торговли. Характерно, что присутствие полиции я лицезрел только дважды. Первый раз при разборке ДТП, который мгновенно «разрулили» подъехавшие на нескольких машинах полицейские¹. Второй, столкнувшись с полицейским патрулем, «прочесывавшим» квартал на... велосипедах.

Потенциальные угрозы стабильности и безопасности в Обервилье я зафиксировал: и социальные (по литературе) – недо-

¹ Инцидент был интересен еще и тем, что приобрел расовый оттенок столкновения между «черным» и «белым» водителями, причем первый отчаянно жестикулировал и вопил на всю улицу, собрав зрителей, однако никакой поддержки не получил.

влетворенность арабской молодежи своим положением; и политические (с добавлением собственных впечатлений) – «Арабская община Обервилье-Пантена выглядит наиболее политизированной частью населения района. Я не замечал ее представителей в местной библиотеке, зато они самые заядлые читатели газет» [2, с. 56]. Наблюдал жаркое обсуждение процесса над участниками теракта на станции метро Сен-Мишель в 1995 г. (8 погибших, 150 раненых).

К сожалению, французская экономика с тех пор попала в сокрушительную сшибку глобалистского неолиберализма и популистского социализма, и в этих условиях духовное самочувствие общества эволюционировало между «упадничеством (*déclinisme*)» и «пораженчеством (*défaitisme*)». Необходимые экономические реформы торпедируются протестными движениями, требующими сохранения государственного патернализма («желтые жилеты» как пример). Катастрофически деградировала обстановка и в арабской общине, оказавшейся между молотом лаицизма¹ и наковальной исламского радикализма.

При моем пребывании в Обервилье об «исламской угрозе» говорили в самых общих тонах; и «исламизм», если так назвать подобные обычаи (внорму эту коррекцию, чтобы дистанцироваться от распространенного в популярном толковании отождествления бытовой традиции с идеологией *салафизма*), выявлялся преимущественно гендерной сегрегацией. Ни разу не видел среди магрибинцев пар или смешанных групп, притом что женские компании нередко состояли из представительниц разных возрастных категорий, выделявшихся кстати и различием в одежде. Скрывавшую лицо *бурка* (паранджу) не встречал, хотя уже это явление, по рассказам, имело место; но женщины в возрасте, как правило, были в

¹ Термин «лаицизм» (букв. светскость) впервые появляется в «Педагогическом словаре» Ф. Бюиссона (1887). Обозначая французскую разновидность секуляризма, он отразил ожесточенную борьбу с влиянием католической церкви, начатую во время Великой французской революции (Первая республика) и закрепленную в Третьей республике законом об отделении государства от церкви и церкви от школы. В Пятой республике принципы, утвердившиеся в борьбе с монополией католицизма, стали использоваться в борьбе с влиянием ислама, сделавшись основой унитаристской модели интеграции инокультурных сообществ [3; 6; 10].

описанных одеяниях, спускавшихся почти до щиколотки. У девушек попадались *хиджабы* и притом в той же женской компании нередко мелькала довольно короткая, до колен юбка.

Вечерняя компания в кафе – излюбленная форма препровождения в арабской общине – исключала женское присутствие (хотя обслуживали обыкновенно женщины, но европейского облика). Такая «бытовая» традиция сохраняется до сих пор, и местные феминистки борются за право посещать кафе женской компаний. Активистки из общества «Место женщинам (Place aux femmes)» предлагают владельцам принять своеобразный кодекс поведения: «1. Обязуюсь принять благожелательно и с уважением женщин, которые будут посещать мое заведение. 2. Обязуюсь поддерживать обстановку спокойствия, вмешиваясь в случае необходимости, чтобы сохранить взаимное уважение» [31].

Обычная между тем до сих пор картина: мужчины, целыми днями сидящие под навесами своих магазинов или кафе и разглядывающие, что называется, в упор (навесы занимают почти половину и без того узких тротуаров) проходящих женщин, сопровождая их, по свидетельству последних, «наглыми взглядами», «непристойными замечаниями», а то и приставанием слоняющихся молодых бездельников. «Я постоянно чувствую себя объектом чего-то угрожающего (*micro-agressée*)», – отметила активистка общества «Место женщинам» [там же].

В довершение к мусульманским обычаям женский вопрос оказался завязан на проблему молодежной девиантности в афро-магрибинских общинах. В масштабе страны афро-арабская иммиграция с заметным преобладанием безработной молодежи выделяет по важнейшим социально-экономическим показателям департамент Сена-Сен-Дени (в который входит коммуна Обервилье) в худшую сторону. В 2018 г. уровень бедности фиксировался здесь вдвое выше общефранцузского. Об отношении к образованию среди учащихся красноречиво свидетельствует падение уровня грамотности: в 1987 г. 5,4% учеников делали по 25 и больше ошибок, в 2015 г. – 19,8%. От 8 до 20% населения, по оценкам, были «нелегалами (*sans-papiers*)», не имевшими вида на жительство.

Департамент отличается самым высоким в стране уровнем преступности, 18% всех уголовных дел с наркотиками приходилось на эту территорию. В департамент входит печально известная

коммуна Клиши-су-Буа, гибель двух подростков¹ из которой явилась сигналом для протестных выступлений, охвативших осенью 2005 г. всю Францию и принявших откровенно вандалистский характер (было сожжено 9000 автомобилей).

Социальная обстановка в Обервилье – в известной мере типична для этого 93-го (по дате образования) департамента Французской Республики. Среди населения коммуны наивысшая в департаменте доля иммигрантов (41,2% в 2010 г.), из них 60% с Африканского континента, в большинстве из Алжира [31]. Еще заметнее афро-магрибинская концентрация в младшем возрастном контингенте (до 18 лет): около трех четвертей иммигрантов.

Притом Обервилье – одна из экономически развитых коммун. И парадоксально остается бедной, а население в значительной степени незанятым. Это самая бедная коммуна в пределах континентальной (metropolitan) Франции: уровень бедности 44,3%, вдвое выше национального (в метрополии) – 14% в 2017 г. А уровень безработицы 23,1%, что в 2,5 раза выше национального – 9,4% [20, 37, 41]. Исторически промышленный город особенно пострадал от дезиндустриализации, а пришедшие на смену закрывшимся заводам современные производства требуют высококвалифицированного труда и недоступны для афро-магрибинской молодежи. Эту потерю не может компенсировать третичный сектор при преобладании мелких предприятий (до девяти занятых) и обилии самодельных хозяйчиков.

На общем фоне массовой безработицы выделяется, вне всякого сомнения, бурный рост крупных торговых центров оптовой экспорто-импортной торговли с преобладанием китайского персонала. Обращает на себя внимание тот факт, что при численности проживающих в городе около 5 тыс. число работающих здесь китайцев достигает (по оценкам) 10 тыс. [13].

Нападения на китайцев происходят, подчеркну, на фоне и в контексте общего роста местной преступности. По сравнению с 2014 г. в 2018 г. акты насилия в Обервилье, по данным МВД, выросли на 31,6% (1387), воровство на 18,9 (5226), преступления, связанные с наркотиками, на 46,6 (777), мошенничество (escroqé-

¹ Они попытались скрыться от полицейского патруля в трансформаторной будке.

rie) на 234% (1914) [31]. По оценке МВД за 2019 г., коммуна Обервилье по уровню насильственных преступлений занимает второе место в метрополии Франции¹.

Примерно с 2011 г. преступность стала приобретать этнический оттенок, и в 2016 г. ситуация достигла кульминации: по данным префектуры полиции Сена–Сен-Дени, «с января до августа на азиатов было совершено 105 нападений, втрое больше, чем за аналогичный период 2016 г.» [25]. Прямой целью преступников становилось ограбление, что, по французской криминальной статистике, попадает в категорию «воровства с применением насилия» [15]. Даже то, что случилось 7 августа 2016 г., – со смертельным исходом. Убитым оказался портной Чжан Чаолин, возвращавшийся домой с товарищем после работы в мастерской. Напавшими были трое подростков от 15 до 19 лет, этничность которых, по понятным причинам, не называется. Нападение носило дерзкий характер. Подростки атаковали двух мужчин среднего возраста. Смертельный исход не предвиделся. Чжан от удара упал на мостовую, стукнувшись головой. Добычей грабителей стали мобильный телефон, несколько евро и сладости.

Мэр Обервилье Мериам Деркауи тотчас же назвала случившееся – едва ли не впервые для французского должностного лица – преступлением «расистского» характера. «Это преступление, – заявила она, – является тем более одиозным, что его корыстный умысел отягчается расистской направленностью в отношении части наших сограждан» [21].

Следует отдать должное мэру-коммунистке. Она загодя предупредила начальство об опасной ситуации, складывающейся в городе. И жалуясь о несправедливости в поддержании безопасности в «народных кварталах (quartiers populaires)², требовала удвоения полицейских сил в городе со 150 (это на 100-тысячное население!) до 300 человек.

Адвокаты обвиняемых между тем доказывали, что жертвой оказался китаец по случайному совпадению, т.е. нападение не носило отягчающего, согласно французскому правосудию, расист-

¹ Avis posté le 14-01-2021 à 16:10. Par antananarivo [15].

² Очевидно, термин «quartiers populaires» заменяет ставший одиозным термин «zones urbaines sensibles», распространившийся на фоне бунтов 2005 г.

ского характера. Понятно, что адвокаты пытались уменьшить вину подзащитных, однако вопрос далеко не прост. Количество ограблений китайцев действительно незначительно при общем количестве подобных преступлений в городе. В случаях нападений на китайцев, происходивших ранее, должностные лица придерживались той же версии, что в данном эпизоде адвокаты.

Считалось, что китайцы становятся жертвой малолетней шпаны, «компаний молодых людей, которые болтаются без дела и привязываются» к китайцам («bandes de petits jeunes qui traînent et déconnent») из-за двух распространенных стереотипов: *«китайцы имеют обыкновение держать при себе большие суммы наличности и как нелегалы никогда не осмелятся жаловаться в случае нападения»*. Мэр-социалист 20-го округа (включающего частично китайский Бельвиль) Ф. Каландра уточнял тогда: *«не имея вида на жительство и работающие нелегально, они не могут завести счет в банках и потому осуществляют свои коммерческие сделки наличностью»*.

В общем, как резюмировал Р. Гийонне, президент l'Nébergement différent, общества содействия аренде жилья (главным образом среди мигрантов), в интервью газете «Монд», «мишенью становятся те, у кого есть деньги, по меньшей мере так предполагается. Это вполне могут быть негры или арабы, ибо это вопрос денег, а не расизма» [46]. «Фигаро» придерживалась сходного мнения, что и «Монд»: из-за отсутствия регистрационных документов и плохого знания французского «китайцы – легкая добыча» [19].

Итак, расовая ненависть или легкая добыча? Каковы мотивы нападений на китайцев? Переход от «ситуационной» (легкая добыча) к «фундаменталистской» (расизм) версии в СМИ очевиден. Можно, конечно, задуматься об изменениях во французском общественном мнении, менее склонном ныне к политкорректности. Но и у части специалистов «фундаменталистская» версия стала интенсивно разрабатываться. Нападения молодежных групп на китайцев с целью грабежа обобщаются в межобщинном и межэтническом контекстах.

Ариана Перес предложила называть враждебное отношение к китайской диаспоре «расизмом ресентимента», подобным антисемитизму [38]. Понятие не вошло в широкое употребление, между тем, на мой взгляд, имеет шансы на продвижение. Имеется в

виду чувство враждебности к представителям успешного сообщества. «В этих молодых людях, – замечает Е.Б. Деминцева (ВШЭ), проводившая полевые исследования среди магрибинской общины в начале нулевых, – с детства зарождается чувство обиды на окружающее их французское общество. По мере взросления оно перерастает в чувство ненависти к “другим”, тем, “кто лучше живет”» [5, с. 76].

Нетрудно, конечно, культурологические предположения поддержать социологической аргументацией о конкуренции между арабским мелким бизнесом и крупным китайским капиталом. Все же я бы не стал сбрасывать со счета «ситуационную» версию (легкая добыча), да она и не противоречит «ресентименту», подразумевающему сублимацию чувства социальной неполноценности и индивидуальной фрустрации.

Грабящим китайцев арабо-африканским подросткам, казалось бы, пора было убедиться, что китайцы не носят с собой больших денег и добычей нападающих становится буквально мелочь. И если подобная агрессивность продолжается, то, очевидно, удовлетворение приносит собственно акт физического и морального насилия, который сопровождается ощущением своего, хотя бы и ситуационного превосходства над жертвой.

А это заставляет обратить внимание на психологию молодежной девиантности, которая, разумеется, не сводится к поиску инородцев – ведь объектом нападений могут стать коренные француженки, да и женщины-соплеменницы чувствуют себя угрожаемыми. И в целом на первый план выступают откровенно гендерные мотивы. Притом важны и последствия. Своими действиями молодые преступники сеют в обществе обстановку страха, и если такое злостное хулиганство, граничащее с бандитизмом, к чему-то выводит в смысле их социализации, то не к расизму, а к терроризму.

Е.Б. Деминцева закономерно поставила вопрос, в какой степени эту молодежь следует считать «арабами», этнокультурными представителями магрибинской общины [5]. Лишенная заодно с «исторической родиной» этнокультурных корней и отвергающая интеграцию во французское общество арабо-африканская моло-

дежь в своей изрядной части пополняет ряды новых «отверженных»¹.

И хотя аспект конфессиональной идентичности за два последних десятилетия в целом усилился, ее отстаивание мусульманской молодежью не изменило характера преступности. В меньшей степени это межобщинный антагонизм и в большей – негативная самореализация в неблагоприятных социальных условиях. Чувствуя себя отвергнутыми обществом, они пытаются навязать ему «закон джунглей», как выразился офицер полиции, занимающийся молодежным бандитизмом в парижских пригородах. Один из обвиняемых так и выразился: «Есть дичь, находятся охотники» [43].

Напоминает этот бандитизм и «ритуалы перехода» в плененных социумах (заметим, что вместе с арабской молодежью участвуют выходцы из Тропической Африки), т.е. обряды мужской социализации для молодежи. В компании, к которой они принадлежат, им говорят: «Теперь твоя очередь» [40]. И молодые ребята, не достигшие зачастую совершеннолетия, выходят на «охотничью тропу».

Замечательна характеристика преступности в Обервилье от непосредственного очевидца: «Стычки между соперничающими бандами, родео², нападения, воровство с грабежом, трафик тяжелых наркотиков... сожженные автомобили и т.д. – повседневность жителей города». И на таком фоне «трусливая подлость этих хулиганов, которые нападают и грабят слабых: пожилых людей, женщин, китайскую общину и многих из тех, кто не оказывает сопротивления». Автор – креол и, судя по «нику», из столицы Мадагаскара. Цвет кожи до поры обеспечивал ему относительную безопасность, но в конце концов и ему довелось подвергнуться «бессмысленному», по его словам, нападению «восьмерых против

¹ См.: Лапина Н.Ю. Новые отверженные: Французский контекст // Независимая газета. – 29.06.2020. – С. 12. – URL : https://www.ng.ru/style/2020-06-28/12_7896_style.html?id_user=Y

² Очевидно, имеется в виду бесшабашная езда на мотоциклах, на что жаловались и в других комментариях. Должен заметить, беспорядочный уличный трафик – новое явление. При моем пребывании был приятно удивлен вежливостью водителей (тогда еще в Москве не было обыкновения уступать дорогу пешеходам), да и с ДТП столкнулся только один раз.

двоих», и он счастлив, что удалось выйти из этой схватки живым. После чего он форменным образом сбежал из города, переселившись в парижский район Венсенского леса¹.

Нельзя сказать, что китайская диаспора не оказывает сопротивления. По выражению авторов специального исследования, она «ставит блок». Коллективный! Китайцы с присущей этносу способностью к самоорганизации устроили в Обервилье систему оповещения об опасности, патрулируют наиболее опасные места и – наследие, очевидно, коммунистического воспитания на исторической родине – устраивают регулярные семинары по самообороне. Мобилизуются адвокаты китайского происхождения и волонтеры-молодежь, знающие французский язык и помогающие жертвам нападений с обращением в полицию. Прибегли китайцы и к массовым манифестациям по-французски с дефилированием от Площади Республики к Площади Нации с трехцветными флажками и лозунгами «Безопасность для всех».

Китайская община стремится действовать законным путем. Как заявила авторам специального исследования одна из собеседниц элегантного возраста: «Мы живем в демократическом обществе и должны уважать закон». Однако при этом ее более молодые соплеменники сетуют: «Франция не принимает нас всерьез». И потому «нужно говорить громче, быть требовательнее, перестать скромничать и продолжать выступления, пока не добьемся того, чего хотим». «Китайская община, – резюмируют авторы исследования, – рассчитывает, что ее голос будет услышан» [14].

Свои требования предъявляет властям и мусульманское общество, притом подобное волеизъявление принимает специфический и порой угрожающий характер, обусловленный, с одной стороны, многочисленностью выходцев из мусульманских стран (в первую очередь Алжира), а с другой – его вынужденной в значительной мере вовлеченностью в борьбу радикальных течений исламского мира против глобальной модернизации. Ось этого грандиозного противоборства, сравнимого может быть по ожесточенности с холодной войной, проходит через пригороды французских городов, и прежде всего Большого Парижа.

¹ Avis posté le 14-01-2021 à 16:10 Par Antananarivo [15].

С 2005 г. положение в пригородах занимает одно из первых мест в политической повестке дня. После терактов 2015 г. точно так же одно из первых мест в общественном мнении Франции стяжала проблема исламизма, толкуемого как фанатичное следование предписаниям канона и противопоставление их республиканским принципам светского государства.

Для правых радикалов французской политики совершенно логично было связать две проблемы воедино, или, как афористично сформулировала Марин Ле Пен: «Пригороды плохо управляются (*sont maltraitées*), поскольку предоставлены исламистам» [32]. Иначе говоря, засилье исламистов объясняется слабостями государственной политики в отношении пригородов, а эти слабости, в свою очередь, – следствие влияния левых политических сил, в том числе на местном уровне.

Постулаты «исламогошизма» имеют очевидные основания благодаря сочетанию двух факторов, оказывающихся на поверхности: мусульманское население пригородов и сохраняющаяся политическая ориентация последних на левые партии, как и ориентация последних на этот «новый пролетариат». Серьезной попыткой поддержать подобные наблюдения углубленным научным анализом оказалось университетское издание под провокационным, как признал сам руководитель проекта профессор Новой Сорбонны – Париж-3 Бернар Ружье, названием «Территории, захваченные исламистами» со специальной главой, посвященной Обервилье и преследующей цель проиллюстрировать такой «захват» в локальном разрезе [42].

Коллективный труд Ружье и его учеников вызвал своим появлением невероятный ажиотаж в прессе и, мгновенно распространившись массовыми тиражами, стал бестселлером. Между тем у специалистов концепция «захвата» вызвала серьезные возражения. Рецензентами отмечалось, в частности, что идеологическое влияние, масштаб которого авторам не удалось установить, смешивается с «овладением территории», когда складывается подобие гетто, где «бригады блюстителей нравственности силой навязывают жителям квартала строгое соблюдение религиозных норм» [24].

Солидаризируясь всецело с идеей «исламистской угрозы», многолетний мэр коммуны Монфермей, одного из центров огромных манифестаций 2005 г., Ксавье Лемуан (Христианско-

демократическая партия) счел все же необходимым уточнить: «Закрытые анклав... пока еще редкие случаи» [30]. Относится ли к ним Обервилье? И что удалось показать автору главы о нем (Жюльен Дюран), призванной стать фактологической опорой общей концепции издания?

По словам одного из рецензентов, «крестовый поход салафитов против лаицизма», вынужденно облеченный в республиканские формы, становится попыткой «клиентелистского овладения городом» [29], иными словами, установления гегемонии через свою клиентуру в муниципальных органах власти. Тем самым должна подтверждаться центральная идея профессора Ружье¹, что левые, прежде всего коммунисты, потеряв вследствие деиндустриализации свою социальную базу в пригородах, оказываются в зависимости от поддержки исламистов, влияние которых возросло пропорционально численности благодаря воссоединению семей мигрантов из Магриба.

Поскольку коммунисты сохраняют пост мэра с 1945 г. (за исключением шестилетнего правления социалиста Жака Сальватора), город становится удобным объектом для анализа. В городе с 2001 г. действует официально зарегистрированная Ассоциация мусульман Обервилье (АМО), и некоторые члены муниципалитета находятся в связи с ней и даже являются ее членами. Ассоциация выдвигает свои требования к муниципальной власти от имени местного мусульманского сообщества, такие, например, как выделение части муниципального кладбища под захоронения мусульман, т.е. погребения по религиозному обряду. Испрашивается также предоставление муниципальной земли для проведения обрядов жертвоприношения (*Ураза-байрам*) и строительства мечетей.

Жюльен Дюран указывает на стремление обеспечить благоприятное разрешение подобных обращений выдвижением своих представителей в муниципалитет, что он квалифицирует как формирование исламской партии на местном уровне. Главным фигурантом «исламистской» клиентуры в муниципалитете Обервилье Дюран и следовавший за ним автор расследования в «Марианне» называют Софиана (Sofienne) Карруми. Многолетний муници-

¹ Замечу, что Ружье избегает термина «исламогошизм» и подчеркивает, что речь должна идти лишь о части левых, имея в виду «Непокоренную Францию» Меланшона.

пальный советник, кабил по происхождению, замеченный в соблюдении религиозных обрядов, включая особо одиозный для светского сознания *Ураза-байрам*, и сотрудничавший с АМО, он предположительно стал организатором возвращения к муниципальной власти в 2014 г. члена ФКП Паскаля Боде¹, при котором и сложилась объявленная в «Территориях, захваченных исламизмом» местная «исламистская сеть».

Дальнейший ход политической борьбы на муниципальном уровне, однако, с трудом укладывается в эту концепцию. Встретившись с серьезными разногласиями внутри своей предвыборной коалиции, Боде в 2016 г. подал в отставку. На пост претендовали Карруми и член фракции левых коммунистов, муниципальный деятель с 30-летним стажем Жан-Жак Карман. Оба они были заместителями Боде, однако тот предпочел преемство первого заместителя Мериам Деркауи.

Последняя патетически опровергала заявления Ле Пен о захвате пригородов исламистами и тем самым досадила Марин настолько, что та не удержалась от грубой инсинуации. Напомнив об алжирском происхождении Деркауи, Ле Пен прозрачно намекнула, что, оказавшись во Франции по милости властей – типичная фигура речи лидера Национального объединения в осуждении миграционной политики ее политических противников, – мэр Обервилье будет транслировать алжирские порядки. И наглядно попала пальцем в небо: Деркауи на родине вела борьбу, в том числе подпольную, за демократический и светский Алжир и приехала во Францию с детьми как политический беженец, когда исламисты взяли верх.

Она и на практике оказалась совершенно независимой от мусульманской клиентуры в муниципалитете, продолжив начатую Сальватором политику покровительства китайской общине и даже, можно сказать, собственноручно участвовала в церемонии китайского Нового года, разрисовав одну из фигур церемониала. Да и активной поддержкой феминистского движения вряд ли могла снискать симпатии мусульманских фундаменталистов. Но, пожалуй, главное – она выстояла против давления «исламистской се-

¹ Был мэром до 2008 г., когда его победил на выборах упоминавшийся социалист Жак Сальватор.

ти». Оселком конфронтации стал отказ Деркауи подписать соглашение о предоставлении АМО в аренду на 99 лет муниципальной земли под сооружение Большой мечети, по сути мусульманского духовного центра в составе ритуальных и культурно-образовательных учреждений.

«Я бесконечно уважаю эту религию», – заявила Деркауи, но проект освоения предложенного участка земли (территория бывшей промзоны) «касается всех нас, а не только АМО» и не может быть реализован одним мусульманским сообществом. Это «дело всего населения» Обервилье [34]. Соответственно Деркауи должна была лишиться поддержки мусульманского лобби, если такая и была, а заодно и части левых, ибо Карруми (DVG – Различные левые) перед вторым туром муниципальных выборов 2020 г. заручился поддержкой Кармана и социалистов.

Муниципальные выборы 2020 г. объявлялись в «Территориях, захваченных исламистами» тестом для «исламогошистской коалиции». Карруми, выступавший от имени «Объединенной левой Обервилье» (Aubervilliers rassemblée, à gauche), обошел Деркауи, которая шла на выборы под «беспартийным» девизом «Обервилье для вас (Aubervilliers est à vous)», (31 против 24% без дробей); однако то была пиррова победа. Выдвинувшаяся уже в первом туре благодаря поддержке блока центристских партий представитель Союза демократов и независимых Карин Франклет во втором туре снискала поддержку всего умеренного электората и естественно взяла верх (44,55%) над расколовшейся левой группировкой с ее дезориентированным электоратом (соответственно, уровень абсентеизма превысил 60%).

Можно заключить, что политически активная часть населения Обервилье избранием сначала Деркауи, а затем Франклет опровергла постулат о завоевании города исламистами. Избранная мэром Карин Франклет уже своим обликом являет прямой вызов радикальному исламизму. Импозантная молодая (38 лет) француженка, завуч местного профтехнического лицея, которая отнюдь не стыдится своей привлекательности, может надеть мини-юбку и не считает зазорным проехать по городским улицам на велосипеде.

Вместе с тем во время избирательной кампании агитировала за себя на местном базаре среди торговцев-мусульман. Заодно с Карруми, оставшимся в должности заместителя мэра, направила в

июле 2021 г. послание солидарности народу Алжира, страдающему от пожаров, и «особенно коммуне Bouzeguène, с которой наш город является побратимом и среди выходцев из каждой деревни которой есть *мои друзья-кабилы* (курсив мой. – А.Г.)». Из муниципального бюджета обещала финансовую помощь в размере 50 тыс. евро¹.

Дочь сельских учителей, вышедшая из «глубинки», небольшой деревни в долине Марны, – такие люди приходят в политику, обладая мощной энергетикой и одержимые амбициозными планами. Ступив на эту стезю, Франклет взяла за образец подражания и вдохновения Симону Вейль, легендарную женщину французской политики, узницу нацистских концлагерей, достигшую своей борьбой за равноправие женщин (в должности министра здравоохранения провела закон о легализации аборт) и европейское единство (первый председатель парламента ЕС) вершин почета и упокоенную в Пантеоне.

Франклет шла на выборы под лозунгом «обновления Обервилье». Рассчитывая на привлекательность новых модернизационных проектов, в первую очередь Кампуса Кондорсе, она мечтает превратить Обервилье в «университетский гостеприимный и привлекательный город, где семьи могут спокойно прогуливаться, девушки распивать коктейли на террасах и ездить в юбке на велосипедах по городу... Железной рукой, но с неизменной улыбкой новый мэр рассчитывает изменить лицо города», – замечает обозреватель [27].

«Железные» свойства Франклет проявила, потребовав перемещения с берега канала Сен-Дени на окраине Обервилье большого самостийно возникшего лагеря беженцев (1500 человек, преимущественно мужчины из горячих точек Ближнего Востока). Добившись выполнения, Франклет признала, что решение не идеальное, но проблему надо решать на национальном уровне, а она исходила из безотлагательных требований санитарного состояния в городе [35].

Гораздо сложнее для муниципальной власти справиться с антисанитарией в самом городе, который, по мнению комментаторов на сайте «Мнения об Обервилье», остается грязным из-за не-

¹ <https://www.facebook.com/karine.franclet.1>

чистоплотности определенной категории обитателей (окурки, бутылки, объедки). При наличии множества урн и регулярности сбора мусора подобная нечистоплотность выступает неким историко-цивилизационным конфликтом, провалом во времени. «Эти люди будто живут в 1800-х годах»¹, – замечает один из комментаторов. И он прав: модернность, зрелая урбанистическая цивилизация сталкиваются с привычками и обычаями, уходящими в глубокое прошлое.

Указанный аспект той же проблемы – разнузданное поведение праздношатающейся молодежи, особенно беспокоящее жителей по ночам, и весь сопутствующий набор негатива: наркотики, хулиганство, воровство. И в целом – небезопасность городских улиц.

Агрегированная оценка мнений на упомянутом сайте² дает городской безопасности 4,52, ниже только экология 3,99: городу катастрофически не хватает зеленых насаждений³ на улицах и во дворах. Зато показатели по здравоохранению, спортивно-досуговым и культурно-образовательным учреждениям значительно выше 6, а наиболее высоки по транспорту (главным образом метро). Невысоки оценки качества жизни (в целом) – 5,13 и торговли – 5,63⁴.

Последняя оценка затрагивает неразвитость и главное узость сферы мелкого бизнеса, которую называют «коммунотаристской», т.е. ориентированной на потребление одной из этнических общин (магрибинской, африканской, китайской). Можно догадаться, что преступность тоже имеет в представлении жителей «коммунотаристский» аспект, хотя на сайте это не афишируется. Примечательна оценка, судя по «нику», 45-летнего жителя города: «Многие комментаторы говорят скорее о своем чувстве опасности, чем о реальной небезопасности. Это чувство возникает у некоторых

¹ Avis posté le 16-03-2021 à 22:35 Par Denis [15].

² Комментаторы, в подавляющем большинстве сами жители, должны были выставить оценку от 0 до 10, как общую о качестве жизни, так и по отдельным сферам жизни.

³ Меньше полутора кв. м на жителя при норме ВОЗ 8,58.

⁴ Даже люди, стремящиеся уехать из Обервилье, дают этой сфере высокие оценки – до 8 баллов (см., например: Avis posté le 14-06-2021 par Valérie12345 [15]).

комментаторов подобно павловскому рефлексу¹, поскольку один вид *джеллаба*² или темноватый вид кожи вызывают у них невроз (*des attaques*)»).

Этого, очевидно, хорошо образованного жителя Обервилье мультикультурность города не беспокоит, хотя он признает, что значительно проще решать задачу поддержания порядка и обеспечения безопасности в городе при однородности социального пространства. Решение проблемы он усматривает не в культурной сфере, а в социально-экономической: «С прибытием новых жителей из средних классов» положение будет «неизбежно улучшаться» пропорционально снижению уровня бедности³.

Аналогична оценка Новосела⁴, приобретшего жилье в городе: он приветствует мультикультурность Обервилье, многочисленность различных «культурных ассоциаций»; но разнородность социального пространства, «коммунотаризм» последнего (иными словами, элементы геттоизации отдельных кварталов) вызывают критику. По его мнению, для преодоления социальной разобщенности мэрия должна активизировать программы НЛМ. В пользу *mixité sociale*, т.е. соединения в одном социальном пространстве различных общин⁵ высказывается и уроженец Обервилье с почитаемым среди мусульман «ником» Хамза⁶.

«Я думаю, – полагает инвестировавший в городскую инфраструктуру Марк Лежандр, – что у мультикультурности Обервилье

¹ Т.е. условному рефлексу у собак в опытах И.П. Павлова.

² Джеллаба – традиционная одежда, длинный, с остроконечным капюшоном свободный халат с пышными рукавами, распространенная среди мужчин и женщин арабоязычных стран Средиземного моря, в основном в Магрибе.

³ Avis posté le 19-03-2021 à 15:40 Par Albertivillarien76 [15].

⁴ Avis posté le 08-08-2021 à 08:49 Par un Nouvel habitant [15].

⁵ Государственный курс создания единого социума в полиэтническом обществе, наиболее продвинутая реализация коего государственная школа, объединяющая девочек и мальчиков различного происхождения в одном классе, что вызывает немало возражений как со стороны коренных французов, так и части мусульманского сообщества. Единая образовательная программа в ее нынешнем виде вызывает недовольство и других иммигрантских диаспор, в частности китайской общины, представителей которой особенно возмущает франкоцентризм в преподавании истории с игнорированием ориенталистской (синологической) тематики.

⁶ Avis posté le 20-01-2021 à 10:36 Par Hamza [15].

есть шанс в долгосрочной перспективе». Обновление состава населения за счет парижан и приехавших из других городов обеспечит «положительное равновесие (*un bon équilibre*) в его структуре и он станет похожим на Бруклин с многообразием искусств, множеством артистов и вегетарианской еды (*bars bobos*)»¹.

Город «изменяется с большой быстротой», город – «сплошная стройка», «позитивные изменения все более заметны», «полная трансформация». Среди подобных оценок на сайте «Мнений об Обервилье» отмечу положительную оценку усилий нового мэра (Франклет), благоустройство различных частей города и особенно джентрификацию, т.е. желаемое повышение общего имущественного уровня за счет более обеспеченных новоселов и прихода инвесторов. «Джентрификация усиливается, – констатирует один из комментаторов, – конечно, стоимость жилья повышается. Но много обновления и торговля (*les commerces*) начинает диверсифицироваться»².

Сооружение различных экономических и культурных объектов форсируется появлением второй ветки метро. С продлением линии 12 парижского метро, открытием в 2012 г. станции *Фрон Популер* на одноименной площади Народного фронта и запланированным на 2021 г. дальнейшим движением до мэрии и станции Эме Сезэр³ связь Обервилье с Парижем становится интенсивней, и в эту связь включаются новые сферы городского развития (прежде всего Кампус Кондорсе). Город становится привлекательнее, и в него тянутся новые категории жителей среднего достатка, которых дороговизна жилья выгоняет из Парижа и других метрополий.

Дополнительные перспективы открывает Олимпиада-2024, которая пройдет в Париже. Жители и власти Обервилье ожидают, что отдельные олимпийские объекты будут возведены в городе или по соседству с ним – ведь Обервилье находится рядом с центром будущих событий Стад де Франс. Самоощущение жителей выглядит в целом довольно оптимистичным. Агрегированная

¹ Avis posté le 28-03-2021 à 09:38 Par Marc Legendre [15].

² Avis posté le 27-06-2021 à 18:51 Par NIG [15].

³ Уроженец о-ва Мартиника, французский поэт, основатель вместе с Сенгором негритюда, учитель Франца Фанона.

оценка мнений жителей за 2020–2021 гг. дает городу приличное 136-е место из 7161 учтенных (*villes notées*).

Во французской, да и в российской социологии распространено толкование глобализации как процесса, который обернулся для Франции «разломом» между преуспевающими крупными городами, ставшими частью глобальной экономики, и «периферийной Францией» – небольшими городами и селениями, которые не нашли своего места в ней. В связи с этим возникает вопрос, куда отнести такие пригороды, как Обервилье.

Объективно город стоило бы включить в депрессивную «периферийную» Францию, пострадавшую от глобализации с ее дезиндустриализацией и обострением интеграционно-миграционных проблем. С начала нулевых можно отметить ухудшение качества жизни по таким показателям, как безопасность, санитария, порядок на дорогах, экология. Но в последние годы заметны позитивные сдвиги, которые позволяют жителям, идущим в ногу со временем, с оптимизмом глядеть вперед. И они призывают столичную публику (включая, как видим, частично экспертное сообщество) к более взвешенной оценке положения в таких пригородах.

Образец нахожу в комментарии с «ником» Себ (Себастьян?), который делится своим впечатлением о более чем двухлетнем проживании в Обервилье: «Да, это отнюдь не идеальный город. Но когда люди говорят, что это худший из притонов (*le pire des coupes gorge*), притом что сами не живут здесь, или порют чушь (*dire des énormités du style*), что “99% людей здесь маргиналы (*zonards*)”¹, это вызывает недоумение. Думаю, что и я с моим внешним видом: джинсы, кроссовки, *баскет*, *худи*², – и моей привычкой пить кофе на вынос мог бы сойти за такого маргинала».

Себ явно иронизирует над традиционно-французскими представлениями о «комильфо», а заодно над огульным отношением к жителям пригородов. Его автопортрет замечателен соединением непривычных для столичного обывателя черт – спортивного американизма и того, что принесла арабская иммиграция. В целом

¹ Может быть, от *Zones urbains sensibles* (жители трущоб)?

² *Баскет* – вероятно, часть спортивной формы баскетболиста, *худи* – кофта с капюшоном.

такой стиль отнюдь не дешев и расходится с восприятием обитателей трущоб.

Себ критически оценивает безопасность и экологию, положительно отмечает медицину (амбулатории, несколько медицинских центров, госпиталь, два зубоврачебных кабинета), хотя и недостаточно (на «восемь» по принятой шкале), но «лучше, чем во многих пригородах». Еще выше (на «девять») наряду с транспортом – культурно-образовательные учреждения и на «десять» – спорт: стадионы, спортивные залы, плавательный бассейн. «Посмотрите, сколько спортсменов высшего уровня вышли из Обера в боксе, гандболе, футболе!», – заканчивает он свой комментарий¹.

В аналогичном сравнительном плане интересен комментарий с красноречивым «ником» Paysandu93, обозначающим, очевидно, молодого человека крестьянского происхождения. Для него Обервилье по уровню благосостояния часть Парижа, которому он противопоставляет родной Лимузен. Сравнивая с родиной, где скорой помощи не дожидаться, одна амбулатория на всю округу, да и там врач уходит на пенсию, а из спортивных заведений за тренера корова, особенно он отличает транспорт («не нужно иметь свою машину»). «Много *люля-кебаба*? – реагирует он на сетования обервильцев по поводу узости общепита. – Но сколько мест, где, не смейтесь, мечтают о *кебабе*!» Единственный негативный пункт для него экология: «Обервилье плохо пахнет». В общем для лимузенца «парижане, которые без усталости жалуются, не отдают себе отчета в тех возможностях, которыми располагают»².

Краткий очерк истории Обервилье позволяет заключить, что город, избежав геттоизации, сохранил свою мультикультурность, тем самым подтвердив основательность курса на разнообразие (*Diversité*), осмысленного в высших органах власти в начале нулевых. Сорванный попятным движением, реализованным в законе 2010 г. о запрете одежды мусульманок, закрывающей лицо, он вновь актуализуется при президенте Э. Макроне, который продолжает объявленную еще Н. Саркози борьбу за *французский ислам*, иными словами, республиканскую интеграцию мусульманского сообщества при сохранении его конфессиональной идентичности.

¹ Avis posté le 16-01-2021 à 11:50 Par Seb [15].

² Avis posté le 19-01-2021 à 08:50 par Paysandu93 [15].

Вряд ли способствуют этому курсу различные издания, живописующие «исламистскую угрозу» и склонные расценивать традиционную мусульманскую обрядовость проявлением исламского радикализма. Обратной стороной сведения культуры к религиозной идеологии становится деградация. На примере Обервилье отчетливо видно, что угрозу общественному порядку в городе и благополучию ее жителей несет не культура, хотя и отмеченная религиозностью ее носителей, а негативная социализация, недостаток воспитания, низкий культурный уровень отдельных категорий горожан. Очевидно и то, что к различным культурам стоит подходить с одной меркой. Плодотворно ли противопоставлять церемонию встречи Нового года по китайскому обычаю, пользующуюся поддержкой местных властей, Рамадану, ритуал коего считается предосудительным? И в том и в другом случае отстаивается идентичность и от нее вряд ли какая-либо из иммигрантских диаспор откажется при адаптации к французскому образу жизни. Францию может ожидать мультикультурная интеграция, если общество окажется достаточно зрелым, чтобы отказаться от навязывания инокультурным диаспорам кодифицированного набора ценностей, блокирующего цивилизационную динамику. Но при нарастании угроз политической стабильности ассимиляционный курс унитаристской интеграции может ужесточиться.

Список литературы

1. Восток на Востоке, в России и на Западе : трансграничные миграции и диаспоры / ред. С.А. Панарин. – СПб. : Нестор-История, 2016. – 304 с.
2. Гордон А.В. О культуре многообразия (заметки социолога, анализ историка) // Синергетика образования : межвузовский сб. – М. ; Ростов н/Д : Южное отд. РАО, 2004. – Вып. 2. – С. 46–62.
3. Гордон А.В. Ислам во Франции : Опыт интеграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – М., 2019. – № 3. – С. 5–31.
4. Гордон А.В. Китайские общины Парижа : интегрироваться, сохраняя идентичность // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – С. 136–163.
5. Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.
6. Интеграция инокультурных мигрантов : Перспективы интеркультурализма / отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.
7. Лапина Н.Ю. Французское общество перед вызовами глобализации : аналитический обзор. – М. : ИНИОН. РАН, 2019. – 50 с.

8. Лапина Н.Ю. Есть ли шанс возродить французскую промышленность? // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 10. – С. 103–111.
9. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / ред. Е.Б. Деминцева. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 384 с.
10. Религии и радикализм в постсекулярном мире. Российско-французский диалог / ред. Е.И. Филиппова, Ж. Радвани. – М. : Горячая линия-Телеком, 2017. – 331 с.
11. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / ред. Е.И. Филиппова, К. Ле Торривеллек. – М. : ИЭА РАН : Горячая линия. Телеком, 2018. – 344 с.
12. Шатило Д.П. Иммиграция как фактор социального расслоения в Париже : анализ территориальной дифференциации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. –Т. 13, № 1. – С. 63–83.
13. Aubervilliers : trois arrestations après l'agression mortelle d'un Chinois // Le Figaro. – 2016. – 29.08. – URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2016/08/29/01016-20160829ARTFIG00203-aubervilliers-trois-arrestations-apres-l-agression-mortelle-d-un-chinois.php>
14. Auduc A. Une difficile construction d'église en banlieue : l'exemple de Sainte-Marthe des Quatre Chemins à Pantin (1875–1897) // Revue d'histoire de l'Église de France. – Paris, 1999. – Т. 85, N 215. – P. 291–314.
15. Avis sur Aubervilliers (93300). – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001
16. Brancato R. Des grossistes chinois quittent Aubervilliers pour Tremblay-en-France // France Bleu. – Paris, 2018. – 22 novembre. – URL: <https://www.francebleu.fr/infos/economie-social/des-grossistes-chinois-quittent-aubervilliers-pour-tremblay-en-france-1542825825>
17. (Les) «Chinois à Aubervilliers», une «pièce d'actualité» du Théâtre de la Commune // France 24. – 2018. – 18.01. – URL: <https://www.france24.com/fr/20180118-chinois-a-aubervilliers-une-piece-dactualite-theatre-commune>
18. Chuang Ya-Han. Aubervilliers sur Wenzhou, ou la transformation du Grand Paris par les entrepreneurs chinois // Hommes et migrations. Revue française de référence sur les dynamiques migratoires. – Paris, 2018. – N 1320. – P. 51–58.
19. Communauté chinoise : retour sur sept ans de manifestations contre l'insécurité // RT France. – 2017. – 28.03 – URL: <https://francais.rt.com/france/35925-communaute-chinoise-insecurite-retour-sur-7-ans-manifestations>
20. Comparateur de territoire. Commune d'Aubervilliers (93001). – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1405599?geo=COM-93001>
21. Décès de M. Chaolin Zhang : Tristesse et colère ! – URL: <http://www.aubervilliers.fr/Deces-de-M-Chaolin-Zhang-Tristesse-et-colere>
22. De l'intégration: des Chinois de France, par DD et DH // Blog de Paul Jorion. – 2016. – 4.10. – URL: <https://www.pauljorion.com/blog/2016/10/04/de-lintegration-les-chinois-de-france-par-dd-et-dh/>

23. En qu (o) i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Baromètre de la confiance politique / CEVIPOF. – 2020. – Février, Vague 11. – 126 p. – URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barometre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf>
24. Geisser V., Seniguer H.L'islamisme en nos banlieues ? À propos de : Bernard Rougier (dir.), Les territoires conquis de l'islamisme, Puf. – URL: <https://laviedeidees.fr/Bernard-Rougier-territoires-conquis-islamisme.html>
25. Guignet E. En quête d'égalité et de sécurité. – URL: <http://www.aubervilliers.fr/En-quete-d-egalite-et-de-securite>
26. (Un) Islam français est possible. – URL: https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/rapport-un-islam-francais-est_-possible.pdf
27. Karine Franclet – D'action et de terrain // Le journal de Grand Paris. – 2021. – 4.02. – URL: <https://www.lejournal dugrandparis.fr/karine-franclet-daction-et-de-terrain/>
28. Kepel G. «Les islamo-gauchistes, ces charlatans !» / Entretien de S. Daniel // OBS. – 2016. – 3.11. – URL: <https://www.laicite-republique.org/g-kepel-les-islamo-gauchistes-ces-charlatans-l-obs-3-nov-16.html>
29. Lassave P. [Rec.] // Archives de sciences sociales des religions. – Paris, 2020. – N 5 (192). – P. 284–286. – Rec. ad. op.: Les territoires conquis de l'islamisme / Bernard Rougier (dir.). – Paris : Presses universitaires de France, 2020. – 360 p.
30. Le Figaro (Франция) : потерянные территории Франции – территории, которые завоевали исламисты? (Alexandre Devecchio) // ИНОСМИ. ру. Россия сегодня. – 2020. – 30.01. – URL: <https://inosmi.ru/social/20200130/246735517.html>
31. Lieures A. Municipales à Aubervilliers : comment améliorer la sécurité des femmes? // Le Parisien. – 2019. – 1.12. – URL: <https://www.leparisien.fr/seine-saint-denis-93/municipales-a-aubervilliers-ameliorer-la-securite-des-femmes-est-de-venu-un-enjeu-local-01-12-2019-8206983.php>
32. Marine Le Pen : «Les banlieues sont maltraitées parce qu'on les a laissées entre les mains des islamistes» // Figaro live. – 2019. – 14.03. – URL: <https://video.lefigaro.fr/figaro/video/marine-le-pen-les-banlieues-sont-maltraitees-parce-qu-on-les-a-laissees-entre-les-mains-des-islamistes/6014088593001>
33. Match de l'amitié en hommage à Zhang Chaolin. – URL: <http://www.aubervilliers.fr/Match-de-l-amitie-en-hommage-a-Zhang-Chaolin>
34. Mathoux H. À Aubervilliers, une candidature communautaire défie la mairie communiste // Marianne. – 2020. – 14.03. – URL: <https://www.marianne.net/politique/aubervilliers-une-candidature-communautaire-defie-la-mairie-communiste>
35. «Mon pays est en guerre, je n'ai pas le choix d'être là» : la Préfecture de police de Paris évacue le vaste campement de migrants d'Aubervilliers // Le Monde. – 2020. – 29.07. – URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2020/07/29/seine-saint-denis-la-police-evacue-le-vaste-campement-de-migrants-d-aubervilliers_6047564_3224.html
36. Paoli P.F. Rencontre entre Jean-Paul Brighelli et Tariq Ramadan : Islam – Occident. Le choc, est-il fatal ? // Revue des deux mondes. – Paris, 2015. – Dec. – 2016. – Janv. – P. 64–74.

37. Peillon L. Le nombre de pauvres progresse-t-il en France ? // Liberation. – 2019. – 5.02. – URL: https://www.liberation.fr/checknews/2019/02/05/le-nombre-de-pauvres-progresse-t-il-en-france_1707309
38. Pérez A. Asiatiques de France : la «race» invisible ? // Attac. – 2019. – 3.10. – URL: <https://france.attac.org/nos-publications/les-possibles/numero-21-ete-2019/dossier-le-racisme/article/asiatiques-de-france-la-race-invisible>
39. Sarkozy N. La République, les religions, l'espérance. – Paris : Ed. du Cerf, 2004. – 209 p.
40. Stop à la violence, sécurité pour tous. – URL: <https://www.facebook.com/Stopalaviolencesecuritepourtous/>
41. Tableaux de l'économie française (Édition 2019) // Insee references. – 2019. – 16.03 – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3676628?sommaire=3696937>
42. (Les) territoires conquis de l'islamisme / Bernard Rougier (dir.). – Paris : Presses universitaires de France, 2020. – 360 p.
43. Val-de-Marne : la bande de mineurs «chassait» les femmes d'origine asiatique à Vitry // Le Parisien. – 2017. – 20.06. – URL: <https://www.leparisien.fr/val-de-marne-94/vitry-sur-seine-94400/vitry-la-bande-de-mineurs-chassait-les-femmes-d-origine-asiatique-29-06-2017-7098357.php>
44. Weil P. La République et sa diversité: Immigration, integration, discriminations. – Paris ; Seuil, 2005. – 120 p.
45. Wiewiorka M. La diversité: Rapport à la Ministre de l'enseignement supérieur et de la recherche. – Paris : Laffont, 2008. – 229 p.
46. Woitier Ch. Les Chinois de Belleville se disent victimes de «fantasmes» // Le Monde. – 2010. – 22.06. – URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2010/06/22/les-chinois-de-belleville-se-disent-victimes-de-fantasmes_1376480_3224.html

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ЕЩИЛЬТАШ М., ЁНДЖЕЛЬ Р. БЕЗОПАСНОСТЬ, ОБОРОНА И
ВООРУЖЕНИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. (Реферат).

Ключевые слова: безопасность Ближнего Востока; оборонная политика; вооружение; Саудовская Аравия; Иран; Ирак; Египет; Турция; Израиль; США; Россия; Китай.

YEŞILTAŞ M., ÖNCEL R. Ortadoğuda güvenlik, savunma ve silahlanma. – İstanbul : SETA Kitapları, 2020. – Aralık. – 384 p. (Summary).

Keywords: Middle East security; defense policy; weapons; Saudi Arabia; Iran; Iraq; Egypt; Turkey; Israel; USA; Russia; China.

Для цитирования: Кудяров К.А. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 38–54. – Реф. кн. : YEŞILTAŞ M., ÖNCEL R. Ortadoğuda güvenlik, savunma ve silahlanma. – İstanbul : SETA Kitapları, 2020. – Aralık. – 384 p. DOI: 10.31249/rva/2022.01.02

Коллектив авторов под руководством Мурата Ещильташа (Анкарский университет социальных наук, Турция) и Рыфата Ёнджеля (Ближневосточный технический университет, Турция) в рамках проекта турецкого фонда SETA (некоммерческой организации в области политических, экономических и социальных исследований) предпринял попытку провести обзор политики государств Ближнего Востока и глобальных акторов (США, России и КНР) в сфере безопасности и оборонной политики ближневосточного региона. В работе рассматриваются стратегии национальной безопасности целого ряда ближневосточных государств, играющих важную роль в архитектуре региональной безопасности, а также роль и влияние США, России и Китая в их выстраивании.

Оборона, безопасность и вооружение на Ближнем Востоке : основные концепции, стратегические тенденции и акторы

Вводный раздел представлен сотрудниками дирекции фонда SETA Муратом Ещильташем (Анкарский университет социальных наук, Турция) и Рыфатом Ёнджелем (Ближневосточный технический университет, Турция), представивших общую картину оборонной политики государств региона.

С углублением сирийского кризиса геополитическая конкуренция в регионе Ближнего Востока стала более жесткой. Наряду с распространением внутрисударственных конфликтов также усиливается и межгосударственная напряженность, вовлекшая почти всех основных субъектов региона в сирийский конфликт. Быстрый рост негосударственных вооруженных групп превратил всех региональных игроков в акторов, которые стали больше инвестировать в безопасность и оборону. Конкуренция в обеспечении безопасности в регионе, ужесточившаяся с окончанием «американской однополярности», по-прежнему способствует сохранению зависимости стран региона от военной помощи США. Хотя достижение египетско-израильского мира и последующая определенная стабилизация арабо-израильского конфликта снизили уровень региональной угрозы, Исламская революция в Иране (1979) и революционная политика нового иранского режима привели к радикальной трансформации архитектуры региональной безопасности. Изменение позиции Ирана в региональной стратегии США и размещение его на антиамериканской геополитической оси также потребовали реформатирования региональных геополитических и геостратегических моделей. Стремясь сохранить региональный статус-кво, Саудовская Аравия оказала значительную финансовую и военную поддержку администрации Багдада в ирано-иракской войне, начавшейся сразу после революции в Тегеране. Однако попытки Саддама Хусейна, выигравшего войну с Ираном, переместить Ирак в положение регионального гегемона, установив контроль над нефтяными ресурсами Ближнего Востока, снова изменили оборонительные отношения и привели к прекращению сотрудничества с Саудовской Аравией [р. 13].

Военные доктрины государств региона начали меняться в связи с распространением асимметричных угроз, таких как терро-

ризм. Как подчеркивают авторы, стоит обратить внимание, что в выборе государствами определенных военных доктрин важную роль играет баланс атаки и обороны, который представляется как отношение количества силы, необходимой для захвата агрессором определенной территории, к силе, необходимой для ее защиты. Таким образом, когда выгодна атака, легче уничтожить армию противника наступательной операцией и захватить его территорию, чем защитить себя. В случае, когда выгодна защита, легче оставаться на месте и защищаться. Баланс атаки и обороны обеспечивает связь между силой и военным потенциалом соответствующего государства, что раскрывает способность государства выполнять военные операции. Из-за неправильной оценки этого баланса государства могут применять ложные доктрины или силовые методы. Измерение баланса атаки и обороны может быть совсем не простым в зависимости от развития военных технологий. Самым большим препятствием для этого является универсальная структура использования современных военных платформ. Многие системы вооружения, разработанные сегодня, могут использоваться как для наступательных, так и для оборонительных целей. К примеру, передовые системы воздушной и противоракетной обороны, разработанные в основном для защиты воздушного пространства, также могут использоваться для атаки вражеских сил [р. 26].

Вторая проблема, возникающая при измерении баланса атаки и защиты, – неправильные расчеты участников в системе. Ошибочно оценивая значения атаки и защиты систем вооружения в инвентаре своих соперников, государства могут проводить политику, которая повысит региональную напряженность. Ярким примером такой ошибки является развязывание Первой мировой войны. До ее начала лица, принимающие решения, считали, что баланс был в пользу атаки, но в ходе военных действий стало понятно, что защита намного перевешивает атаку.

События после 11 сентября 2001 г., приведшие к активизации ближневосточной политики США (война в Афганистане 2001–2014 гг., оккупация Ирака в 2003 г.), заставили всех региональных субъектов ближневосточного региона скорректировать свои позиции в отношении военной мощи и оборонительной политики. Однако выстраивание новой архитектуры безопасности, спровоцированной «арабской весной», переместило всех крупных игроков в

направлении атаки в балансе обороны и атаки. Присутствие Ирана в Ираке, Сирии и Йемене, активная наступательная позиция Саудовской Аравии сначала в Сирии, а затем в Йемене, военное участие Турции в Сирии, а также политика Израиля в Сирии показывают тенденцию движения региональной геополитики в направлении атаки. Этот факт также влияет на степень вооружения Ближнего Востока в целом (Саудовская Аравия и ОАЭ входят в пятерку крупнейших стран – импортеров оружия в мире). Рост региональных кризисов и конфликтов, размер материальных ресурсов, выделенных на экспорт оружия, и желание стать более независимыми в политике внешней безопасности побуждают страны региона создавать свою собственную оборонную промышленную инфраструктуру. Учитывая, что Турция и Израиль достигли нынешних показателей в развитии отечественного оборонного производства в результате десятилетий инвестиций, время покажет, с какой скоростью будет происходить развитие оборонной промышленности в других странах региона [р. 42].

Турция: восходящий региональный игрок

Мурат Аслан (Башкентский университет, Университет им. Хасана Колйонджу, Турция), рассматривая региональную политику Турции в XXI столетии, полагает, что в вопросах региональной безопасности Анкара поначалу предпочитала прибегать к пассивной защите, основанной на дипломатии (2001–2011), нежели на военной активности. Однако при решении вопросов внутренней безопасности она всегда проводила довольно жесткую политику. Турецкая оборонная стратегия формировалась в соответствии с приоритетом, ориентированным на внутреннюю безопасность. События в Египте и Ираке, а также уход США из Афганистана и Ирака, породившие неопределенность в отношении сохранения стабильности на Ближнем Востоке после вывода американских войск, вызвали большое беспокойство в Турции, побудившее Анкару пересмотреть свою политику безопасности. В связи с этим сирийская ветвь Рабочей партии Курдистана (РПК), получившая поддержку США в Сирии, была воспринята как приоритетная угроза. Вдобавок к этому растущая деструктивная и сепаратистская деятельность террористической организации фетхуллахистов

(FETÖ – Fethullahçı Terör Örgütü) и РПК в Турции с 2013 г., нападения на городские центры в 2015 г. и попытка государственного переворота 15 июля 2016 г. превратили первоначальную политику безопасности в агрессивную оборонительную стратегию [р. 58].

С восстановлением экономики и политической стабильности (с приходом к власти Партии справедливости и развития) Турция начала проводить более активную оборонную политику в отношении прямых угроз, исходящих от террористических организаций как внутри страны, так и за рубежом. В отличие от предыдущих лет, постоянные воздушные и наземные антитеррористические операции Турции требовали бесперебойной поставки вооружения, что поставило перед государством задачу производить сборку или совместное производство вооружений в Турции, нежели покупку готового оружия. Принятие необходимых мер и последующее развитие отечественного оборонного комплекса вывело производство авиационной техники, средств связи, радаров и бронетехники в разряд приоритетных направлений оборонной промышленности Турции.

В настоящее время Турция нацелена на производство сложных военных технологий с использованием своих национальных возможностей, и в этом контексте она предпринимает шаги по превращению проектов по производству национальных боевых самолетов, лазерного оружия, электромагнитных пушек, ракетных двигателей в широкомасштабное производство. Свидетельством успехов Турции в данном направлении может служить то обстоятельство, что по состоянию на 2020 г. в рейтинг оборонных промышленных компаний, объявленный изданием «Defense News», попали семь турецких компаний – «Aselsan», «Tusaş», BMC, «Roketsan», STM, FNSS, «Havelsan» [р. 76]. При этом оборот национальных оборонных предприятий Турции увеличился по сравнению с прошлыми годами и достиг 8,7 млрд долл. в 2018 г. Однако если сравнивать их с годовым оборотом американской фирмы «Lockheed Martin» (47,9 млрд долл.) или «Raytheon» (23,5 млрд долл.) [р. 78], то станет понятно, что Турция еще находится в «зачаточной» стадии в этой области и настоящее развитие ей еще предстоит.

Иран: революционный прорыв и асимметричная защита

Сайяд Садри Алибабалу (Университет Сакарья, Турция) анализирует иранскую политику в сфере обеспечения безопасности. Автор говорит о том, что сразу после окончания ирано-иракской войны иранские военные элиты предприняли шаги по развитию оборонной промышленности наряду с выработкой новой военной доктрины, чтобы впредь не допускать перемещения зоны конфликта на свою территорию. Нехватка вооружения, вызванная санкциями США (1984) в период восьмилетней войны с Ираком и обошедшейся Тегерану в 52 млрд долл., не могла не подтолкнуть страну к созданию собственной оборонной промышленности [р. 100]. Первым шагом в этом направлении стала реструктуризация и модернизация вооруженных сил Ирана и создание ракетного вооружения. Упор, сделанный на развитие ракетных технологий, позволил Ирану использовать ракеты собственного производства в ирано-иракской войне уже в середине 1980-х годов. После окончания войны Иран продолжил их производство, стремясь непосредственно нанести удар в возможной войне с Израилем. Первой из ракет, разработанных в этом направлении, является «Shahab-1», построенная методом обратной инженерии ракеты «Скад-Б» в результате реализации ракетного проекта в 1988–1994 гг. В начале 2000-х годов были произведены ракеты «Shahab-2» (с дальностью полета 750 км) и «Shahab-3» (2 тыс. км). На сегодняшний день в Иране производится большое количество ракет малой и средней дальности. К их числу относятся «Fateh-110» (дальность полета 300 км), «Fateh-313» (500 км), «Zulfiqar» (750 км), «Khorramshahr» (2 тыс. км) и другая ракетная продукция [р. 103].

Вторжение США в Афганистан и Ирак побудило иранскую военную элиту принять военную доктрину «мозаичной защиты», согласно которой иранские вооруженные силы будут использовать нерегулярную, гибкую и ударную тактику, направленную на ослабление сил врага в сухопутных войнах, заманивая атакующего противника в городские районы и зоны засады [р. 108]. Таким образом, Иран пытается избежать серьезных угроз недорогими шагами, оптимизируя свою военную деятельность за счет ведения асимметричной войны, поскольку иранский военный бюджет весьма ограничен по сравнению с возможностями конкурирующих

стран. Политика сдерживания также является одной из составных частей военной доктрины Тегерана. Она направлена на предотвращение возможных внешних угроз и сбалансирование наступательных и иных возможностей оппонента с собственным военным потенциалом. Этим во многом объясняется иранское присутствие в различных зонах нестабильности. К примеру, стремясь играть более активную роль в региональной политике, Иран проводит политику сдерживания талибов (сотрудничающих с геополитическими конкурентами Ирана – Саудовской Аравией и Пакистаном), поддерживая силы Северного альянса в войне в Афганистане.

Израиль: от восприятия экзистенциальной угрозы до большой стратегии

Мерве Серен, сотрудница Анкарского университета им. Ба-язита Молниеносного (Ankara Yıldırım Beyazıt Üniversitesi), и ее коллега из Газиантепского университета Юсуф Озер утверждают, что с момента своего создания государство Израиль рассматривало арабские государства и мусульманские общины как приоритетную угрозу и формировало стратегию национальной безопасности в соответствии с этими угрозами. В качестве наиболее важного и функционального инструмента этой стратегии является ядерное оружие Израиля, наличие которого не отрицается и не подтверждается.

Согласно военной доктрине Израиля, Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) выполняет такие задачи, как обеспечение безопасности Западного берега реки Иордан, борьба с терроризмом как внутри границ Израиля, так и в приграничных районах и обеспечение потенциала сдерживания, который предотвратит военные действия против него. Зоны обороны ЦАХАЛа обозначены как Центральный, Южный, Северный и Гражданский. Центральный фронт отвечает за безопасность береговой части и Западного берега в центре страны, Северный фронт отвечает за безопасность границ Ливана и Сирии на севере, южный фронт отвечает за безопасность региона Арава, Негев и Эйлат на юге. Гражданский фронт обязан защищать гражданских лиц в чрезвычайных ситуациях [р. 136].

Для обеспечения своей безопасности Израиль стремительно развивает свою оборонную промышленность, которая заметно

укрепилась с созданием военной, оружейной и авиационной промышленности. Успехи Тель-Авива в данном направлении позволяют ему в настоящее время входить в группу ведущих мировых стран-производителей и экспортеров оружия. На долю продукции оборонного сектора приходится около 10% от общего объема экспорта Израиля. Министерство обороны также поощряет развитие местных фирм оборонной промышленности при поддержке отдела развития бизнеса Сибата (Управления международного оборонного сотрудничества Министерства обороны Израиля) местным малым и средним предприятиям. В настоящее время насчитывается около 1200 компаний, работающих в области исследований и разработок, инженерии, консультирования по борьбе с терроризмом, безопасности и разведки [р. 137]. Таким образом, развитие оборонной политики Тель-Авива в соответствии с вызовами его безопасности и геополитическими условиями региона превратили Израиль в самое военизированное государство в мире, способное эффективно противостоять внешним угрозам.

Саудовская Аравия: преобразование в непрерывности

Исмаил Акдоган (Университет Сакарья), делая обзор саудовской оборонной политики, утверждает, что в течение первого десятилетия после окончания холодной войны (1989–1999) оборонная политика Саудовской Аравии была построена на контроле над Ираком, определяемым Эр-Риядом как угроза ее национальной безопасности [р. 189]. Стратегическая цель Саудовской Аравии заключалась в том, чтобы Ирак как региональная держава не обладал достаточно сильным военным потенциалом, способным бросить вызов региональному балансу сил, но в то же время не был слишком слаб в военном отношении, чтобы изменить региональный баланс сил в пользу Ирана. С момента окончания холодной войны США радикально реструктурировали свою политику на Ближнем Востоке, приняв стратегию чрезмерного участия в выстраивании политики безопасности региона. Этот шаг Вашингтона нарушил многополярное региональное равновесие на Ближнем Востоке. Учитывая тот факт, что любое государство, претендующее на изменение регионального баланса сил, рассматривается как угроза национальной безопасности Саудовской Аравии, США

начали восприниматься Эр-Риядом как таковая (1999–2009) [р. 198].

В последующем, отказавшись от стратегии чрезмерного участия на Ближнем Востоке (с 2009 г.), Соединенные Штаты приняли стратегию пассивного участия в регионе, предполагавшую избегание американской ответственности в поддержании баланса сил и установлении безопасности. Эта новая американская стратегия привела к тому, что ближневосточные державы вступили в ожесточенную региональную конкуренцию между собой. Региональной державой, выделявшейся в этой конкуренции, был Иран, проводивший активную внешнюю политику в Ираке, Сирии, Йемене, Ливане, Палестине и Бахрейне. Столь оживленная внешнеполитическая деятельность Тегерана всерьез насторожила Саудовскую Аравию, которая начала воспринимать Иран как главную угрозу региональной безопасности. Ответным действием Саудовской Аравии стало, с одной стороны, увеличение своего оборонного потенциала (затраты на который возросли с 53 млрд долл. в 2009 г. до 88 млрд долл. в 2015 г.) [р. 212], а с другой стороны, заключение стратегического союза с Турцией, Египтом и странами Персидского залива. Таким образом, в рассматриваемый период (1989–2019) политика безопасности Саудовской Аравии была основана на сохранении многополярного регионального распределения власти на Ближнем Востоке [р. 220].

Египет: поиск баланса на маятнике США и России

Проливая свет на региональную политику крупнейшего арабского государства региона в отношении глобальных акторов, Ахмет Хусрев Челик (Мармаринский университет, Турция) считает, что и Соединенные Штаты, и Россия исторически играли и продолжают играть важную роль как для Египта, так и для ближневосточного региона в целом.

Сближение Египта и СССР при Г.А. Насере началось в середине 1950-х годов и сопровождалось поставками вооружения из Чехословакии [р. 241]. В 1960-е годы страны Восточного блока твердо удерживали лидерство в торговле военными материалами с Египтом. Национализация крупных промышленных и иных инфраструктурных объектов в Египте рассматривалась странами за-

падного блока как серьезный «крен» Каира в сторону развития социализма в стране. В 1970 г. со смертью Насера и приходом к власти Анвара Садата внешняя и внутренняя политика Египта смещаются в сторону развития отношений с США и его союзниками в ущерб развитию советско-египетских отношений. Дальнейшее охлаждение двустороннего партнерства привело к тому, что в 1972 г. Египет вывел советский воинский контингент со своей территории. Кэмп-Дэвидские соглашения, заключенные в 1979 г. между Египтом и Израилем, ликвидировали влияние СССР в Египте в пользу США [р. 247].

В дальнейшем, в 30-летнюю эпоху правления Хосни Мубарака египетско-американское партнерство в области обороны и безопасности продолжало развиваться, хотя и отношения с Россией не были полностью разорваны.

Одним из важных моментов египетско-американского сотрудничества при Х. Мубараке явился 1988 г., когда Египет получил статус союзника США, не входящего в НАТО, что позволило руководству Каира получить новое американское технологическое военное оружие. Власть Мубарака, обеспечивавшая непрерывность «статус-кво» в этот период, закончилась с революцией 2011 г., когда начались радикальные изменения в отношениях Египта как с глобальными акторами – США и Россией, – так и с другими субъектами региональной политики. Приход к власти исламиста Мухаммада Мурси в результате выборов после революции 2011 г. ясно дал понять, что приоритеты Египта в плане архитектуры безопасности на Ближнем Востоке не совпадают с приоритетами США. Военный переворот 2013 г. и установление власти военных во главе с Абдул-Фаттахом Ас-Сиси в 2014 г. привели к улучшению отношений с Россией и росту египетских закупок российского вооружения, что способствует укреплению позиций России в Египте и регионе [р. 255]. Каиру удалось нормализовать отношения и с Вашингтоном, свидетельством чего является восстановление традиционной экономической и отчасти военной помощи Египту со стороны США.

Ирак: изменение политики безопасности от хаоса до поиска порядка

Ферхат Пиринччи (Университет Бурса Улудаг, Турция) полагает, что в настоящее время оборонная политика Ирака соответ-

ствуется своей исторически сложившейся тенденцией, формируясь в основном исходя из внутренних угроз, без учета возможных внешних вызовов безопасности государства.

Так уж сложилось, что в 1920–1932 гг. Великобритания играла роль гаранта безопасности Ирака от внешних угроз. Однако с получением независимости этого арабского государства в 1932 г. Лондон прекратил заниматься обеспечением его безопасности. Созданная Британской империей иракская армия планировалась прежде всего как защитница внутренней стабильности. Свержение монархии в Ираке в 1958 г. в результате военного переворота, попытки государственного переворота и вызванные ими контрреступления, а также политизация иракских вооруженных сил неизбежно увеличили интерес армии к внутренней политике и выявили приоритетность внутренних угроз [р. 268]. Усилиями Саддама Хусейна Ирак со временем разработал политику безопасности и обороны также против внешних угроз. Благодаря союзу с СССР Ирак смог стать региональным актором, обладающим значительным военным потенциалом. В период с 1970 по 1979 г. иракская армия преимущественно состояла из советских истребителей, танков и бронетехники (более 93%) [р. 268]. В оборонной политике Ирак эпохи Саддама опирался на три составляющие: 1) модернизация и создание новых разведывательных и охранных агентств в Ираке; 2) закупка обычных вооружений (в рамках финансирования оборонной политики); 3) производство собственных баллистических ракет.

Претензии Багдада на региональное лидерство и реакция на них со стороны государств региона (прежде всего Саудовской Аравии) привели к тому, что Ирак как влиятельная региональная сила была ликвидирована США в 2003 г. В условиях, когда новые государственные институты, отвечающие за оборонную политику и безопасность страны еще не были сформированы, Багдад столкнулся с серьезными трудностями в отражении внутренних (и внешних) угроз. Это прервало и изменило историческую преемственность Ирака в оборонной политике и политике вооружений в период после 2003 г. Лишь к 2009 г. американцам удалось создать новую иракскую армию [р. 279]. Однако с тех пор Ирак больше не является государством с серьезным военным потенциалом. Слабость Ирака, как полагает автор, создает высокую вероятность его

превращения в арену соперничества между Саудовской Аравией и Ираном либо Израилем и Ираном на региональном уровне, а на глобальном уровне она способствует потенциальному становлению Ирака в качестве площадки для противоборства между США и Ираном. События 3 января 2020 г. в Багдаде, когда США ликвидировали командующего силами Ирана в Иерусалиме Касима Сулеймани и ответные меры Ирана в виде ракетных ударов по американским базам в Ираке являются тому подтверждением [р. 291].

США: основной актер архитектуры безопасности и обороны Ближнего Востока

Сотрудник турецкого издания в области оборонно-промышленного комплекса и военного дела «Global Savunma» Хакан Кылыч отмечает, что Соединенные Штаты как сверхдержава являются неотъемлемой частью ближневосточной архитектуры безопасности, выступая также как один из основных гарантов безопасности региона. Основной целью американской политики на Ближнем Востоке является обеспечение свободного доступа к ближневосточной нефти Соединенным Штатам и их союзникам. Попытка любой внешней силы взять под контроль регион Персидского залива (и таким образом поставить под угрозу поставки нефти) рассматривается как посягательство на жизненно важные интересы США, предполагающая незамедлительный ответ, не исключая и применение военной силы. На протяжении многих лет Вашингтон также является одним из наиболее важных участников процесса вооружения и проектов оборонной промышленности в ближневосточном регионе, что делает его особым (исключительным) актором в решении вопросов обороны и безопасности Ближнего Востока. Тем не менее военное присутствие США на Ближнем Востоке в последние десятилетия не способствовало укреплению региональной безопасности. К примеру, американское вторжение в Ирак в 2003 г. лишь усугубило проблемы обеспечения безопасности, приведя к росту влияния террористических организаций, гибели 4500 американских военных и более 1 млн иракцев во время иракской кампании, а также превращению в беженцев 7 млн иракцев [р. 310]. Автор также отмечает, что эффективность Соединенных Штатов в деле уничтожения террористических организаций на

Ближнем Востоке нивелируется попутным уничтожением гражданских целей и увеличением риска возникновения конфликтов с другими странами.

Китай: новый актер на Ближнем Востоке

Обеспечение стабильности и безопасности на Ближнем Востоке для Пекина важно в той мере, в какой оно способствует развитию торговых отношений с регионом, что крайне необходимо для экономики Китая, полагает сотрудник Анкарского университета общественных наук Гюроль Баба. Политика реформ и открытости, проведенная в КНР в конце 1970-х годов, выявила важность Ближнего Востока во внешней политике Китая. С 1980-х годов Пекин стал уделять большое внимание данному региону, что объясняется стремительно увеличивающейся потребностью китайской экономики в энергоресурсах. Это привело к активному развитию отношений Пекина с Эр-Риядом и Дамаском.

Гюроль Баба считает, что в теоретическом и общем нарративе Ближний Восток имеет четыре основных значения для КНР: представляя собой конкурентную площадку великих держав; важнейший источник поступления энергоресурсов; стратегическую зону расширения влияния Китая, а также один из важнейших геостратегических перекрестков мира [р. 346].

Изменение конкурентной системы великих держав в XXI в. (особенно с подъемом Поднебесной) привело к трансформации структур экономических и военных альянсов ближневосточных государств. Автор полагает, что Китай в какой-то мере занимает место России в этой трансформации и даже привлекает союзников США к сотрудничеству в стратегических областях. Регион рассматривается Пекином как стратегическая зона для расширения китайского влияния, поскольку существует возможность оказания воздействия со стороны ближневосточных радикальных движений и группировок на безопасность и стабильность Китая посредством его мусульманского населения. Прежде всего это связано с безопасностью КНР в контексте Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Китайцев всерьез беспокоит иностранная поддержка, оказываемая уйгурам на основе исламской солидарности, не в последнюю очередь исходящая из стран Ближнего Востока. Поэтому

одним из важных приоритетов китайской оборонной политики является устранение угроз, исходящих из Ближнего Востока и способных повлиять на внутреннюю политику КНР при принятии решений в области оборонной политики. Для этого Пекин использует развитие экономических и стратегических отношений с государствами региона, в которых инициатива «Одного пояса, одного пути» играет немаловажную роль. Основной площадкой для многосторонней и многовекторной китайской дипломатии в регионе является созданный в 2004 г. Форум китайско-арабского сотрудничества. Аналогичная политика выстраивается и в отношении Совета сотрудничества стран Персидского залива. Чтобы показать, что китайская администрация небезразлична к проблемам региона, она внесла предложение по урегулированию палестино-израильского конфликта, поддерживая создание палестинского государства в пределах границ, существовавших до 1967 г. Оборонная политика КНР также предполагает и военно-стратегическое сотрудничество с государствами региона, с отдельными представителями которого оно ведется уже несколько десятилетий (Ираном (с 1970-х годов), Египтом (с 1950-х годов), Саудовской Аравией (с 1980-х годов) и другими странами) [р. 348]. Автор полагает, что этот вид партнерства является лишь продолжением китайских инвестиционных, торговых и энергетических отношений с регионом.

Китайские власти всерьез обеспокоены нестабильностью и хрупкостью режимов в так называемом «регионе нестабильности», который простирается от Центральной и Южной Азии до средиземноморского побережья Северной Африки, порождая такие угрозы, как терроризм, религиозный экстремизм и т.д. Тем не менее военное присутствие Китая в регионе (например, флот КНР в Аденском заливе) объясняется в основном защитой китайских торговых судов от возможных угроз (например, в территориальных водах Сомали).

Увеличение торговых возможностей и сфер торгово-экономического сотрудничества с регионом является основным фактором, определяющим также и экспорт китайского вооружения на Ближний Восток. Это подтверждается многими примерами, в частности китайско-иранским партнерством в рамках схемы «оружие в обмен на нефть». В период с 2010 по 2017 г. китайский экс-

порт оружия в регион достиг 468 млн долл., или 3,7% от общего экспорта китайского вооружения [р. 353]. Этот показатель является довольно скромным по сравнению с аналогичными поставками США, России и европейских стран. Тем не менее у Китая имеется довольно большой потенциал для увеличения своих военных поставок.

Россия: бывший игрок, новая роль

Арда Мевлютоглу (эксперт в области оборонной промышленности) дал оценку российской оборонной политике на Ближнем Востоке, охарактеризовав ее как эффективное использование нестабильности в регионе (сирийский кризис) для модернизации своих вооруженных сил и приобретения боевого опыта [р. 381]. Основными центрами военного присутствия России в Восточном Средиземноморье являются военно-морская база в г. Тартус вместе с авиабазой Хмеймим. Как полагает автор, Россия доказала, что она обладает эффективной, современной и сдерживающей огневой мощью с помощью стратегических бомбардировщиков, подводных лодок и ракет большой дальности, активно используемых в ходе военной антитеррористической операции в Сирии. Своими действиями Кремль показывает, что в технологической гонке он не отстает от США и НАТО и может успешно использовать передовые технологии и сложную тактику. Присутствие России на ближневосточном рынке вооружений в этот период показало большой рост, выразившись в том, что Египет, Ирак, Саудовская Аравия и Кувейт становятся крупными потребителями российской военной продукции, заключая заказы на поставки танков Т-90, истребителей МиГ-29, самолетов Су-35, систем ПВО С-400 и другой продукции оборонно-промышленного комплекса России [р. 379].

Мевлютоглу подчеркивает, что ближневосточный регион рассматривается как один из важнейших областей влияния Российской Федерации вместе со Средней Азией и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Снижение российского присутствия в этих регионах в новообразованной многополярной международной среде приведет к ослаблению позиций России в мире как глобальной державы.

Поддержка Западом действий, направленных на свержение политических режимов во время «арабской весны», и нестабильность, вызванная этим процессом, подпитывает радикальные религиозные движения, создающие угрозу безопасности для Российской Федерации. Начало гражданской войны в Сирии радикально изменило отношение кремлевской администрации ко всему процессу «арабской весны», которая стала рассматривать арабские события как версию «цветных революций» в странах бывшего СССР. Демонстрации российских оппозиционеров в ходе парламентских и президентских выборов 2011 г. в России вызвали опасения, что аналогичная попытка смены власти предпринимается Западом и в отношении Российской Федерации.

Основной целью политики России на Ближнем Востоке является всестороннее развитие отношений с государствами региона и ее активное присутствие в качестве одной из глобальных держав, участвующей в процессе обеспечения мира и стабильности в регионе. Россия пытается извлечь выгоду из политики региональной безопасности, чтобы сохранить свои притязания на глобальное лидерство и вывести свою борьбу с Западом за пределы своих границ [р. 381]. В этом плане успешные операции России против террористических формирований «Аль-Каиды», ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусры» в Сирии показали мировому сообществу силу российского оружия и военный потенциал, вызвавшие живой интерес к военному сотрудничеству с Москвой у целого ряда ближневосточных государств. Тем временем США и его союзники не прекращают попыток нивелировать успехи России на Ближнем Востоке, видя в российском присутствии в регионе угрозу своим национальным интересам.

Заключение

Проблемы региональной безопасности и стабильности остро стоят на повестке дня с момента создания современного Ближнего Востока. Кризис безопасности, возникший после вторжения США в Ирак и достигший своего пика во время событий «арабской весны», сделал регион более милитаризованным, еще больше обнажив сложнейшие вопросы региональной безопасности. Крах государственных структур, вакуум власти и распространение терроризма

являются одними из характерных черт сложившейся в последнее десятилетие ситуации на Ближнем Востоке. Периодическая региональная борьба за власть и соперничество в сфере обеспечения безопасности в оккупированных, распавшихся или ослабленных государствах сделали традиционные международные отношения на Ближнем Востоке более нестабильными, чем раньше. Гражданская война в Йемене, ликвидация Касема Сулеймани в Ираке, авиаудары Ирана по американской базе в Ираке и многие другие события указывают на отсутствие стабильности в регионе в краткосрочной перспективе. Одним из отличительных моментов региона является частое применение военных средств практически при полном игнорировании попыток решения вопросов безопасности возможностями дипломатии. Тенденция на усиление закупок вооружения и связанная с ней высокая напряженность и конфликтность в отношениях между государствами превращают регион в мировой полигон для испытания новых оружейных систем. Попытки создать инфраструктуру для собственной оборонной промышленности, несмотря на успешные примеры Израиля, Турции и Ирана, в целом не принесли ощутимых результатов. Создание стратегических военных союзов в партнерстве с глобальными акторами отличается как большей эффективностью, так и усилением конкуренции между США, Россией и КНР, структурно либо тактически вписавшихся в оборонные стратегии государств региона. Данное обстоятельство может способствовать усилению напряженности в ближневосточном регионе в краткосрочной перспективе, что серьезным образом может сказаться на стабильности и безопасности государств региона.

*К.А. Кудаяров**

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

К.Б. ДЕМИДОВ*. АФГАНИСТАН : «ВОЙНА С ТЕРРОРОМ» КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРИЧИНА НОВЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются события, которые привели к сегодняшнему положению в Афганистане. Вторжение сил международной коалиции под руководством США в 2001 г., повлекшее за собой крушение установленного талибами режима (существовал в Афганистане с 1996 по 2001 г.), не привело к стабилизации положения в этой стране, так как мирное строительство в задачи коалиции не входило. Все достигнутые военные успехи в действительности оказались пропагандистским блефом, так что возвращение талибов представляется вполне закономерным явлением.

Ключевые слова: Афганистан; Пакистан; США; Великобритания; Талибан; ИГИЛ; джихадизм; пуштуны.

K.B. DEMIDOV. Afghanistan : «The War on Terror» as the Key Priority of New Terrorism Events. (Review).

Abstract. The article sheds new light on the latest sequence of events in Afghanistan: the present chaos more and more appears to be brought about by the strategic errors committed by international coalition with US at its head. Ousting Taliban regime (1996–2001), coalition forces never regarded Afghanistan as a stable country in the foreseeable future; instead of initiating serious reforms, they reported spectacular military successes which proved to be nothing more than propaganda

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

tricks. Latest Taliban resurgence is only a logical consequence of such policies.

Keywords: Afghanistan; Pakistan; USA; UK; Taliban; ISIS; jihadism; pashtuns.

Для цитирования: Демидов К.Б. Афганистан : «война с террором» как ключевая причина новых проявлений терроризма. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9 : Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 55–73. DOI: 10.31249/RVA/2022.01.03

Олли Руохомаки (Финский институт международных отношений, Хельсинки) рассматривает успехи Талибана в Афганистане как закономерный результат предшествовавшей политики [1]. По его мнению, феномен джихадистских групп, прежде всего Талибана, получает новое звучание в контексте региональной и мировой политики. Политический хаос внутри страны лишь способствует пополнению их рядов, прежде всего благодаря прозрачности границ с Пакистаном.

Пуштунское большинство страны никогда их не признавало; линия Дюранда в 1893 г. была проведена Великобританией, чтобы отделить ее индийские владения. Однако часть пограничных афганских земель была включена в колониальные пределы, что не могло не породить недовольства проживавших там племен.

Возникновение современного Пакистана в 1948 г., признающего эту границу, лишь усугубило проблему, предоставив новые возможности для полукриминальных трансграничных сообществ; ведь именно эти районы приобрели сомнительную славу важнейших мировых производителей опиума. Пакистан и по сей день не в состоянии установить контроль над приграничными районами; управление здесь осуществляется посредством такого установления, как Frontier Crimes Regulation, введенного британскими властями в 1901 г.

Автор отмечает, что исторически страна была в крайней степени подвержена раздробленности, более напоминая не столько государство, сколько калейдоскоп непрестанно противоборствовавших племенных сообществ с господствующими там принципами эгалитаризма и личной преданности вождю (малику или ваки-

лу); шахи Дурранийской державы (возникшей в 1747 г.) мыслились как нечто слишком далекое, почти нереальное.

Подобное положение во многом сохраняется и поныне. Так, Правительство национального единства, сформированное после президентских выборов 2014 г., с момента своего появления было подвержено расколам; президент страны Ашраф Гани, опиравшийся на пуштуно-узбекское большинство, тяготел к дворцовым интригам, в результате чего квазипремьер-министр Абдуллах Абдуллах (выражавший интересы таджиков и хазарейцев) был лишен сколько-нибудь значимых полномочий.

Правительство оказалось не в состоянии контролировать не только страну, но и Кабул; в столице оно поддерживало безопасность лишь в сравнительно небольшой «зеленой зоне» (однако и здесь теракты были зловещей реальностью). Стратегически важная территория между северными городами Кундуз, Мазари-Шариф и Пули-Хумри была колоссально ослаблена после временной потери Кундуза, захваченного талибами в 2015 г., поскольку это символически означило слабость центральных властей, тем более что единственная дорога, связывающая север с Кабулом, никогда не могла считаться безопасной.

Исламистское движение Талибан, возникшее в среде пуштунских племен в 1994 г., де-факто контролирует большую часть территории страны – даже там, где существуют гарнизоны афганских войск и полиции, последние стремятся не покидать тех мест, где они базируются, и зачастую предпочитают заключить тайное соглашение с талибами, что гарантирует их от нападений последних.

Однако и Талибан не может претендовать на полноту власти в Афганистане. Так, слабость Талибана в пограничных районах обусловила укрепление там ИГИЛ; данная группировка воспользовалась сменой лидеров в 2015 г. (и последовавшим за этим хаосом) в большинстве прочих джихадистских движений, чтобы переманить на свою сторону их боевиков. ИГИЛ удалось настолько укрепиться, что военному крылу Талибана, – а именно Шуре Пешавара и сети Хаккани – пришлось начать с этой группировкой переговоры о союзе.

Положение представляется тем более непредсказуемым, что подпольная сеть Хаккани предположительно связана с пакистан-

ской разведкой (ISI); косвенным доказательством этих связей стали предостережения Пакистану со стороны американского президента Д. Трампа в 2017 г. Сеть прославилась после ряда громких терактов в Кабуле, цель которых – подрыв западного и индийского влияния в Афганистане.

Неразберихе способствует и то, что джихадистские группировки, при общей исламистской направленности, по-разному толкуют шариат, насыщая его племенными обычаями и верованиями. «Война всех против всех», связанная как с разногласиями на религиозной и этнической почве, так и продиктованная банальной борьбой за сферы влияния и доход, усугубляется тем, что в пограничных районах действуют формирования лидеров, поддерживающих центральную власть; наибольшую славу удалось снискать, например, вице-спикеру Волееси Джирга (нижняя палата парламента) Хаджи Захиру Кадиру; так, в восточной провинции Нангархар его боевики выставили напоказ головы убитых ими членов ИГИЛ (декабрь 2015 г.).

Тео Фаррелл (Королевский колледж, Лондон) показывает, как новейшая британская авантюра в Афганистане – с самого начала безнадежное предприятие – превратилась в совершенно бессмысленную и хаотическую операцию в результате безответственных действий политического истеблишмента; последний был поддержан военными, считавшими, что усовершенствованная разведка и новая антитеррористическая стратегия вкупе с усиленными мерами по завоеванию доверия местного населения помогут исправить то, что не удавалось прежде [2]. Однако плохое представление об обстановке в Афганистане и рассогласованность (вследствие несовпадения интересов и целей) в действиях между союзниками (прежде всего США) привели к тому, что отдельные тактические успехи так и не смогли превратиться в стратегические завоевания. Великобритании пришлось выводить войска, так и не добившись серьезных результатов. «Усилия военных... по созданию приемлемой стратегии успеха с удивительным постоянством оказывались подрванными реальностью политического характера – как в Кабуле, так и на родине, в Великобритании» [2, р. 6].

Данная история имеет прецедент. Автор приводит пример первой англо-афганской войны (1838–1842): «Порожденная некомпетентностью британских дипломатов, данная война предоста-

вила России прекрасный предлог для вмешательства в афганские дела, что и послужило тем спусковым крючком, который привел в действие механизм британского вторжения – с целью воспрепятствовать дальнейшему продвижению русских. Великобритания... поставила в Афганистане нового правителя и учредила дипломатическую миссию; последняя в свое время будет прилежно уничтожена местным населением» [2, р. 7].

Автор указывает на нещадную эксплуатацию той псевдоморальной риторики, при помощи которой союзники постарались замаскировать реальные цели собственных действий. Так, британский премьер-министр Т. Блэр пытался выступать в роли «морального первопроходца, проповедующего необходимость гуманитарных интервенций» [2, р. 117]; именно ему принадлежит сомнительная заслуга изобретения – при помощи целой армии спин-докторов – той интерпретации событий, которая помогла общественному мнению «проглотить» войну в Афганистане.

Кампания с самого начала носила откровенно показной, пропагандистский характер; никакого реального освоения, не говоря уже о развитии, захваченной территории отнюдь не предполагалось: «Войска раз за разом попросту предпринимали очередную наступательную операцию» [2, р. 121].

Интересно отметить, что – зачастую пренебрегая мнением военных – Блэр не столько думал об Афганистане как таковом, сколько стремился использовать данную проблематику в псевдостратегическом ключе, а именно как предлог для перекраивания мира и создания новых силовых центров (прежде всего, конечно, англо-американского). Именно с этой целью он всячески акцентировал как ту опасность, которую представлял бы Афганистан в случае, если бы эту страну оставили развиваться самостоятельно, так и ответственность мировой общественности в деле установления «правильного» мирового порядка. Поскольку в одиночку Великобритании действовать было уже не по силам, требовалось любыми методами побудить прочие страны (прежде всего США) к сотрудничеству: «Своей главной миссией Блэр считал поддержание американской озабоченности афганской проблемой наряду со сколачиванием международной поддержки, необходимой в грядущей войне» [2, р. 50].

Методы были самые разнообразные. Так, создается впечатление, что Блэр буквально жонглировал различными силами, принимавшими участие в кампании; например, после саммита НАТО в июне 2004 г. он заявил, что возглавляемый Британией Союзный корпус быстрого реагирования (ARRC – Allied Rapid Reaction Corps), базировавшийся в ФРГ, будет руководить Международными силами содействия безопасности в Афганистане (ISAF – International Security Assistance Force) – к вящему изумлению военных, которые уже готовились к переброске в Ирак и считали именно это направление более перспективным и привлекательным.

Поначалу, однако, с мнением военных старались все же считаться прежде всего для того, чтобы заглушить голоса диссидентов из их числа. Именно в этот период высветился отчетливый идеологический фокус, направленный на цементирование англо-американского партнерства, которое Блэр рассматривал как основополагающий приоритет с самого начала операции; последняя ради этой цели в значительной мере и затевалась.

Так, несмотря на явно бредовые заявления американского президента Дж. Буша (сделанные после того, как на весь мир прозвучали отчеты о первых, недвусмысленно показных успехах) о том, что Америка и Афганистан превратились в союзников, ведущих общую войну с террором, Блэр по-прежнему полагал, что «необходимо крепче обнять США» [2, р. 125]. Впрочем, это вполне укладывалось в наработанную схему англо-американских отношений (Черчилль – Рузвельт, Макмиллан – Кеннеди, Тэтчер – Рейган). Стремление Блэра становится понятным, если принять во внимание стремление реалистов в США как можно скорее вывести войска из Афганистана; так, министр обороны Д. Рамсфельд прилагал всяческие усилия, чтобы «США не увязли в Афганистане» [2, р. 121].

В декабре 2001 г. союзники захватили Кабул и Кандагар, после чего США произвели колоссальную, но, по всей видимости, малоэффективную бомбардировку пещеры Тора Бора, где, как предполагалось, скрывался Усама бен Ладен. Подобные показные и вполне бессмысленные с практической точки зрения действия были рассчитаны на тиражирование в средствах массовой информации; они мало затрагивали противника, который быстро расссе-

доточивался, чтобы перегруппироваться и нанести удар оттуда, откуда его менее всего ожидали.

Слабая отдача операции – действия приводили к результатам, обратным ожидаемым, – была усугублена решением не распространять сферы ответственности международных сил по обеспечению безопасности за пределы Кабула и опираться на собственно афганские формирования, а это сводило на нет все усилия, направленные на мирное развитие страны. По настоянию США, уже готовившихся к иракской операции, главной задачей стали считать разгром Талибана, иначе говоря, показательной захват возможно большей территории страны, что позволило бы на весь мир заявить о победе над терроризмом; именно это должно было создать требовавшийся эффект для начала агрессии против Ирака. «Каким образом победа над Талибаном может быть трансформирована в столь полезный момент силы для решения иракской проблемы, никто не удосужился толком разъяснить общественности» [2, р. 122].

Как выяснилось позднее, иракская авантюра, напротив, лишь способствовала усилению ожесточенного сопротивления в Афганистане. Талибану удалось пополнить свои ряды и обогатить собственный арсенал новыми тактическими решениями (в особенности это касалось использования самодельных взрывных устройств).

Непродуманность, торопливость и нелогичность действий США и Британии в полной мере сказались в ходе Боннской мирной конференции по Афганистану, созванной в декабре 2001 г. Все было подчинено идеологической по своему характеру проблематике – созданию видимости сокрушительной победы над террористами. Эти тактические игры политиков впоследствии дорого обошлись как Афганистану, так и мировому сообществу.

Автор отмечает то «отсутствие стратегического мышления» [2, р. 116], которое с самого начало отличало кампанию. «Обращало на себя внимание то колоссальное давление, фокусом которого было достижение скорейшего решения афганской проблемы; ведь именно это совместное решение, как предполагалось, и должно было стабилизировать положение вещей в Афганистане и не допустить его сползания в пучину гражданской войны... в то время как вовлечение талибов с неизбежностью повело бы ко всякого рода проволочкам в мирных переговорах» [там же].

В результате основным силам противника удалось перегруппироваться на юге страны: Талибан ушел в глубокое подполье, скрываясь в горных районах, тогда как «Аль-Каида» сумела наладить трансграничные связи с пакистанской территорией, откуда повстанцы микроскопическими группами переправлялись обратно в Афганистан, нанося весьма болезненные ракетные удары по базам и конвоям союзников. Ввод в действие британского спецназа, специально обученного вести войну в горных условиях, ожидаемого успеха не принес, поскольку повстанцы всячески уклонялись от боестолкновений.

В 2003 г. положение усугубило еще и то обстоятельство, что афганскому сопротивлению – при помощи банальных листовок – удалось призвать население к священной войне – джихаду. Существенную поддержку Талибан стал получать и от пакистанцев, которые ревностно записывались в отряды ополченцев. Союзники проиграли психологическую войну за сердца и умы местного населения, взбешенного непродуманностью действий, часто приводивших к гибели мирных людей; их односторонность и несогласованность с афганскими формированиями также подливала масла в огонь.

Военные действия 2004–2005 гг. для британского контингента «оказались роковыми» [2, р. 117]. Стремление любой ценой установить контроль над югом страны побудило Блэра выступить с инициативой задействования элиты британского спецназа; уверенность в сверхъестественных способностях «этих ребят» сыграла с ним злую шутку. Расчет был сделан на то, что именно им удастся навести порядок там, где никому это сделать не по силам. Данные планы политика не учитывали ни инфраструктурной, ни, что еще более важно, психологической составляющей афганского возмущения действиями союзников.

США, к этому времени решившие сосредоточить основное внимание на решении иракской проблемы, почти полностью утратили интерес к Афганистану, что повлекло за собой лишь символическое участие в действиях, предпринимаемых британской стороной. «Союзники сочли необходимым все же продолжить кампанию, чтобы противник постоянно находился под их давлением. В дополнение к интенсивным боям в Сангине и Муса-Кале (провинция Гильменд) британские войска сбросили 18 тыс. фунтов

взрывчатки на районный центр Наузад (провинция Гильменд), так что городской базар оказался полностью разрушенным» [2, р. 118]. Данные бомбардировки были произведены по настоянию США, которым не нравились попытки британцев договориться с силами, поддерживавшими талибов.

Таким образом, опять дали о себе знать различия в том, как союзники видели кампанию в Афганистане, что обусловило серьезные расхождения в тактике: США считали, что главные цели, в общем, достигнуты, и не собирались вкладываться в восстановление страны, в то время как Великобритания, напротив, стремилась к усилению собственной роли в данном процессе: «Британцы предприняли попытку привлечь к сотрудничеству те общины, которые не были частью системы патронажа, созданной Талибаном» [2, р. 161].

Однако и эти действия принесли эффект, обратный ожидаемому; созданная при участии британских специалистов гильмендская полиция оказалась столь склонной к применению немотивированного насилия, что местное население, даже то, что прежде враждебно относилось к джихадистам, пожелало возвращения талибов.

Этому способствовали и топорные действия американцев; так, когда американский спецназ в ходе одной из операций застрелил, среди прочих, весьма уважаемого старца, пользовавшегося авторитетом среди пуштуязычных исхакзаев, местное население, прежде нейтральное или даже лояльное, взялось за оружие. Однако американское командование, исходя из соображений не столько тактического, сколько стратегического характера именно в районах проживания исхакзаев – месте, «представлявшем наибольшую, поистине смертельную опасность в самой опасной из афганских провинций [2, р. 173], – создало опорный пункт для своего спецназа. Результат оказался вполне предсказуемым: «К концу июля американский спецназ оказался в чрезвычайно затруднительном положении на всей территории Гильменда, претерпевая колоссальное давление со стороны противника» [2, р. 175].

Плохо продуманная ракетная атака, осуществленная США в начале июля 2005 г., «поставила под вопрос всю ту работу, которую британским войскам удалось проделать в Гильменде... Речь шла о наиболее серьезном медийном провале со времен Второй

мировой войны. Уайт-холл на утро после атаки оказался лицом к лицу с тем неприятным фактом, что Гильменд – намного более сложная проблема, чем ожидалось» [2, р. 178].

Усугубляло ситуацию еще и то обстоятельство, что неудачные и плохо скоординированные действия союзников приводили к междоусобным стычкам среди местного населения; так, развернувшаяся борьба между противоборствовавшими группировками племени ализаи наряду с не прекращавшимися атаками талибов побудила британцев оставить такой важный опорный пункт, как Муса-Кала, который, подчеркивая абсурдность ситуации, еще не раз будет переходить из рук в руки. В результате кампания 2005 г. оказалась хаотичной и плохо скоординированной. «Шесть месяцев непрерывных боев совершенно вымотали войска, а местное население было приведено в отчаяние ужасающими разрушениями» [2, р. 191].

В 2006 и 2007 гг. британская миссия в Афганистане столкнулась с новыми трудностями, причиной которых была заносчивость военных вкупе с амбициями политиков. Так, в августе 2006 г. было принято еще одно фантастическое по своему безрассудству решение. Размещение усиленного контингента британских войск в Гильменде (для чего потребовалась переброска войск из Ирака) представляло собой колоссальную ошибку; причем на этот раз ответственность ложилась не на плечи политиков; главную вину несли военные, плохо представлявшие себе реальное положение в Афганистане в целом и в Гильменде в частности: «На деле никто из высшего руководства толком не разбирался в том, что касалось Гильменда и Кандагара» [2, р. 142].

Так, Р. Дэннэт, в 2005 г. занявший пост главнокомандующего британских сухопутных войск в Афганистане, по какой-то причине был уверен, что именно Гильменд является той ключевой провинцией, которая в конечном итоге позволит контролировать и Кандагар. «Данное убеждение представляло собой совершеннейшую бессмыслицу. На деле обезопасить можно было лишь город Кандагар, но и эта цель была достижима лишь при условии установления контроля над провинцией Кандагар» [2, р. 142].

С целью найти хотя бы какие-то основания для британского присутствия в Гильменде командование решило увязать его с предполагаемым британским лидерством в борьбе с трафиком

наркотиков. Однако и здесь произошла неувязка, ибо в задачи военной и полицейской операции в Афганистане антинаркотическое направление изначально не было включено. Кампания шла буквально кувырком – настолько плохо оказались продуманными и возможности переброски основных сил, и те трудности, с которыми британцам пришлось столкнуться при обеспечении и поддержании порядка в провинции. «В конечном счете британская кампания в Гильменде характеризовалась как абсолютно неадекватным поведением политиков, так и заносчивостью военных» [2, р. 421]; последние настаивали, что именно на этом направлении война может быть выиграна.

Тот факт, что политики «умыли руки», предоставив решающее слово армии, в конечном итоге имел самое серьезное, причем крайне негативное влияние; дело в том, что созданием афганской инфраструктуры и развитием местных сил правопорядка так никто серьезно и не озаботился. «То обстоятельство, что союзникам не удалось создать сколько-нибудь значительные формирования афганских сил правопорядка, в итоге раз за разом приводило к тому, что возвращению талибов на, казалось бы, уже завоеванные и освобожденные от мятежников территории попросту некому было воспрепятствовать» [2, р. 205].

Грубые действия военных, все чаще совершавших карательные акции в отместку за гибель своих сослуживцев, вели к усилению международной поддержки Талибана, получавшего подкрепление буквально со всего мусульманского мира. Данные карательные акции часто носили столь возмутительный характер, что это не могли не признать и сам военные. «По словам Р. Дэннэта, в ходе кампании было убито слишком много простых крестьян. В целом жертвы среди гражданского населения неуклонно росли с ходом военных действий. Так, если в 2006 г. погибло около тысячи человек, то в 2007 г. – уже более полутора тысяч» [там же].

Подобные провалы усугублялись не вполне адекватным представлением о том, насколько болезненной была реакция населения. «То, что британцам смутно виделось как усиление поддержки, получаемой Талибаном, и его попытки распространить контроль на весь Центральный Гильменд, с точки зрения местных жителей представляло собой народное повстанческое движение против английских войск, лишивших простых людей средств су-

ществования. Независимо от того, в чьей интерпретации событий было больше правоты, следует признать, что Великобритании не удалось адекватно оценить масштабы ожесточения обитателей Центрального Гильмерда, с которым войскам довелось иметь дело» [2, р. 228].

Тем не менее к 12 декабря 2007 г. союзникам вновь удалось захватить Муса-Калу, которую талибы удерживали в течение девяти месяцев, это создало группировке великолепную рекламу. Выигрывая на отдельных участках в военном отношении, союзники все чаще проигрывали в условиях замирения. Навязывание демократии – в западном ее понимании – едва ли могло принести добрые плоды. Так, в Муса-Кале британцы сделали попытку опереться на местных силовиков, по сути дела, тех же бандитов: «История с Муса-Калой просто не могла кончиться благополучно... Мулла Салим, неэффективный и незаинтересованный глава местной администрации, не предпринял решительных шагов, чтобы проконтролировать своих бойцов» [2, р. 224]. Так, поведение его сына, не весьма разборчивого в средствах, вызвало негодование местного населения. Не было поставлено под контроль и выращивание опийного мака, прежде служившего главным предметом налогообложения в пользу талибов. Уже в 2005 г. 25% всех наркотических веществ, производимых в Афганистане, приходилось на долю провинции Гильменд [2, р. 226]. С течением времени данная тенденция лишь усиливалась.

Военные стали все чаще заявлять о нереальности достижения кардинальных успехов в Афганистане. Так, генерал М. Карлтон-Смит считал, что войну в Афганистане выиграть просто невозможно. Такие заявления объяснялись как общей хаотичностью положения вещей, так и неожиданной активизацией Талибана. «Активность мятежников обычно носила сезонный характер, достигая наивысшего масштаба летом, после того как урожай опийного мака уже был собран; однако в 2008 г. осень также была отмечена усилением военных действий» [2, р. 244].

Хаотичность не замедлила перекинуться и на действия союзников, смешав все стратегические карты, что сразу же изменило и тактические планы. «Все, что касалось стратегии боевых действий, было препоручено командирам на местах. Следствием подобных решений явилась вполне невнятная кампания; те бригады,

которым удавалось добиться успеха, продолжали начатое, не оглядываясь на остальных... В результате каждые шесть месяцев кампания получала новое направление» [2, р. 273].

Разбалансированность была отличительной чертой не только и не столько управления ходом боевых действий на местном уровне – она представляла собой лишь следствие того недопонимания, которое возникло между военными и политиками. «Тот антифункциональный стиль политического руководства, который был характерен для премьер-министра Г. Брауна, наряду с отвратительными отношениями, которые сложились у этого политика с армией, лишь подчеркивал, насколько он утратил контроль над ходом афганской кампании» [2, р. 272].

Так, если Лондон требовал от военных проявлять крайнюю осмотрительность в применении силы и настаивал на развитии местного самоуправления, то армия, успевшая в полной мере оценить афганские особенности, подобные указания рассматривала как очевидную нелепость. «В итоге каждая конкретная бригада приходила к тому... что необходимо сфокусироваться на собственных военных задачах; как следствие, ожесточенные бои прокатывались по афганским городам и их окрестностям, лишь увеличивая число жертв среди гражданского населения, в то время как поддержка Великобританией коррумпированной полиции была “манной небесной” для талибов» [там же].

Существенное облегчение положения британских войск в Афганистане произошло после прихода к власти Б. Обамы; он объявил афганскую кампанию (в отличие от иракской) приоритетной... Отражая новый подход к афганской проблеме, вице-президент Дж. Байден отмечал, что в предшествовавший период «война будто бы шла на автопилоте – будучи начисто лишённой стратегического руководства» [2, р. 275].

К январю 2009 г. общая численность американских войск в Афганистане была увеличена до 34 тыс. [там же], а расходы на их содержание составляли 50 млрд долл. ежегодно, причем десять лет войны должны были обойтись в 1 трлн долл. [2, р. 291].

Несмотря на увеличение финансирования, на новом этапе афганской кампании США выработали подходы, которые имели своей целью уже не столько афганскую проблематику, сколько вопросы, общие для региона в целом: «Центральным пунктом но-

вой стратегической линии стало увязывание афганской кампании с террористической активностью, проистекавшей из “серых зон” в Пакистане» [2, р. 278]. Это автоматически означало, что прежней политике, предоставлявшей Пакистану «карт-бланш» в обмен на показную лояльность, следовало положить конец.

Между тем Пакистан все более проявлял склонность к непоинновению. Так, террористическая сеть Хаккани (основной своей целью считавшая ограничение влияния Индии на Афганистан) базировалась в Пакистане, пребывая там на полуправильном положении; иначе говоря, пакистанские власти, если бы им это было действительно нужно, вполне могли бы положить конец ее функционированию. Проблема представлялась тем более серьезной, что большинство пакистанцев рассматривало сопротивление талибов как законную войну против иноземного вторжения. Антизападные настроения в Пакистане подогревало и то, что США при Буше уделяли Индии намного больше внимания. Так, в 2005 г. Индия была признана ядерной державой, а Пакистану в этом было отказано.

Понимание региональной важности Пакистана побудило Б. Обаму попытаться улучшить отношения с этой страной. «Однако предоставление Пакистану в 2009 г. полуторамиллиардного кредита с пятилетним сроком погашения (в 2010 г. к этой сумме были добавлены 2 млрд долл. на поддержку пакистанской армии)... не смогло остановить разрушения двусторонних отношений» [2, р. 349]. Неудовольствие Исламабада было вызвано как условным характером кредитов (деньги следовало тратить на вполне определенные, выгодные для США цели), так и постоянным напоминанием о том, что «эпоха карт-бланша» подошла к концу.

Пакистанское население, раздраженное атаками американских дронов, было вполне солидарно с правительством в неприязни американского доминирования. Так, в 2010 г. две трети пакистанцев рассматривали США как явного врага [там же]. Ликвидация Усамы бен Ладена в пригороде Исламабада лишь подлила масла в огонь. Если для Запада шокирующим фактом стало само нахождение наиболее разыскиваемого в мире преступника в непосредственной близости от Военной академии Пакистана, «что совершенно подорвало доверие к этой стране среди амери-

канских официальных лиц» [2, с. 350], то пакистанских военных, в свою очередь, возмутило то, что их не удосужились предупредить о грядущем рейде. Что же до простых пакистанцев, то их поразило незаметное проникновение в страну американского спецназа.

Пакистанский парламент был оскорблен тем, что данные действия сопровождалось «новым стратегическим подходом к общению» [там же], внедренным с легкой руки Р. Гейтса, главы ЦРУ; данный подход в применении к такой стране, как Пакистан, легко укладывался в незамысловатую формулу «заткнись». Парламент отреагировал, закрыв на семь месяцев для НАТО проходившие по территории Пакистана пути снабжения, что повергло союзников по афганской кампании в кризис и обошлось США в 700 млн долл.» [2, р. 351].

Все это лишь усугубляло общую неразбериху. Военное руководство союзников было ошеломлено переменами. Так, американский генерал М. Николсон сравнивал новые условия с «шахматной игрой в десяти измерениях» [там же]. В исламском мире грубая прямолинейность американцев воспринималась как еще один штрих, дополнявший картину западного варварства, так что ответные меры террористического подполья, базировавшегося в Пакистане, не заставили себя долго ждать; структуры Хаккани осуществили атаку на военную базу в Вардаке, в результате чего было ранено 77 американских военных.

Изменения в стратегических подходах со стороны западной коалиции были обусловлены новой ситуацией, складывавшейся в Афганистане. Так, усиление американской активности привело к новым тактическим решениям, обнаруженным повстанцами. В частности, применение изошренных взрывных устройств («пояс шахида») существенно осложнило положение союзников. «Применение подобной тактики против британцев привело к тому, что последним стало очень неудобно, да и рискованно, покидать свои базы; на это теперь требовалось все больше времени, так что ряд блокпостов оказался совершенно отрезанным от коммуникаций, нуждаясь в снабжении при помощи вертолетов. Напротив, Талибан чувствовал себя настолько комфортно, что мог, при желании, захватить центр той или иной местности» [2, р. 294].

Британское командование постаралось внедрить тактику «захвати и отстрой», однако в силу недоучета местных особенно-

стей она часто давала сбой. Особенно ярко это сказалось в округе Над-Али провинции Гильменд, где талибы установили столь тесные контакты с местным населением, что последнее фактически оказалось в их полной власти. «Великобритании пришлось иметь дело с ужасающей амбивалентностью афганских... формирований; рядовым афганцам не было никакого дела, как в конечном итоге завершится война» [2, р. 324].

Здесь в очередной раз сказалось непонимание Западом глубинных основ афганской психологии. Талибам все легче удавалось рекрутировать местное население, так как оно пребывало «в ужасе от того, с какой жестокостью американцы и британцы производили бомбардировки» [2, р. 334]. Проникновение религии во все сферы жизни общества – главная из местных особенностей – также давало о себе знать: обучение подрастающего поколения в медресе предоставляло талибам великолепную возможность для распространения собственных идей. Зачастую включались такие «технологии» набора рекрутов, как создание «отрядов друзей-товарищей», производившееся под лозунгом «если твой друг воюет, не стоит ли и тебе взять в руки оружие».

К этому добавилась повсеместно распространившаяся мотивация мести за убитых родичей, причем огромное значения здесь имела широта охвата, в том числе и в чисто географическом смысле, клановых структур. Восприятие Запада как демонической силы, повсеместно поддерживающей зло и насаждающей вражду, лишь усиливало данную мотивацию. Так, в Гильменде распространился слух о том, что британцы тайно оказывают поддержку талибам. Существенным аргументом в пользу подобных, вполне мифологических по своему характеру воззрений было и широко распространенное среди афганцев убеждение, что Великобритания обладала достаточным могуществом, чтобы разгромить Талибан в любое время, когда ей это оказалось бы удобным [2, р. 392]. Подобные воззрения были на руку талибам – хотя многие афганцы их ненавидели, однако все же они были «своими» и понятными, тогда как действия Запада казались настолько нелепыми и нелогичными, что просто не укладывались в голове.

Особенности исторической памяти наряду со склонностью к мифологической интерпретации реальности также играли существенную роль. Так, среди многих афганцев бытовало убеждение,

что жестокость Запада объясняется стремлением свести счеты с Афганистаном за то позорное поражение, которое англичане потерпели в 1880 г. «Данный тезис Талибану удалось развить в полноценный нарратив, воздействие которого на умы трудно переоценить» [2, р. 335].

Все это позволило талибам в 2009 г. обрести поддержку среди местного населения, что позволило им перейти к новой тактике повсеместного использования самодельных взрывных устройств; это было продиктовано как широко распространившимся культом мученичества, так и нежеланием самих боевиков вступать в бой. Имели место довольно комичные случаи, а именно попытки полевых командиров увильнуть от необходимости сражаться и переложить ответственность на других [2, р. 337]. Британская армия оказалась самым ужасающим образом неподготовленной [Ibid., р. 342] к тактике использования индивидуальных взрывных устройств – и это несмотря на печальный образ борьбы с ИРА (все это в 2000-е было вполне благополучно и прочно забыто). Дело было даже не в том, что не удалось разработать эффективные контрмеры; в армии просто не хватало квалифицированных саперов, тогда как усовершенствованные и новейшие технические средства не оправдали возлагавшихся на них ожиданий (роботы слишком часто выходили из строя, а германский миноискатель Валлон обнаруживал лишь 8 мин из 10 [Ibid., р. 342]). Осложняло обстановку и то, что талибы все чаще стали использовать взрывные устройства без металлических элементов.

Если в целом картина выглядела весьма мрачно, то все же для Великобритании были налицо определенные преимущества. Так, действия американского контингента в Афганистане позволяли британцам хоть сколько-нибудь перевести дух. Новые тактические решения, применявшиеся США, также сыграли свою роль. Например, американский генерал Маккристал начал внедрять тактику ускоренного наведения на цель, позволявшую избежать утечек информации, что не позволяло противнику своевременно перегруппироваться. «Данный подход... в свое время обесславивший Вестморленда во Вьетнаме, все же обеспечивал быстрое продвижение войск» [2, р. 329].

Однако «едва ли можно было рассчитывать на то, что мятежники скоро выдохнутся, тем более что за лето 2010 г. потери

коалиции удвоились. Талибы получали подпитку благодаря неисчислимым локальным конфликтам, развернувшимся между противоборствовавшими клановыми структурами и внутривосемными группировками. Предметом междоусобиц были вода, земельные угодья, наркотики. «Талибы стремились эксплуатировать утвердившуюся при Карзае практику перехода на их сторону полевых командиров, ранее получивших новые для них официально-чиновничьи одеяния» [2, р. 332].

Несмотря на все меры предосторожности, «уровень потерь среди британских военнослужащих продолжал оставаться высоким» [2, р. 327], хотя командование прилагало все возможные усилия, чтобы избежать боестолкновений. Помощь, которую британцы к этому времени начали получать от американских союзников, позволила им сосредоточить внимание на налаживании отношений с простыми афганцами. «Тактика, средоточием которой стала забота о местном населении, превратилась в священную корову обновленной британской военной доктрины, что во многом определило режим тренировок, введенный в армии» [2, р. 368]. Однако к этому времени афганское население было доведено до такой степени ожесточения, что все меры по «завоеванию сердец и умов» оказались тщетными. «Прибытие в ту или иную местность британских войск... служило своего рода лозунгом, способным поднять народ на джихад против захватчиков» [2, р. 333].

Общественное мнение в самой Великобритании также все более проявляло нетерпение, рассматривая афганскую кампанию как бессмысленную трату времени и средств: «Британская публика все чаще проникалась склонностью расценивать войну в Афганистане как нечто однозначно отрицательное» [2, р. 304]. Политические круги едва ли могли оставить без внимания данное развитие событий, ведь увязнуть в Афганистане, причем не имея каких бы то ни было внятных целей, которые смог бы «проглотить» обыватель, менее всего входило в планы политиков. «Стратегическое разочарование» [2, р. 320], все прочнее охватывавшее самые широкие круги британцев, явилось одним из ключевых факторов в принятии решения о необходимости скорейшего вывода войск из Афганистана.

Между тем Талибану удавалось не только добиваться своих целей внутри страны, но и находить себе новых покровителей за

рубежом. «Тот факт, что в 2013 г. Талибан открыл свое представительство в Катаре, лишний раз подтверждал стремление талибов избавиться от пакистанского контроля» [2, р. 411]. Ответные жесткие меры со стороны пакистанского руководства лишь усилили наметившуюся тенденцию перемещения лидеров Талибана в страны Персидского залива.

Отдельные успехи союзников уже не могли переломить ставшую вполне очевидной ситуацию: «Если к началу 2011 г. в кампании и наступил определенный перелом благодаря улучшениям, внесенным как в военную тактику, так и в функционирование местных органов самоуправления, то все же стать продолжительным ему было не суждено. В результате все британские формирования должны были покинуть Гильменд к концу 2014 г.» [2, р. 369].

Мировая общественность, якобы обеспокоенная тем ущербом, который был нанесен в Афганистане гуманитарным ценностям, проявила себя отнюдь не с лучшей стороны: «В неудержимом стремлении застолбить для себя место в Афганистане мировое сообщество попросту разрушило экономику этой страны, заодно похоронив все надежды, связанные с установлением надежного и эффективного управления Афганистаном» [2, р. 392].

Список литературы

1. Ruohomaki O. From the Heartlands of Jihadism : The Politics of Chaos in Afghanistan // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2018. – Т. 11, вып. 4. – С. 334–343.
2. Farrell Th. Unwinnable. Britain's War in Afghanistan 2000–2014. – London : Penguin, 2017. – 555 p.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

С.Е. СИДОРОВА*. НАРОД-ЗМЕЕПОКЛОННИК НА ЗАЩИТЕ
СВЯЩЕННЫХ РЕЛИКВИЙ : НАГПУР И САКРАЛЬНАЯ ГЕО-
ГРАФИЯ БУДДИЗМА.

Аннотация. 14 октября 1956 г. на огромном пустыре в городе Нагпуре Бхимрао Амбедкар, один из отцов-основателей независимой Индии, создатель индийской Конституции и социальный реформатор, принял буддизм, отрекшись от индуизма, а заодно и от своей принадлежности к неприкасаемым (*далитам*). Вместе с ним обряд обращения совершили несколько сот тысяч человек, став последователями нового течения древней религии, получившего название *наваяна*. Нагпур был не единственным городом, претендовавшим на право предоставить площадку для проведения церемонии, но именно у него обнаружилось бесспорное преимущество перед конкурентами. Статья посвящена конструированию нарратива, связавшего некогда блуждавшие по Индийскому субконтиненту буддийские реликвии, мигрировавший полумифический змееподобный народ нагов с территорией Нагпура и закрепившего за ним статус центра новой социально-религиозной традиции.

Ключевые слова: Индия; Нагпур; неприкасаемые / *далиты* / махары; Будда; буддизм; наги.

SIDOROVA S.E. Sacred Relics Under the Protection of Nagas : Nagpur and the Geography of Buddhism.

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. On October 14, 1956, on a huge vacant lot in the city of Nagpur, Bhimrao Ambedkar, one of the founding fathers of independent India, the creator of the Indian constitution and a social reformer, converted to Buddhism together with approximately 600 thousand of his followers. In this way, they renounced Hinduism and their belonging to the untouchables (dalits). Nagpur was not the only city that claimed the right to provide a site for the ceremony, but it demonstrated an undeniable advantage over competitors. The article is devoted to the construction of a narrative that connected the wandering Buddhist relics, the migrated semi-mythical serpent-like people of the Nagas with Nagpur and consolidated its status as the center of a new socio-religious tradition, which got the name of Navayana.

Key words: India; Nagpur; untouchables/dalits/mahars; Buddha; Buddhism; Nagas.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Народ-змеепоклонник на защите священных реликвий : Нагпур и сакральная география буддизма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9 : Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 74–88.
DOI: 10.31249/RVA/2022.01.04

В западной части Нагпура, одном из крупнейших городов индийского штата Махараштра и географического центра Индии, находится территория площадью около 14 акров – *дикшабхуми*. Название, которое в переводе с санскрита означает место/земля (*bhūmī*) обращения/посвящения (*dīkṣā*), отсылает к событию, состоявшемуся здесь 14 октября 1956 г. В тот день Бхимрао Амbedкар (1891–1956), также известный как Бабасахед, политический деятель, социальный реформатор, один из основных авторов индийской Конституции и министр юстиции в первом правительстве независимой Индии, принял буддизм. Вместе с ним ритуал обращения совершили еще несколько сотен тысяч человек¹, собравшихся на огромном городском пустыре, что сделало это мероприятие случаем самой массовой религиозной конверсии в истории человечества. Особенным в этой церемонии стало то, что, так же

¹ Точное число участников неизвестно. В различных источниках цифра варьируется от 350 тыс. до 1 млн человек. Наиболее часто встречается цифра в 600 тыс. человек.

как и Амбедкар, все обратившиеся были *далитами*¹, находившимися в соответствии с индусскими представлениями об общественном мироустройстве за пределами четырехварновой² системы и считались изгоями, соприкосновение с которыми ритуально оскверняло представителей «чистых» каст.

Амбедкар принадлежал к касте махаров, которые составляют большую часть неприкасаемых в Махараштре, откуда он был родом. Когда во второй половине 1920-х годов Амбедкар начал заниматься общественной деятельностью, он видел основную причину социально-политической и экономической неустроенности Индии не в иностранном правлении, а в кастовой системе. Несмотря на поддержку борьбы за независимость, он дистанцировался от деятельности Махатмы Ганди и лидеров Индийского национального конгресса, которые хотя и полагали, что неприкасаемость должна быть устранена, но в целом выступали за сохранение кастовой системы как костяка социального устройства Индии. К 1935 г., осознав бесперспективность радикального реформирования индуизма, Амбедкар объявил, что, родившись далитом, он им не умрет, т.е. перестанет быть индусом. Это был акт протеста против неизбежности, формальной непреодолимости узаконенного догмами индуизма неравенства, передаваемого по наследству. В течение следующих лет Амбедкар изучал различные социальные и экономические теории, мировые религиозные системы и в конечном итоге пришел к пониманию, что наиболее приемлемой альтернативой индуизму является аутентичная для Южно-Азиатского субконтинента традиция буддизма, в которой нет кастового деления, а идея равенства является доминирующей. Переработанное Амбедкаром и обогащенное новыми концепциями идейное наследие буддизма³ получило название *наваяна* («Новая

¹ *Далиты* («угнетенные, подавленные») – политизированный термин для обозначения низкокастовых (бывших неприкасаемых), пришедший на смену понятию *хариджаны* («дети бога»), введенному в 1930-х годах М. Ганди. В официальных документах эта категория населения определяется как «зарегистрированные касты».

² *Варна* – одно из сословий (брахманы, кшатрии, вайшы и шудры), на которые делилось индийское общество.

³ Основные положения учения Амбедкара изложены в его книге «Будда и его дхамма» («Будда и его учение») [5].

колесница»), составив компанию уже существовавшим трем древним течениям – *хинаяне* («Малая колесница»), *махаяне* («Великая колесница») и *ваджраяне* («Алмазная колесница»)¹.

Антикастовая, а впоследствии антииндусская пропаганда Амбедкара имела огромную поддержку по всей Махараштре в виде мощного низового движения среди махаров. Нагпур был хотя и важным, но лишь одним из многих локусов такой активности. О его рядовом с этой точки зрения положении свидетельствовал тот факт, что в 1954 г. Амбедкар публично провозгласил местом проведения церемонии обращения в буддизм Мумбаи. Это право оспаривал и Дели. В дальнейшем он изменил решение, и именно Нагпуру выпала честь предоставить площадку для кульминационного события. Это было тем более примечательно, что после беспорядков в 1923 г. у местной мечети и бегства основной массы мусульман Нагпур являлся преимущественно индусским городом. Более того, именно там в 1925 г. появилась и до сих пор располагает главной штаб-квартирой Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных служителей нации), самая влиятельная в Индии организация индусского национализма, проповедующая идеи *хиндутвы*². Тем не менее по сравнению с другими махараштранскими городами у Нагпура обнаружилось особенное преимущество – он оказался связанным с буддийской традицией. И именно на этой связи начал акцентировать внимание Ваманрао Годболе (1922–2006), один из активных участников далитского движения в Нагпуре и организатор церемонии обращения. Как пишет в своей автобиографии его младший сподвижник Васант Мун (род. 1932), «Годболе изучал буддизм глубоко и детально. Он привез из Мумбаи содержащую подробный анализ книгу “Жизнь Будды” Эдварда Дж. Томаса» [21, р. 149].

Земля нагов

В книге Томаса содержатся упоминания о полубожественном народе полузмей-полулюдей – нага/нагов во главе с царями-

¹ О жизни, деятельности и идеях Амбедкара написаны сотни книг и статей, см., напр., [29].

² *Хиндутва* – «индийскость», «индусскость»; идеология консолидации индийского общества на основе унифицированной версии индуизма.

змеями¹, почитаемыми как в индуизме, так в и буддизме и джайнизме [26]². Например, среди различных историй с участием нагов в «Махабхарате» есть сюжет о сожжении Арджуной, одним из братьев Пандавов, и Кришной леса Кхандавы, в котором жили наги во главе со змееподобным правителем Такшакой, что положило начало их вражде [2, главы 214–225]. Другой сюжет повествует о смерти Парикшита, внука Арджуны, от укуса Такшака. В отместку сын Парикшита царь Джанамеджая учинил жертвоприношение змей с намерением уничтожить их всех до одной. На помощь им пришел Астика, сын мудреца Джаягату и Манасы, богини нагов и сестры Васуки, еще одного царя нагов³, и остановил расправу, не допустив их полного истребления [2, главы 13, 34, 48–51].

В то время как пураны, Махабхарата, Рамаяна и другие тексты⁴ повествуют о мифических существах, некоторые исследователи склонны видеть в этих рассказах свидетельства существования древнего народа не- или доарийского происхождения с широким ареалом расселения от современного Нагаленда вплоть до Центральной Индии и Шри-Ланки. Как прослеживает Гаррет Ланге со ссылкой на работы Дж. Фергюссона, М. Дига, Ч. Олдхэма [12; 15; 22], поиски исторической подоплеки начались еще в XIX в. и продолжаются до сих пор [19]. Так, Джон Доусон пишет: «Их цари правили в Матхуре, Падмавати и других местах, а их имя сохранилось в названии современного Нагпура⁵. Мифологические истории, возможно, основываются на исторических фактах, но все они перемешаны и перепутаны. Наиболее предпочтительной является версия, что наги имеют скифское происхождение, а свое название они получили от обычая поклонения змеям...» [14, р. 213]⁶. Иравати Карве [17, р. 138-146] полагает, что наги в мифах

¹ *Nāga* (санскр.) – змей.

² Подробнее см.: [16, р. 300].

³ Именно Васука в индусской иконографии обвивает шею Шивы, и его использовали боги и асуры вместо веревки во время пахтания океана.

⁴ Подробнее см.: [19].

⁵ Нагпур (город змей) расположен около реки Нага.

⁶ Генезис и ареал расселения нагов с опорой на данные археологических раскопок прослеживает Навал Вийоги в книге «Наги – древние правители Индии» [27].

были «символически дегуманизированы, чтобы легитимировать геноцид», а вышеописанные истории о вражде Пандавов с Такшаккой повествуют о «холокосте не против животных, а против людей, которые маркируются как животные», и освобождении территорий от автохтонных неарийских народов и заселении их ариями (цит. по: [19]).

Связь народа нагов, как мифического, так и исторического, с землями Нагпура была очень важна, так как уже в соответствии с буддийской традицией после спасения наги стали последователями Будды. Как говорил в своей лекции Максим Русанов, зарождавшийся в районе Магадхи буддизм тесно соседствовал с двумя культами – якшей и нагов, первые из которых «выступали как существа враждебные, а вторые, напротив, дружественные Будде» [3]. Исследуя связи между буддизмом и нагами, Лоуэлл Блосс пишет, что новая религия не просто поглотила более древние культы, но включила их в себя: «Будда утверждает свое превосходство над региональными божествами, но позволяет более старому божеству демонстрировать власть под эгидой нового авторитета» [8, р. 45]. По сути же, по словам Блосса, применительно к нагам это был случай все той же религиозной конверсии [ibid.]. Наги, легенды о которых во множестве содержатся в буддийских текстах, были не просто почитателями Будды, но и важными фигурами в жизни вероучителя. Например, царь нагов Мучалинда укрыл своим змеиным капюшоном Будду во время медитации под деревом Бодхи от дождя и бури. И совсем особую роль они сыграли в сохранении буддийских реликвий.

Томас в своей книге со ссылкой на Махапариниббана-сутту, одну из сутт священного собрания буддийских текстов палийского канона, описывающую последние дни Будды, приводит два списка священных реликвий [26, р. 158-160]. В одном речь шла о сохранившихся после кремации Будды останках, востребованных несколькими царями из разных регионов Северной Индии. Чтобы уладить дело миром, брахман Дрона поделил их на восемь частей, над которыми были возведены ступы. Про одну из частей сообщалось, что она оказалась во владениях колиев в городе Рамаг (р) аме под охраной царей нагов. Когда спустя несколько веков принявшийся за распространение буддизма царь Ашока (прав. 273–232 до н.э.) из династии Маурьев вознамерился извлечь реликвии, чтобы

распределить их между 84 тысячами построенных им ступ, он смог добраться только до семи из них. Восьмая же, находившаяся в Рамаг (р) аме, осталась нетронутой. Историческая хроника «Махавамса» о ранней истории Шри-Ланки и ее царях сообщает, что сам Будда уже на смертном одре предсказал, что останки из Рамаг (р) амы окажутся впоследствии в царстве нагов, а затем на острове Ланка, где будут помещены внутри Великой Ступы. Чтобы предсказание исполнилось, змеиный царь и встал на защиту ступы в Рамаг (р) аме против посягательства Ашоки. Позже ступа была смыта водами Ганги в океан, откуда все те же наги перенесли чашу с реликвиями во владения царя Каланаги в Манжерике. Он возвел над реликвиями ступу из драгоценных камней и вместе с другими нагами поклонялся им [25, р. 210–211]. Восстанавливая по текстам древнюю географию Индии, Александр Каннингэм¹ полагал, что Манжерика находилась в восточной части субконтинента к югу от Дантапуры, столицы древнего государства Калинги (нынешняя Орисса), где хранилась еще одна реликвия – зуб Будды, и располагалась между реками Годавари и Кришна [10, карта между с. 526 и 527] и простиралась еще южнее. По его мнению, урна с прахом могла храниться в местечке Дхараникотта, рядом с современным городом Амаравати, где во время археологических обследований и раскопок 1816 и 1845 гг. были обнаружены остатки огромной ступы [10, р. 534–542]. Именно за этой частью реликвий в начале IV в. н.э. прибыл посланец с Ланки, аскет Сонаттара, и, несмотря на ухищрения нагов удержать священные останки, смог забрать их и доставить на остров, где над ними также была сооружена ступа [р. 212–215; 24, р. 160–175; 25]. Тем самым сбылось предсказание Будды.

Путешествие зуба

Помимо восьми частей праха книга Томаса, по которой Годболе изучал буддизм, упоминает еще четыре зуба Будды, один из

¹ Александр Каннингэм (1814–1893) состоял на службе Ост-Индской компании в качестве военного инженера, в 1861 г. занял пост главы археологической службы Индии. В 1830–1840-х годах осуществлял раскопки в местах, связанных с жизнью Будды и буддизмом, в Сарнатхе, Санкиссе, Санчи. Написал историю буддизма на основе анализа архитектурных памятников Центральной Индии [11].

которых опять же оказался под протекцией царей нагов, правда, без указания его местоположения. В переводе Томаса на английский язык соответствующий текст Махапариниббана-сутты, звучит так:

One tooth by the Tidiva gods is worshipped,
(Одному зубу поклоняются в стране 33 богов¹)
And in Gandhara city one is honoured,
(Один находится в городе Гандхара)
In the Kalinga-rajā's realm one also.
(Один во владениях царя Калинги)
Another still the Naga-rajās honour.
(Еще один почитается царями нагов) [26, p. 159].

Три из четырех зубов имели довольно ясную территориальную локализацию. Первый отправился на небо, второй – в Гандхару, регион на северо-западе Индостана, третий – в уже упомянутую Калингу, древнее государство со столицей в Дантапуре. Само название свидетельствовало о том, что это было место хранения зуба, там при раскопках также обнаружили остатки ступы. Из Дантапуры царственные супруги принцесса Хемамала и принц Дантха вывезли зуб на Ланку. По дороге они потерпели крушение и нашли временный приют у нагов, как считает Каннингэм, все в той же Манжерике, которая лежала на пути беглецов [10, p. 534]. У Томаса, использовавшего перевод Махапариниббана-сутты с языка пали, сделанного в 1910 г. Т. Рис-Дэвидсом [23, p. 191], местонахождение последнего зуба не определено. Однако Махапаринирвана-сутра, независимый текст на санскрите, также посвященный финальному отрезку жизни Будды, сообщает, что он почитается нагами в Рамаг (р) аме [28, p. 450], т.е. в том месте, откуда и была смыта в океан ступа вместе с хранящей прах урной, и которая потом переместилась в Манжерикку. Несмотря на наличие более конкретной информации в санскритском тексте, Джон Стронг, автор книги «Реликвии Будды», констатирует, что про четвертый зуб известно меньше всего, если только не предположить, что его вместе с другими реликвиями забрал из Манжерики на Шри-Ланку аскет Сонаттара [24, p. 186]. Неясность с местопо-

¹ *Tidiva* – то же самое, что и *Tāvatiṃsa* (пали) или *Trāyastriṃśa* (санскр.) – в буддизме небеса, обитель 33 богов. Подробнее см. [9, p. 233].

ложением четвертого зуба, видимо, заставляла британских исследователей колониальных времен в свое время сомневаться относительно того, сколько реликвий (одна или две) находилось в Манжерике (см. напр., [р. 86–87; 10, р. 391; 20]). Она же позволяет авторам современных исследований в пересказе последней части сутты/сутры превратить не имеющую точной топографической привязки денгальную реликвию из зуба, «почитаемого нагами», в зуб, оказавшийся в «земле нагов». Именно «земля нагов» («land of the Nagas») в качестве места пребывания четвертого зуба появляется в монументальном труде П.В. Бапата «2500 лет буддизму», вышедшем в мае 1956 г. по случаю юбилейной даты [7, р. 279]. В более поздней маратхиязычной книге Х.Л. Косаре также фигурирует *нага бхуми* (земля нагов) [18, р. 228–230]. Наконец, Навал Вийоги, автор книги «Наги: древние правители Индии», задался целью определить, где находится земля нагов, хранящая еще один зуб. Сложная цепочка рассуждений и сопоставлений различных сюжетов приводит его к выводу, что это не Калинга и не Манжерика, а отдельная территория. В качестве решающего аргумента («solid evidence») он приводит слова молитвы, обращенной к зубу, которую почерпнул в книге Косаре:

ekā dāthāti dasapure eka nāg pure ahu |
ekā gandhār visaye ekāsi puna sinhale ||
chatassā tā mahādātha, nivvāna rasadipikā |
pūjītā naradevehi tāpi bandāmi dhātayo ||

Авторский перевод на английский выглядит так:

One of the tooth relics of Tathāgata is secure in Tridaspur and the second in Nagpur,

Один священный зуб Татхагаты¹ укрыт в Тридаспуре, второй в Нагпуре,

third in Gandhara country and fourth in Sinhal country.

Третий – в Гандхаре, четвертый – в стране Сингал².

All these four tooth relics are being worshipped by all the divinities for the sake of human deliverance,

Все божества поклоняются четырем зубам ради освобождения человечества,

¹ Татхагата (Tathāgata, санскр.) – один из эпитетов Будды. Подробнее см. [9, р. 826].

² Шри-Ланка.

because they provide the taste of Niravana-Rasa (Juice of bliss). Hence, I also bow down.

потому что они дарят нектар блаженства, и я тоже преклоняюсь [27, р. 393].

Вийоги полагает, что в молитве под Нагпуром следует понимать ту самую *нага бхуми*, землю нагов. Данные археологических раскопок позволяют ему соотнести эту землю с Видарбхой, территорией в Центральной Индии, главным городом которой является современный Нагпур¹. Еще в XIX в. Джеймс Фергюссон в книге о культе поклонения змеям в Индии, построенной на анализе остатков ступ в Санчи и Амаравати, писал: «Мы почти ничего не знаем о народах, населявших огромное центральное плато Индии, по краям которого как раз и были возведены эти две ступы... Народ же, который идентифицируется по скульптурам из ступ... является настоящим змеепоклонником, и если его связь с Таксилой (главное место культа змеепоклонства, как пишет Фергюссон в другом разделе, [15, р. 95]) и Панджабом будет установлена, то это прольет свет на многие проблемы исследования. Пока же обращу внимание на любопытную деталь: если провести прямую линию от Таксилы до Амаравати, она пересечет Бхислу, Нагпур и другие места, где преобладает змеепоклонство, и эта прямая выглядит как траектория миграции народа. Если таковая когда-либо имела место, то задолго до появления буддизма, возможно, до или вследствие великой войны, описанной в Махабхарате» [15, р. 224].

К моменту, когда Вийоги приступил к своему исследованию, в результате археологических раскопок в Видарбхе обнаружилось много мегалитических памятников, которые связывают с нагами. Кроме того, Вийоги исходил из того, что над всеми буддийскими реликвиями строились ступы, остатки которых так или иначе обнаруживались в перечисленных в сутре/сутте местах (кроме, конечно, неба)². Это означало, что и над четвертым зубом должна была быть соответствующая постройка. Таковой он считает ступу в Пауни, местечке в 82 км от Нагпура, остатки которой обнаружи-

¹ Первое упоминание Нагпура относится к X в., а современный город был основан в 1702 г.

² При этом Стронг в своем исследовании обращает внимание, что над частями праха Будды возводились ступы, а над зубами храмы [24].

ли во время раскопок 1969–1970 гг. Размерами это сооружение превосходило ступу в Санчи¹, т.е. это была *mahāstūpa* (Великая ступа), что свидетельствовало о ее важности. Время ее строительства относят к домаурийскому периоду², это могло означать, что буддизм в районе Видарбхи появился не во времена прозелитской деятельности Ашоки, а гораздо раньше, еще при жизни Будды, и что зуб, подобно другим реликвиям, доставили сюда сразу после совершения Буддой *паринирваны*³ [27, р. 393–394].

Таким образом, реликвии перемещались с севера на юг, двигаясь по восточному краю субконтинента, и лишь один зуб, предположительно, приблизился к Центральной Индии. В результате этих построений территория Нагпура оказалась вписанной в сакральную географию буддизма за счет проживания на ней некогда славного народа, неразрывно связанного с именем Будды и немало сделавшего для сохранения его наследия, и, возможно, присутствия священной реликвии. Это дало городу повод начать обзаводиться новыми ритуалами, традициями и предметами культа. В 1952 г. нагпурские махары, к тому моменту уже ежегодно проводившие десятидневное празднование дня рождения Амбедкара, решили отмечать еще и день рождения Будды, который приходится на май. По этому случаю в тот год была организована огромная процессия, стартовавшая из Ситабалди – места компактного проживания махаров в Нагпуре – и охватившая другие районы города. Один торговец барабанами подарил махарской общине четырехфутовую статую Будды из цемента, которая была установлена на территории храма Витхала-Рукмини в Ситабалди и перед которой начали совершать обряд пуджи [21, р. 133].

Поэтому, когда Годболе обратился к Амбедкару с письмом, отстаивая преимущества Нагпура перед Мумбаи в качестве пло-

¹ Одна из древнейших буддийских ступ в Индии, построенная по приказу императора Ашоки.

² Такое мнение выразил С.Б. Део, проводивший раскопки в Пауни [13, р. 21, 25].

³ *Паринирвана* (*parinirvāṇa*, санскр.) – букв. полная *нирвана*. *Нирвана* (*nirvāṇa*, санскр.) – букв. угасание; термин, описывающий отсутствие желаний, привязанностей, страданий, страстей и освобождение от цепи перерождений, наступающее после физической смерти. Подробнее о соотношении *паринирваны* и *нирваны* см. [9, р. 600-605].

щадки для проведения церемонии, он акцентировал внимание не на активном участии города в далитском движении, чем могли похвастаться многие места, а на его буддийском прошлом. Выдержку из письма Годболе Амбедкару привел Мун: «Нет объяснений, на каком основании вы выбрали Мумбаи. В нем нет священных мест, связанных с буддизмом. Если предпочтение было бы отдано одному из них, то у нас не было бы возражений. Поэтому вам следует пересмотреть решение и остановить выбор на Нагпуре» [21, р. 149]. Усиливая аргументацию, Годболе сообщил, что «в одной книге есть упоминание о пребывании зуба Будды в Нагпуре». Хотя в исследовании Томаса таких сведений нет, однако к этому моменту в Нагпуре уже была собрана довольно обширная библиотека с книгами, посвященными Будде и его учению [21, р. 127].

В интервью на следующий день после обращения Амбедкар, объясняя свой выбор Нагпура в качестве места для первой церемонии, тоже обратился к упомянутому мифу об истреблении нагов и их счастливом спасении: «Почему именно Нагпур был выбран для этого мероприятия? Почему обращение не произошло в каком-нибудь другом месте? Те, кто читал историю буддизма, знают, что в Индии, если кто и распространял это учение, это был народ нагов. Этот народ был врагом ариев. Между ариями и неариями была жестокая война. В пуранах можно найти примеры притеснения ариями нагов. Агасти *муни* помог только одному нагу спастись¹. Мы все произошли от него. Народ нагов, который вытерпел столько страданий, хотел обрести великого человека, который повел бы их за собой. Они нашли такого человека в Гаутаме Будде.

¹ Не вполне ясно, почему в качестве спасителя Амбедкар упомянул вместо Астики великого мудреца Агастью. Связывает героев лишь похожий эпизод в «биографиях». У Агастьи не было сыновей. Однажды он набрел на яму, в которой вниз головой висели его давно ушедшие из жизни предки. Эта кара их постигла из-за того, что род не имел продолжения. Чтобы освободить их, Агастья женился на Лопамудре, дочери царя Видарбхи, и после того, как она зачала сына, удалился отшельником в лес. Точно так же отец Астики Джаягаткару практиковал жесткую аскезу и безбрачие, и однажды он увидел дерево с висевшими на нем вверх торшашками предками, страдавшими из-за отсутствия продолжателя рода. Женившись на Манасе и родив сына, он освободил предков. Возможно, сходство сюжетов, а также тот факт, что жена Агастьи Лопамудра была из Видарбхи, исторической области, центром которой является современный Нагпур, стали причиной путаницы.

Наги распространили учение Будды по всей Индии. Так и мы подобны нагам. Предположительно наги жили в Нагпуре и близлежащих землях. Поэтому они назвали этот город Нагпуром. В 27 милях отсюда протекает река Нага. Конечно же, название реки произошло от названия людей, которые здесь когда-то жили. И это главная причина выбора места» [6].

В 1978 г. Нагпур уже в прямом смысле слова застолбил свое место на сакральной географической карте буддийского Индостана, когда на пустыре, где происходило обращение, был заложен фундамент ступы – Дикшабхуми. Возведенная к началу XXI в. по образцу постройки в Санчи архитектором Шео Даном Малом, она является одним из самых больших аналогичных зданий в мире и самой большой полой ступой.

Питер Браун в исследовании о развитии культа христианских святых, на которое ссылается в своей книге Стронг, «отметил важность мобильности реликвий в распространении и децентрализации христианства. В отличие от святых мест, таких как Иерусалим или Рим, которые зафиксированы в определенных точках пространства, реликвии могут быть транспортированы в новые регионы, чтобы основать новые центры, иногда на далекой периферии христианского мира. В этом отношении реликвии были эффективным компонентом практики паломничества; они доставляли святых людям вместо того, чтобы люди шли к святым» (цит. по [24, р. 179]).

Зуб Будды одна из самых известных и почитаемых реликвий во всем буддийском мире, который «стал объектом “страсти” многих правителей», постепенно «набирая вес как государственная реликвия, легитимирующая власть того, кто ей обладал» [1, с. 18; 4, с. 133, 138]. Точно так же и пространства, которые он пересекал, получали основания считаться сакральными и претендовать на особое внимание или положение. Замешанный на мифической истории и данных научных исследований нарратив, установивший связь между блуждающими святыми предметами, мигрирующим змееподобным народом и Нагпуром, актуализировал скрытый до поры до времени символический капитал города, который, воспользовавшись им, стал центром новой социально-религиозной традиции, превратился в место накопления специфических риту-

альных и паломнических практик, иконографических образов и материальных объектов.

Список литературы

1. Глушкова И.П. Пространственное перемещение людей и вещей как исследовательская парадигма. Прошлое, настоящее, будущее / Глушкова И.П. (рук. проекта), Сидорова С.Е. (отв. ред.) // Под небом Южной Азии. Парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. – Москва : Наука : Восточная литература, 2015. – С. 8–23.
2. Махабхарата. Адипарва (книга 1) / пер. и комм. В.И. Кальянова ; под ред. А.П. Баранникова. – Москва : Ладомир, 1992. – 736 с. – (Литературные памятники).
3. Русанов М. Жизнь Будды : легенды и тексты : лекция. – URL: <https://arzamas.academy/uni/eastwest/buddha>.
4. Сафронова А.Л. Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. – Москва : Муравей, 2005. – 400 с.
5. Ambedkar B.R. The Buddha and His Dhamma. – Siddharth : Siddharth College Publication, 1957. – 600 p.
6. Ambedkar B.R. Why Was Nagpur Chosen? – URL: http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00ambedkar/txt_ambedkar_conversion.html#03
7. Bapat P.Y. 2500 Years of Buddhism. – Delhi : The Publications Division of the Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1956. – 504 p.
8. Bloss L.W. The Buddha and the Nāga : A Study in Buddhist Folk Religiosity // History of Religions. – 1973. – Vol. 13, N 1. – P. 36–53.
9. Encyclopedia of Buddhism / Buswell R.F. (ed. In Chief). – New York : MacMillan Reference USA, 2004. – 981 p.
10. Cunningham A. The Ancient Geography of India. – London : Trübner & Co., 1871. – 589 p.
11. Cunningham A. The Bhisla Topes; or Buddhist Monuments of Central India. – London : Smith, Elder and Co., 1854. – 372 p.
12. Deeg M. Der Buddha und Die Nagas. Buddhistische Unterwerfungsmythen und Regenmagie // Hörin. – München : Iudicium Verlag, 2008. – Bd. 15 : Vergleichende Studien zur japanischen Kultur. Comparative Studies in Japanese Culture. Eine Veröffentlichung des Hauses der japanischen Kultur (EKO) in Düsseldorf. – S. 91–114.
13. Deo S.B., Joshi J.P. Pauni Excavation. – Nagpur : Nagpur University, 1972. – 119 p.
14. Dowson J. A Classical Dictionary of Hindu Mythology and Religion, Geography, History and Literature. – London : Routledge & Kegan Paul LTD, 1953. – 411 p.
15. Fergusson J. Tree and Serpent Worship. Or Illustrations of Mythology and Art in India in the First and Fourth Centuries after Christ. From the Sculptures of the Buddhist Topes at Sanchi and Amravati. – London : India Museum, 1868. – 248 p.

16. Jones C.A., Ryan J.D. Encyclopedia of Hinduism. – New York : Facts On File, Inc., 2007. – 552 p.
17. Karve I. Yuganta : The End of an Epoch. – Poona : S.R. Deshmukh for Deshmukh Prakashan. – 1989. – 270 p.
18. Kosare H.L. Prāchīn Bhārtatīl Nāg (प्राचीन भारतातील नाग) (in Marathi). – Po-Nagpur : Neha Prakashan, 2008. – 299 p.
19. Lange G. Cobra Deities and Divine Cobras: The Ambiguous Animality of Nagas // Religions. – 2019. – Vol. 10(8). – URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/10/8/454>
20. Low J. Gleanings in Buddhism // Journal of the Asiatic Society of Bengal. – Calcutta : J. Thomas, Baptist Mission Press, 1848. – Jule to Desember, vol. 17, part 2. – P. 72–98.
21. Moon V. Growing up Untouchable in India: A Dalit Autobiography. – Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2000. – 203 p.
22. Oldham Ch.F. The Sun and the Serpent. A Contribution to the History of Serpent-Worship. – London : Archibald Constable & Co, Ltd., 1905. – 207 p.
23. Rhys Davids C.A.F. Dialogues of the Buddha : In 3 vols. Bound in 2. – Delhi : Low Price Publications, 2001 (1910). – Vol. 2. – 382 p. – Reprinted.
24. Srtong J.S. Relics of the Buddha. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2004. – 291 p.
25. The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon / Translated into English by Wilhelm Geiger. – London : Oxford University Press, 1912. – Ixiv, 300 p.
26. Thomas E.J. The Life of Buddha as Legends and History. – London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., LTD ; New York : A. Knopf, 1931. – 298 p.
27. Viyogi N. Nagas: The Ancient Rulers of India (Their Origin and History). – Delhi : Low Price Publications, 2002. – Vol. 2. – 486 p. – (The history of the Indigenous Peole of India).
28. Waldschmidt E. Das Mahāparinirvāṇasūtra. – Berlin : Akademie-Verlag, 1951. – Teil 3. – P. 304–526.
29. Zelliott E. From Untouchable to Dalit : Essays on the Ambedkar Movement. – Delhi : Manohar, 1996. – 350 p.

Д.В. МИХЕЛЬ, И.В. МИХЕЛЬ*. ЛИХОРАДКА 1843 года И НАЧАЛО САНИТАРНЫХ РЕФОРМ В КОЛОНИАЛЬНОМ ГОНКОНГЕ XIX века¹.

Аннотация. В статье рассматривается случай так называемой гонконгской лихорадки 1843 г., которая стала настоящим вызовом британским планам по созданию колонии на окраине Юго-Восточного Китая. Не обладая современными научными представлениями о природе этой болезни, британские колониальные администраторы, врачи и ученые были склонны объяснять ее посредством миазматической теории. Несмотря на критику со стороны противников колонизации Гонконга, британцы считали важным закрепиться на этом острове, который рассматривался ими как оплот их торговой экспансии в Циньской империи. С этой целью были разработаны и реализованы меры по оздоровлению территории Гонконга, которые были связаны с озеленением острова. На исходе XIX в., когда научные знания о малярии еще только формировались, в Гонконге была существенно улучшена экологическая ситуация и снижен риск распространения этой болезни.

Ключевые слова: Гонконг; британская колония; лихорадка; малярия; озеленение.

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

D.V. MIKHEL, I.V. MIKHEL. The Fever of 1843 and the Beginning of Sanitary Reforms in Nineteenth-Century Colonial Hong Kong.

Abstract. This article examines the case of the so-called Hong Kong fever of 1843, which was a real challenge to British plans to establish a colony on the outskirts of southeastern China. Lacking a modern scientific understanding of the nature of the disease, British colonial administrators, physicians, and scientists were inclined to explain it through the miasma theory. Despite criticism from opponents of colonization in Hong Kong, the British thought it important to establish themselves on the island, which they saw as a bulwark for their commercial expansion in the Qin Empire. To this end, measures were devised and implemented to improve the territory of Hong Kong, which involved planting greenery on the island. At the end of the nineteenth century, when scientific knowledge of malaria was still emerging, the ecological situation in Hong Kong was significantly improved and the risk of the spread of the disease was reduced.

Keywords: Hong Kong; British colony; fever; malaria; greening.

Для цитирования: Михель Д.В., Михель И.В. Лихорадка 1843 года и начало санитарных реформ в колониальном Гонконге XIX века // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 89–105.
DOI: 10.31249/rva/2022.01.05

Внимание к различным эпизодам всемирной истории эпидемий со стороны разных групп исследователей – врачей, историков, журналистов – растет с каждым годом [1], стимулируя не только продолжение дискуссий по наиболее мейнстримным сюжетам, таким как «Черная смерть», «испанка» и СПИД, но и обращение к менее известным событиям. В числе последних, бесспорно, оказывается и почти забытая теперь эпидемия малярии 1843 г. в Юго-Восточном Китае, известная современникам как «гонконгская лихорадка». Между тем значимость этого эпизода для всемирной истории весьма велика, поскольку с него начинается длительный процесс санитарных реформ в странах «третьего мира», а кроме того, в ней можно видеть источник до сих не угасающей обеспокоенности западных наблюдателей эпидемиологической обстановкой в Китае и эндемической «китайской угрозой» [2]. В предлагаемой статье с опорой на доступные документальные источники по ме-

дицинской истории Гонконга второй половины XIX в. и некоторые значимые публикации современных специалистов предпринята попытка интерпретации событий, связанных с «гонконгской лихорадкой» 1843 г., а также начавшихся после этого санитарных преобразований в этой британской колонии в Юго-Восточном Китае.

Гонконг и его истории

Современный Гонконг – это специальный административный район (САР) КНР, в состав которого входят территории Цзюлунского полуострова и соседствующих с ним 260 маленьких и еще двух больших островов, известных как Лантау и собственно Гонконг. Омываемый водами Южно-Китайского моря остров Гонконг, как и соседние острова, покрыт скалами и изрезан бухтами. Очевидно, некогда на Гонконге процветала торговля благовониями и ароматной древесиной, откуда остров и получил свое название – «благоухающая гавань». Долгое время остров оставался прибежищем пиратов, и правителям Китая с большим трудом удавалось удерживать над ним свой контроль. После оккупации острова британцами в январе 1841 г. и передачи его им по Нанкинскому договору в августе 1842 г. на нем был основан город Виктория, получивший свое название в честь британской королевы. К этому моменту на острове существовали несколько небольших рыбацких деревушек, в которых проживало около 3000 жителей. Основание британской колонии на острове с самого начала стало рискованным предприятием, поскольку условия существования на острове были тяжелыми: большую часть года – с апреля по ноябрь – здесь длится жаркий и душный сезон дождей. Тем не менее остров Гонконг стал важным форпостом Британской империи в Юго-Восточном Китае – главным образом по причине его удобного географического положения. Гонконг, располагающий прекрасной глубоководной гаванью, выступил удобным транзитным пунктом в торговых сообщениях между Кантоном (Гуанчжоу) и Сингапуром.

Летом 1997 г. Гонконг перешел под управление китайского правительства. Продолжавшийся 155 лет период колониального развития закончился, открыв начало нового этапа истории Гонконга в составе КНР. Для историков в разных странах это событие

стало поводом к началу острых дискуссий о судьбах Гонконга и попыток вписать его в тот или иной исторический контекст. Для британских и большинства западных специалистов Гонконг с самого начала своего существования был небольшим островком Европы в огромном китайском мире [11] и теперь, утратив статус британской колонии, он является новой китайской колонией, сохраняющей уникальную этническую самобытность, культуру, экономический и административно-политический статус [5; 12; 16]. Напротив, для китайских исследователей история Гонконга – эта часть истории большого Китая, в рамках которой колониальный период рассматривается как время национального унижения и позора, закончившееся в 1997 г.; Гонконг всегда был, есть и будет китайским, хотя влияние европейцев, бесспорно, сказалось на его идентичности¹.

Возможно ли воссоздать какую-то иную историю Гонконга – небританскую (незападную) и некитайскую, а собственно гонконгскую – это большой вопрос. Уличные протесты декабря 2005 г. и сентября 2014 г. – последние получили известность как «Революция зонтиков» – показывают, что в значительной степени Гонконг продолжает оставаться особым мирком в составе большого Китая и, очевидно, его уникальность будет еще долго давать о себе знать, поскольку правительство КНР предпочитает не прибегать к форсированной и жесткой интеграции САР в социальное пространство страны. Современному Гонконгу дан ряд привилегий и прав, которых нет у других территорий Китая, начиная с избрания собственного правительства и до участия спортсменов Гонконга под собственным флагом на Олимпийских играх.

И все же у Гонконга в некотором смысле может быть собственная история, отличная от той, что предлагают ему имперские, колониальные и постколониальные историографии, представляющие Гонконг прежде всего как часть британского или китайского мира. Это история Гонконга как части природного мира – клочка дикой природы, подвергшегося процессу цивилизации, но при

¹ Обзор исследований по истории Гонконга китайских историков, выполненных до 1994 г., представлен в статье Элизабет Синн [23]. Обзор работ китайских историков, представляющих «школу обвинения», «школу исторической трагедии», «школу китайского реализма» и др., предложен в статье Синди Йики Чу [26].

этом до конца так и не ставшему цивилизованным. Как бы это ни выглядело парадоксальным, Гонконг, являющийся одним из самых урбанизированных уголков планеты, на протяжении всего своего существования – как в XIX в., так и в первой четверти XXI в. – продолжает оставаться царством непокоренной природы, буйно вторгающейся в жизнь людей. Вот уже долгие годы Гонконг предстает царством каменных зданий, на которых растут деревья. Возраст некоторых из них – целое столетие. Большая часть их едва ли превышает метровую высоту, но встречаются гиганты, достигающие 20 м. В результате проведенного в 1996 г. трехмесячного исследования городской флоры Гонконга было установлено, что на 505 городских стенах произрастают 1275 деревьев различных видов [17]. Такое можно встретить только в Гонконге. Именно здесь в жарких тропиках история человеческого общества в наиболее отчетливой форме предстает как история напряженного существования в постоянной влажности и духоте, под продолжающимся восемь месяцев дождем, среди бесчисленных микроорганизмов, атакующих человеческие тела днем и ночью.

Сознание того факта, что история Гонконга является не только историей тех или иных человеческих обществ, но и частью естественной истории, а также особой разновидностью медицинской истории, в последнее время подтолкнуло некоторых исследователей обратить внимание и на этот аспект развития гонконгской идентичности. Их публикации [7; 8; 19; 20] показывают Гонконг не только как пункт обмена между двумя большими человеческими мирами – британским (западным) и китайским (восточным), но и как место встречи обоих человеческих миров с миром живой природы – дикой и непокоренной, налагающей на мир людей свой неизгладимый отпечаток.

Негостеприимный остров

Британцы впервые начали обосновываться на острове в январе 1841 г., когда там продолжался прохладный сухой сезон. В это время года климат Гонконга напоминал умеренный климат многих стран, колонизация которых британцами проходила без каких-либо сложностей. Однако уже через несколько месяцев колонизаторам стало ясно, что острову свойствен тропический климат и,

чтобы здесь закрепиться, потребуются дополнительные усилия. Более того, в течение первых лет пребывания на Гонконге у британцев не было даже четкого понимания, стоит ли им вообще закрепляться на этом месте, поскольку шансы на успех в деле колонизации острова воспринимались как незначительные. В отличие от Индии, где борьба с суровым тропическим климатом стала необходимостью в деле овладения богатейшими местными ресурсами, эта окраина Юго-Восточного Китая была чрезвычайно бедна, и сама необходимость ввязываться в борьбу с тропиками ради закрепления на этом острове не казалась британцам столь очевидной.

В одном из самых первых британских изданий, опубликованных в Гонконге, можно встретить следующее описание острова, относящееся к началу 1843 г.: «Остров Гонконг, если смотреть на него с моря, выглядит подобно всем островам у китайского побережья – обрывистым и непривлекательным. Его высокие холмы нередко завершаются острыми вершинами и густо усыпаны черными породами примитивной формации, наползающими друг на друга причудливым и порой фантастическим образом... От вершины и до кромки воды почти не встретишь деревьев, за исключением мая, июня, июля и августа, когда эти острова покрываются зеленью, и потому, можно предположить, что они совершенно бесплодны... В некоторых местах встречаются огромные и в изрядном количестве камни, но из-за их невероятной твердости китайцы избегают использовать их... для строительства» [18, р. 6].

В числе первых британцев, задержавшихся на Гонконге, был Генри Сирр, который, как и другие западные наблюдатели, обратил внимание на гористый характер этого места и бесплодие почв. Кроме того, он откровенно заявил об опасности местной среды обитания для здоровья европейцев. «Растительность здесь скудная, скалы совершенно голые, и все вокруг, кажется, производит впечатление того, что сама Смерть демонически царствует в Гонконге. Этот остров совершенно лишен ресурсов, а его климат вреден для здоровья... Гонконг – самое вредное для здоровья место, а непостоянство сезонов и температур чрезвычайно губительно и проверяет на прочность самые крепкие конституции. Непросто передать представление о сезоне дождей, попросту говоря о потоках

дождей; небесные врата разверзаются и изливают потоки воды, угрожая земле новым потопом» [24, р. 5–6].

Участник Опиумной войны, военный врач, инспектор морских госпиталей Джон Уилсон в своих сообщениях из Гонконга летом 1843 г. также говорил о вредности его климата для здоровья. Описывая геологические, климатические и экологические особенности Гонконга и соседних с ним территорий, он находил в них причины для различных форм лихорадок, как перемежающейся, так и возвратной. Он писал: «Утверждалось и, по-видимому, не без оснований, что причина лихорадки в Гонконге состоит в чем-то связанном с или вырастающем из разрушения его гранитного основания... Утверждалось также, что причиной эндемии (местных болезней. – *Д. М., И. М.*) выступает некое испарение от недавно потревоженной почвы... Место, в котором главным образом происходят эндемии, как и способ их протекания, позволяет нам заключить, что их происхождение изначально вызвано миазмами» [25, р. 150–151].

Свидетельства западных наблюдателей, посещавших Гонконг в первые годы его колонизации, равно как и более поздние наблюдения, неизменно затрагивали тему его тяжелого климата и местных болезней, изматывающих европейцев. Возникшее на острове поселение – город Виктория – становилось все более многолюдным и привлекательным для коммерсантов, ведущих торговлю в материковом Китае, но за коммерческие успехи приходилось расплачиваться здоровьем, поэтому жизнь в новой британской колонии продолжала оставаться борьбой с постоянными и при этом невидимыми опасностями. Болезни в Гонконге убивали не только простых британских солдат и моряков, но и детей представителей высшего офицерского корпуса. Когда в 1860 г. лейтенант Джордж Олгуд впервые ступил на берег острова, первым делом он отправился посетить местную достопримечательность – могилу Кидди, сынишки генерала Джона Эйри¹ и его жены. В письме матери Олгуд отметил: «Гонконг – это примечательное местечко, сходное с Гибралтаром. Он выстроен у подножья горы, круто вздымающейся

¹ Генерал Джон Эйри увлекался ботаникой и оставил значительный след в истории естественно-научных исследований растительного мира на острове Гонконг [6, р. 379].

от самого моря на высоту около 2000 футов. По своему возрасту этот городок еще совсем дитя» [3, р. 18].

Вспышка лихорадки в Вест-Пойнте

Тяжелые предчувствия наиболее пронизательных европейских наблюдателей, посещавших Гонконг еще до того, как на острове начали возводиться складские хранилища и казармы для солдат, стали сбываться с началом сезона дождей в 1843 г. Первым местом, где разразилась смертельно опасная эпидемия, стали казармы 55-го пехотного полка в Вест-Пойнте – на самой северной оконечности западной части острова. Когда доктор Уилсон сошел на берег острова с борта плавучего госпиталя «Минден», он столкнулся с многочисленными болезненными расстройствами у солдат местного гарнизона. Перед его глазами возникли все виды опасных для жизни симптомов: лихорадка, поносы и рвота, расстройства зрительного восприятия. В своем дневнике он отметил: «Возвратная лихорадка... в некоторых случаях обладает злокачественным характером. Чувственные восприятия обычно были настолько расстроены, что получали среди людей название “лихорадки головы”; но и органы пищеварения также во многих случаях были расстроены... периоды облегчения и обострения между собой четко различались» [25, р. 131].

По подсчетам К. Коула, к началу эпидемии на острове находилось чуть более 1200 британских военнослужащих и еще 550 солдат, нанятых из числа местного населения. Многие из них заболели в течение первых недель распространения лихорадки. За период с 20 мая по 15 июля в казармах 55-го полка 294 человека заболели, а 25 умерли [10, р. 334]. Доктор Уилсон сообщал о своих впечатлениях: «В Гонконге лихорадка, когда она немного утихает, протекает в нечеткой форме, с повторениями... Существует опасность рецидива; а после того как болезнь явно стихла и рецидивы больше не возобновляются, человек еще долгое время остается вялым и истощенным, с желтушным лицом, с бледными губами... Это происходит с сильными мускулистыми мужчинами, которые еще несколько часов назад были совершенно здоровы... Посмертные вскрытия, которые проводились во всех фатальных случаях, почти

ничего не дали; ничего, что показалось бы физиологически иллюстративным или патологически инструктивным» [25, р. 134].

Вспышка болезни вызвала серьезную обеспокоенность в колониальном сообществе. 5 июля газета «Hongkong Eastern Globe» сообщала об этом происшествии: «Мы понимаем, что болезнь в очень тревожной степени преобладает среди европейских солдат, дислоцированных в Вест-Пойнте... Мы считаем, что в этой части острова есть что-то неприятное для европейской конституции, и, поскольку трудно установить непосредственную причину... мы верим, что власти увидят необходимость полностью покинуть это место, и это станет средством спасения жизней многих несчастных людей, которые стоили правительству более ста фунтов каждый за их проезд в эту страну» [10, р. 335–336].

Медицинская наука этого времени не была способна точно выявить источник заболевания, и до появления бактериологического понимания причин малярии оставалось еще столетие. Поэтому и врачи, и колониальные власти были склонны объяснять причины быстро распространившейся болезни с позиций миазматической теории. Большинство заинтересованных лиц связывали источник лихорадки с особенностями местности, на которой были выстроены казармы. Военные в лице генерал-лейтенанта Хью Гофа, и его преемника генерал-майора Александра Фрейзера, лорда Сальтона, еще до прихода эпидемии были согласны во мнении, что именно северное побережье острова чревато миазмами. Но им возражал губернатор Гонконга Генри Поттинджер, сам имевший генеральский чин и долгое время отслуживший в Индии; по его мнению, дело было не в конкретном месте на острове, но сами тропики как таковые были опасны для европейского здоровья. Оспаривая позицию военных, губернатор в то же самое время пытался противостоять их попыткам перенести казармы в другое место и тем самым вторгнуться на контролируемую им территорию. Когда в казармах Вест-Пойнта начали умирать солдаты, лорд Сальтон принял решение эвакуировать оставшийся контингент. Казармы в Вест-Пойнте были разрушены, а тела умерших, за неимением возможности захоронить их в земле, утоплены в море. Губернатор Поттинджер, хотя колония и испытывала серьезные материальные трудности, принял решение разместить оставшихся солдат и членов их семей во временных жилищах. Он ясно осозна-

вал, что для расположения гарнизона необходимо более подходящее место, но не был готов разместить войска в верхней, элитной части города, в особенности на пике Виктория, в наибольшей степени отвечавшем представлениям медицинских светил о месте, свободном от болезнетворных миазмов [10, р. 337].

Ист-Пойнт: смерть в Счастливой долине

Катастрофа в Вест-Пойнте не стала единственной трагедией лета 1843 г. в Гонконге. В июле эпидемия распространилась к востоку от Виктории, в долине Вонг Най Чун, которую британцы, впервые появившись в этих местах, решили назвать Счастливой долиной. В этой заболоченной местности еще недавно китайцы выращивали рис, но после появления здесь европейских колонистов, были предприняты первые попытки осушить территорию. Ее значительная часть была отдана под торговые склады, вокруг которых быстро вырос целый городок. Первым вложил деньги в эти земли торговый дом «Джарджин Мэттисон и компания». Вслед за ним сюда начали инвестировать и другие британские коммерсанты. Довольно скоро Счастливая долина, или Ист-Пойнт, стала весьма многолюдным поселением на Гонконге. Но благополучие европейцев в Ист-Пойнте было недолгим. Уже в июле здесь начали умирать первые колонисты.

Доктор Уилсон по прибытии застал здесь большое число заболевших. В своем дневнике он отмечал: «Бухта Гонконга и прилегающие берега продолжали оставаться нездоровыми. Росла заболеваемость, и не было видно улучшений. На большинстве кораблей, стоящих на якоре, было много заболевших, но на берегу больных было еще больше» [25, р. 141–142].

О несчастных жертвах Счастливой долины сообщалось также в британских газетах, издававшихся в Юго-Восточном Китае. Уильям Таррант, имевший опыт службы в гонконгской колониальной администрации, в своей газете «Friend of China» писал о смертях в Ист-Пойнте: «Действительно, намерение более ранних поселенцев, по-видимому, состояло в том, чтобы обосноваться в этом районе», но из ряда небольших домов, первоначально построенных там, «лишь некоторые из них когда-либо были заселены, а их обитатели умерли от лихорадки, заразившись внутри» [10, р. 341].

Уильям Сирр также откликнулся на трагические события в Счастливой долине: «Увы! Болезни и смерть таятся среди этого живописного пейзажа, так как испарения, исходящие от воды, вызывают лихорадку и агуэ (желтую лихорадку. – *Д.М., И.М.*), которые слишком часто заканчиваются смертельным исходом, и некоторые люди, привлеченные красотой этого пейзажа, построили себе, казалось бы, желанные жилища, но обитатели каждого из них заболели лихорадкой и умерли. Теперь все их красивые жилища заброшены и пришли в упадок; двери... попадали с петель, в то время как густые тропические водоросли проросли в том месте, где раньше были цветники... ощущение запустения и смерти... непреодолимо. Мысль возвращается к обитателям, прибывшим в этот далекий край полными здоровья и надежды. Где они сейчас? – Обитатели холодной могилы, где ничей родственник прах не смешивается с их собственным, их земные останки пожираются, прежде чем разложиться, отвратительным сухопутным крабом» [24, p. 5].

Итоги эпидемии

Лихорадка на острове бушевала по крайней мере до октября 1843 г., прекратившись только с наступлением сухого сезона. Для того чтобы проанализировать ее причины и выработать соответствующие меры противодействия в будущем, губернатор Поттинджер создал Комитет общественного здоровья и чистоты (Committee for Public Health and Cleanliness), включив в него местных хирургов и представителей администрации. После нескольких месяцев работы, 20 марта 1844 г., комитет подготовил «Указ о поддержании надлежащего порядка и чистоты в пределах колонии Гонконг», который включал в себя целый ряд положений, отражающих представления этой эпохи об общественной гигиене. В частности, в указе сообщалось о введении штрафов для лиц, уличенных в «разбрасывании падали, грязи, земли, соломы, навоза, а также всякой грязи, мусора и дурно пахнущих вещей... в сбрасывании мусора в дренажные канавы и водостоки... в накоплении грязи в непосредственной близости возле дома... в занимаемых им помещениях... в оставлении строительных лесов, вагонеток, кирпича, извести, бочек, тюков, ящиков с товарами или

любых других предметов, мешающих другим людям и подвергающих их опасности... в загромождении общественных проходов и проездов... в сбрасывании балласта, мусора или каких-либо вещей с любого судна в гавани Виктории... в оставлении затонувшего судна, принадлежащего ему, в указанной гавани... в том, что он яростно управляет повозкой или экипажем, создавая угрозу жизни других людей... в том, что он держит собаку, раздражающую лаем других пассажиров... в том, что он громко играет в рожок, бьет в гонг или барабан, использует фейерверк или стреляет из ружья... в том, что он предлагает для продажи на рынке или в другом месте спиртные напитки, мясо, рыбу, овощи или другие продукты питания в испорченном, вредном, фальсифицированном или непригодном состоянии» [14, р. 14–15].

Согласно воззрениям авторов указа, лихорадка на острове распространялась вследствие грязи, зловония и опасных испарений – миазмов, исходящих от заболоченных участков земли и скоплений мусора. Власти колонии отчетливо сознавали необходимость обеспечения элементарных санитарных мер и поэтому вслед за мартовским указом 1844 г. в декабре 1845 г. был принят еще один указ – более пространный по содержанию и с целым рядом уточнений [4]. Впрочем, никто из лиц, облеченных властью, как и никто из медиков на острове, в своих санитарных рекомендациях населению не обратил внимание на необходимость приведения в порядок всей территории острова. По всему Гонконгу велось неупорядоченное строительство, и в местах выемки грунта образовывались многочисленные ямы, в которых во время влажного сезона скапливалась дождевая вода. Эти многочисленные лужи служили настоящими рассадниками для малярийных комаров, являвшихся главными виновниками распространения опасной инфекции на острове. Впрочем, чтобы установить связь между этим фактом и распространением так называемой «гонконгской лихорадки», нужен был особый научный взгляд, который стал возможен спустя лишь полвека после указанных событий.

Что касается первых итогов эпидемии, то они были удручающими. Казначей колониальной администрации Роберт Монтго-

мери Мартин в своем отчете¹ от 24 июля 1844 г. сообщал, что каждый из 1526 военнослужащих гонконгского гарнизона за прошедший год по пять раз и более побывал в госпитале из-за лихорадки, диареи и дизентерии, причем общее число заболевших лихорадкой за год составило 4069 человек. При этом общее число умерших составило 440 человек, т.е. почти каждый третий солдат [21, р. 7]. Британский колониальный историк Э. Эйтель спустя столетия предпринял попытку оценить общее число жертв, унесенных эпидемией на острове. По его оценкам, с мая по октябрь 1843 г. там скончалось 24% от общего числа военнослужащих и 10% гражданского населения [11, р. 191].

Прибыв в Лондон на следующий год, Роберт Мартин по требованию депутата парламента лорда Стэнли также представил отчет о целесообразности сохранения новой британской колонии на Гонконге и финансовых вложений в нее. В шести основных тезисах он подчеркнул бесполезность Гонконга для Британской короны: «(1) он никогда не сможет быть колонией; (2) он не выгоден с коммерческой точки зрения; (3) он не сможет быть крепостью; (4) он не нужен как военная или военно-морская база; (5) в политическом плане он неблагонадежен; (6) в религиозном плане здесь нельзя добиться желаемых результатов» [21, р. 32].

Несмотря на столь безрадостные перспективы в плане дальнейшего развития колонии на Гонконге Великобритания не оставила остров без своего покровительства. При всей негостеприимности Гонконга для прибывающих на него колонистов и при всей суровости его климата остров был нужен Британской империи, видящей в нем свой форпост для установления контроля над материковым Китаем. Именно через Гонконг британские коммерсанты были намерены вести свои дела с Циньской империей, навязывая ее населению свои товары, и прежде всего опиум.

Имперские планы по озеленению Гонконга

Видный британский ботаник Роберт Форчун, посетив Гонконг в августе 1848 г., сразу же пришел к выводу, какие средства должна использовать британская колониальная администрация,

¹ Этот отчет был направлен новому губернатору Гонконга Дж.Ф. Дэвису, сменившему Г. Поттинджера.

чтобы снизить ущерб от смертельно опасных болезней, коренящихся на острове. Рассуждая о смертности на Гонконге, он писал: «Я всегда думал, хотя имелись и другие причины, превращавшие Гонконг в нездоровое место, что все же одной из главных причин этого является отсутствие деревьев и тени, которую они отбрасывают. Во время общения со здешним правительством, которое я имел удовольствие иметь в 1844 г., я отмечал данное обстоятельство и строго рекомендовал им сохранять лес, росший тогда по всему острову, от китайцев, у которых была привычка ежегодно его рубить, и в то же самое время высаживать повсеместно деревья, особенно вдоль дорог и на холмах... Хорошо известно, что здоровая растительность – кустарники и деревья – поглощает из атмосферы углекислый газ и делает его пригодным для дыхания; помимо этого возле деревьев распространяется приятная прохлада, особенно в жарком климате, что весьма приятно» [13, р. 6].

Для колоний Британской империи, расположенных в тропиках, Гонконг был нетипичным явлением. Здесь отсутствовало буйство флоры, характерное для Индии, Африки и других территорий, подчиненных Британской короне. Однако для британских ученых и колониальных администраторов это не было неразрешимой проблемой. Привычка манипулировать природой, сложившаяся у них на протяжении многих десятилетий, подсказывала, что всегда можно действовать одним из двух способов – либо убавлять лишнюю растительность, либо прибавлять ее. На небольшом острове в Южно-Китайском море явно требовалось добавить растительный компонент, исчезнувший из местного ландшафта.

Начиная уже с XVIII в., распространяя свою власть по всему миру, британцы активно занимались акклиматизацией видов и привозили растения из разных стран в специально создаваемые ботанические сады. Эта практика получила еще большее распространение в XIX в., когда им стало отчетливо понятно, что без решения проблемы акклиматизации невозможно закрепиться в тропических регионах и воспользоваться их богатыми ресурсами¹. Растения умеренного климата завозились в тропики, чтобы воссоздать привычную для колонизаторов среду обитания, а тропиче-

¹ О политике «зеленого империализма», ставшей частью европейской колониальной экспансии в тропиках начиная с 1600 г., и роли британцев в рамках этой политики: [15].

ские растения, в свою очередь, вывозились в Европу, где подвергались акклиматизации в условиях севера. Для решения проблемы озеленения Гонконга необходимо было прежде всего понять, откуда сюда будут завозиться растения.

В 1871 г. в Гонконг прибыл специальный представитель Лондонского королевского общества ботаник Чарльз Форд, которому было поручено заняться озеленением острова с целью оздоровления колонии и придания ей более эстетичного вида. План Форда состоял в том, чтобы использовать как местную, южнокитайскую флору, так и растения из других мест. Начатая им работа позволила предать каменистому ландшафту острова более живописный вид. Благодаря поддержке правительства в Гонконг стали завозиться деревья и кустарники со Святой Елены, Маврикия, Цейлона, из Малакки. Особенно интенсивная работа развернулась в 1880-е годы. За этот период на Гонконге ежегодно высаживалось около миллиона деревьев, и к 1900 г. на острове возник целый сосновый лес, занимающий площадь 22 кв. км, или 28% от территории всего острова [9; 22].

Похоже, не все планы Форда были реализованы. Так, например, ему не удалось убедить правительство в необходимости финансирования научных исследований в области ботаники на Гонконге, равно как и в развитии коммерческого лесоводства. Кроме того, целые зеленые островки леса, созданные под его началом, были истреблены древесными паразитами или вырублены на дрова. Наконец, если сравнивать масштабы озеленения Гонконга при Форде с теми, что были достигнуты в колониальном Гонконге в XX в., то, бесспорно, при Форде они были значительно ниже. Тем не менее именно благодаря программе озеленения, начатой Фордом, общая экологическая ситуация в колонии впервые изменилась к лучшему. В ходе процессов озеленения и облесения на Гонконге были приведены в порядок неухоженные земли, засыпаны ямы, обустроены грунтовые дороги. Появление по крайней мере четырех видов эвкалиптов существенно улучшило экологическую ситуацию на острове, объективно снизив риск распространения малярии.

Список литературы

1. Михель Д.В., Михель И.В. Эпидемии и история : разнообразие подходов к предмету // Новая и Новейшая история. – 2021. – Т. 65, № 6. – С. 5–21.
2. Михель Д.В., Михель И.В. «Опасная культура» и опасные инфекции : китайские эпидемии в западном медицинском восприятии // Человек. – 2020. – Т. 31, № 6. – С. 129–146.
3. Allgood G. China War, 1860; Letters and Journal. – London ; New York : Longmans, Green & Co, 1901. – 190 p.
4. An Ordinance to repeal Ordinance No. 5 of 1844, entitled «An Ordinance for the Preservation of Good Order and Cleanliness within the Colony of Hongkong and its Dependencies», and to make other Provisions in Lieu thereof, 26th December 1845 // Historical Laws of Hong Kong Online. – Hong Kong : Government Printer, 1984. – P. 153–171.
5. Brearey O.J. Hong Kong Identity and History – a Review Article // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. – 2009. – Vol. 49. – P. 295–319.
6. Bretschneider E.V. History of European Botanical Discoveries in China. – Hamburg : Severus Verlag, 2011. – 644 p.
7. Chan-Yeung M.M.W. A Medical History of Hong Kong : 1842–1941. – Hong Kong : The Chinese University of Hong Kong Press, 2018. – 350 p.
8. Chan-Yeung M.M.W. A Medical History of Hong Kong : 1942–2015. – Hong Kong : The Chinese University of Hong Kong Press, 2018. – 396 p.
9. Corlett R.T. Environmental forestry in Hong Kong : 1871–1997 // Forest Ecology and Management. – 1999. – Vol. 116. – P. 93–105.
10. Cowell C. The Hong Kong Fever of 1843 : Collective Trauma and the Reconfiguring of Colonial Space // Modern Asian Studies. – 2013. – Vol. 47, N 2. – P. 329–364.
11. Eitel E.J. Europe in China : The History of Hongkong from the Beginning to the Year 1882. – London : Luzac & Company, 1895. – 588 p.
12. Flowerdew J. The Final Years of British Hong Kong : The Discourse of Colonial Withdrawal. – London : Palgrave Macmillan, 1998. – 279 p.
13. Fortune R. A Journey to the Tea Countries of China : Including Sung-Lo and the Bohea Hills; With a Short Notice of the East India Company's Tea Plantations in the Himalaya Mountains. – London : John Murray, 1852. – 460 p.
14. Good Order and Cleanliness Ordinance, 20th March 1844 // Historical Laws of Hong Kong Online. – Hong Kong : Government Printer, 1984. – P. 14–16.
15. Grove R.H. Green Imperialism : Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of Environmentalism, 1600–1860. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 540 p.
16. Hayes J. The Great Difference: Hong Kong's New Territories and Its People 1898–2004. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2006. – 289 p.
17. Jim C.Y. Old Stone Walls as an Ecological Habitat for Urban Trees in Hong Kong // Landscape and Urban Planning. – 1998. – Vol. 42, N 1. – P. 29–43.

***Лихорадка 1843 года и начало санитарных реформ
в колониальном Гонконге XIX века***

18. Johnston A.R. Note on the Island of Hongkong // The Hongkong Almanack and Directory for 1846, with an Appendix / Tarrant W. (ed.). – Hongkong : Printed at the Office of the China Mail, 1846. – P. 6–9.
19. Leung G.M., Bacon-Shone J. Hong Kong's Health System: Reflections, Perspectives and Visions. – Hong Kong : Hong Kong University Press, 2006. – 568 p.
20. Marian M. Fever Dreams: Infectious Disease, Epidemic Events, and the Making of Hong Kong. A Thesis Submitted in Conformity with the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – Toronto : University of Toronto, 2016. – 271 p.
21. Martin R.M. Reports, Minutes and Despatches, on the British Position and Prospects in China. – London : Harrison, 1846. – 132 p.
22. Peckham R. Hygienic Nature: Afforestation and the Greening of Colonial Hong Kong // Modern Asian Studies. – 2015. – Vol. 49, N 4. – P. 1177–1209.
23. Sinn E. The Study of Local History in Hong Kong : A Review // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society. – 1994. – Vol. 34. – P. 147–169.
24. Sirr H.C. China and the Chinese : Their Religion, Character, Customs, and Manufacturers : The Evils Arising from the Opium Trade: with a Glance at Our Religious, Moral, Political and Commercial Intercourse with the Country. – London : W.S. Orr & Co., 1849. – 447 p.
25. Wilson J. Medical Notes on China. – London : John Churchill, 1846. – 267 p.
26. Yik-yi Chu C. Back to the Masses : The Historiography of Hong Kong's Recent Political Developments and the Prospects of Future Scholarship // American Journal of Chinese Studies. – 2003. – Vol. 10, N 1. – P. 29–42.

Е.А. РОМАНОВА*. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ РГГУ.

Аннотация. Статья посвящена российско-китайским отношениям в области высшего гуманитарного образования в XXI в. Внимание автора нацелено на анализ деятельности Института Конфуция РГГУ как инструмента «мягкой силы» по распространению культурного влияния Китая. Избранная проблематика является актуальной и позволяет обратиться к рассмотрению функций и стратегий развития Института Конфуция РГГУ. Автор использует структурно-функциональный метод исследования процесса организации и роли Института Конфуция. Научная новизна заключается в комплексном анализе того, как выстраивались отношения между Россией и Китаем в области образования с акцентом на деятельность Института Конфуция как связующего звена, с помощью которого происходит активное формирование взаимопольных партнерских связей.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; гуманитарное сотрудничество; культурный обмен; Институт Конфуция; РГГУ; «мягкая сила»; высшее образование; научно-исследовательская деятельность; стратегическое партнерство.

E.A. ROMANOVA. Features of the Development of Russian-Chinese Relations in the Field of Higher Humanitarian Education in the XXI Century on the Example of the Confucius Institute of RSUH.

* © Романова Е.А., 2021.

Романова Екатерина Александровна – магистрант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ ; сотрудник Института лингвистики (кафедра восточных языков) РГГУ.

Abstract. The article is devoted to the study of Russian-Chinese relations in the sphere of high humanitarian education in the XXI century. The author's attention is focused on the analysis of the Confucius Institute of the Russian State University for the Humanities as an instrument of «soft power» for the dissemination of the cultural influence of China. The selected issue is relevant and allows us to turn to the consideration of the functions and development strategies of the Confucius Institute of the Russian State University for the Humanities. To achieve this goal, the author uses the structural-functional method to study the process of organization and the role of the Confucius Institute. The scientific novelty of the study lies in an attempt to conduct a comprehensive analysis of how the relations between Russia and China in the field of education were built, with an emphasis on the activities of the Confucius Institute as a connecting link through which the active formation of mutual partnerships takes place. Also, the work involved a wide range of sources in two foreign languages: English and Chinese.

Keywords: Russian-Chinese relations; humanitarian cooperation; cultural exchange; Confucius Institute; Russian State University for the Humanities; «soft power»; higher education; research activities; strategic partnership.

Для цитирования: Романова Е.А. Особенности развития российско-китайских отношений в области высшего гуманитарного образования в XXI веке на примере Института Конфуция РГГУ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 106–114.
DOI: 10.31249/RVA/2022.01.06

Институт Конфуция в РГГУ – часть всемирной сети научно-образовательных учреждений КНР за рубежом, получивших по аналогии с испанскими институтами Сервантеса и немецкими институтами Гёте имя выдающегося представителя культуры. Первый институт Конфуция (ИК) был открыт 21 ноября 2004 г. в Сеуле (Республика Корея), а в 2010 г. в мире действовало уже 322 института, а также 369 классов Конфуция в 96 странах мира, причем общее число зарегистрированных слушателей составило 360 тыс. человек. По состоянию на декабрь 2019 г. было создано 550 институтов Конфуция и 1172 классные комнаты Конфуция в начальных и средних школах в 162 странах (регионах) [19]. В Рос-

сии функционируют больше 20 ИК, из которых три находятся в Москве. В компетентных органах обсуждается вопрос о предоставлении ИК статуса «иностранный агент», однако образовательные учреждения РФ подчеркивают, что они входят в структуру соответствующих национальных учреждений.

ИК стали платформой для изучения китайского языка и китайской культуры во всем мире и в полной мере используют свои ресурсы для проведения учебных и культурных мероприятий, формируют модели изучения китайского языка и культуры и представления о современном Китае. Деятельность ИК координируется правительственными органами КНР. Вначале это была Канцелярия *Ханьбань* – государственное учреждение при Министерстве образования КНР, основанное в 1987 г., 18 июня 2020 г. преобразованное в Центр международного языкового сотрудничества [10]. В задачи ведомства входили следующие направления: предоставление услуг по развитию международного китайского образования и продвижение языкового обмена и сотрудничества, координация международной системы ресурсов китайского образования, разработка и международное внедрение китайских образовательных стандартов, академические исследования, организация проведения международного экзамена по китайскому языку, запуск программ Chinese Bridge New Sinology, предоставление стипендий и другие проекты международных брендов, связанных с китайским образованием. Кроме официально обозначенных Центр международного языкового сотрудничества выступает в качестве инструмента «мягкой силы», благодаря которому ведется активная пропаганда курса КПК.

ИК в Российском государственном гуманитарном университете стал первым учреждением такого рода в России. 26 декабря 2006 г. посол КНР в Российской Федерации Лю Гучан от имени Канцелярии по распространению китайского языка (*汉办 Ханьбань*) подписал соглашение о сотрудничестве с РГГУ [2]. Институт Конфуция РГГУ (ИК РГГУ) был создан в 2007 г. на базе Института лингвистики РГГУ при поддержке китайского Университета международной экономики и бизнеса (University of International Business and Economics, сокр. UIBE, г. Пекин), а также под руководством Канцелярии по распространению китайского языка при Правительстве КНР [11].

В 2013 г. Институт Конфуция РГГУ на VIII Всемирной конференции институтов Конфуция был признан лучшим в мире Институтом Конфуция по итогам года (см. приложение 5), что в определенной степени иллюстрирует достижения в продвижении китайского языка в России. Создание Института Конфуция в значительной степени способствовало обменам между двумя университетскими школами. Оба университета используют Институт Конфуция при РГГУ как площадку для укрепления контактов и разработки проектов дальнейшего сотрудничества. Лю Я, проректор Университета внешней экономики и торговли, сказал, что Институт Конфуция, созданный при Российском гуманитарном университете, стал моделью для основания институтов Конфуция в других странах [12].

Институт Конфуция РГГУ всегда с уважением относился к истории развития российско-китайских отношений. Регулярно проводятся международные мероприятия для студентов, которые заинтересованы в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве.

Курсы осуществляются на базе Университета международного бизнеса и экономики. Институт Конфуция предлагает профессиональные курсы, такие как деловой китайский язык, написание деловых писем, русско-китайский перевод и другие профессиональные навыки. Опытные преподаватели Университета внешней экономики и торговли обучают студентов на двух языках. Учебный процесс включает теорию и практику. Во время занятий преподаватель знакомит студентов с китайской деловой культурой, деловым этикетом и терминологией. Студенты, которые выбирают деловой китайский язык, направляются крупными российскими компаниями и организациями. Деловой китайский язык стал ключевым курсом Института Конфуция РГГУ благодаря сотрудничеству с китайским университетом.

ИК РГГУ структурно является частью Российского государственного гуманитарного университета. Преподаватели РГГУ проводят часть занятий у студентов-китаистов Института лингвистики РГГУ, а преподавание китайского языка у студентов РГГУ по специальностям «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение», изучающих китайский язык как основной иностранный, уже несколько лет осуществляется силами ИК РГГУ.

С момента своего основания ИК РГГУ активно способствовал распространению китайской культуры в России, проводя курсы китайской грамотности, выставки, лекции и другие мероприятия по продвижению китайского языка [12]. Организация регулярно проводит международные мероприятия для студентов, которые заинтересованы в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве.

Постоянное совершенствование механизма российско-китайского сотрудничества и обмена в сфере образования сыграло ключевую роль в повышении качества работы Института Конфуция РГГУ. За 20 лет, прошедших с момента создания системы гуманитарного партнерства между Россией и Китаем, была проделана большая работа, благодаря которой развивается сотрудничество и в других областях, возникли новые каналы взаимодействия университетов РФ и КНР и сотрудничества в области науки, технологий и гуманитарных наук.

Между двумя государствами ведется давнее и плодотворное сотрудничество в области образования. Количество обучающихся российских и китайских студентов в России и Китае растет с каждым годом (см. приложение 1 и приложение 2). В настоящее время существует ряд совместных проектов и программ по различным направлениям, ежегодно проводятся конференции, совещания, консультации. На 21-м заседании Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству вице-премьер Правительства РФ Татьяна Голикова объявила, что к 2020 г. России и Китаю удалось достичь суммарного показателя двусторонних образовательных обменов обучающимися в 100 тыс. человек [1].

Оценивая перспективы развития российско-китайских отношений в сфере гуманитарного сотрудничества, стоит сказать следующее: обе стороны выражают готовность работать друг с другом над расширением каналов связи, совершенствованием механизмов взаимодействия, созданием практических проектов сотрудничества и продвижением гуманитарных обменов между двумя странами на новый уровень. На сегодняшний день гуманитарное сотрудничество между РФ и КНР находится на определенном, но далеко не достаточном уровне. Разумеется, эту ситуацию не стоит считать безвыходной. Есть уверенность, что России и Китаю еще предстоит укрепить связи перед лицом очередного витка между-

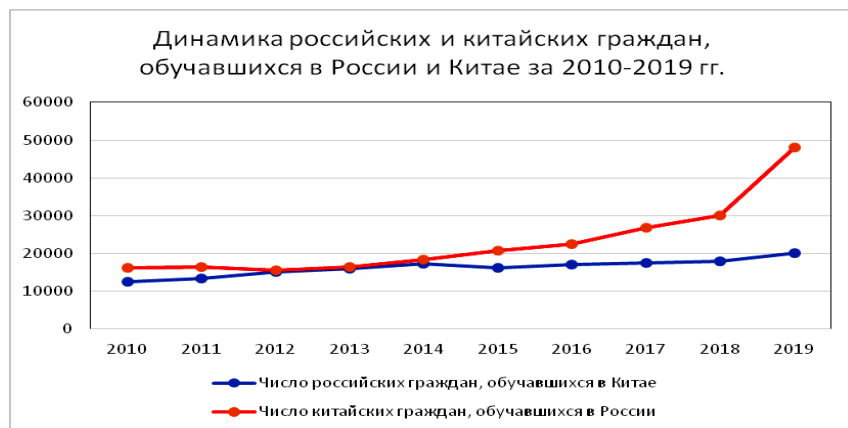
народной напряженности, стать более мощными геополитическими партнерами.

Приложение. 1. Динамика роста числа российских и китайских граждан, обучавшихся в России и Китае за 2010–2019 гг.

Год	Число российских граждан, обучавшихся в Китае	Число китайских граждан, обучавшихся в России
2010	12 480	16 200
2011	13 340	16 500
2012	15 100	15 600
2013	16 000	16 400
2014	17 200	18 300
2015	16 200	20 700
2016	17 000	22 500
2017	17 400	26 775
2018	18 000	30 000
2019	20 000	48 000

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Приложение. 2. Динамика роста числа российских и китайских граждан, обучавшихся в России и Китае за 2010–2019 гг.

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/>

Список литературы

1. Динамика российских и китайских граждан, обучавшихся в России и Китае за 2010–2019 гг. // National Bureau of Statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn> – Кит. яз.
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, 16 июля 2001 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2001. – 18.07. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870
3. Институт Конфуция РГГУ (俄罗斯国立人文大学孔子学院) // Cristinfo.com. – URL: <http://www.cristinfo.com/Detail.aspx?id=14163>
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.), Декабрь, 2016 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2016. – 1.12. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.), Февраль, 2013 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2013. – 8.02. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 15 июля 2008 г.), Июль, 2008 // Kremlin.ru. – 2008. – 15.07. – URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>
7. Лю Яньдун осматривает Институт Конфуция, созданный при Российском государственном гуманитарном университете (刘延东考察设立在俄罗斯国立人文大学的孔子学院, March, 2010 // Gov.cn. – URL: http://www.gov.cn/ldhd/2010-03/25/content_1564318.htm. – Кит. яз.
8. Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере от 6 декабря 2012 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828>
9. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, Декабрь, 2010 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2010. – 18.12. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/224550
10. Официальный сайт Центра международного языкового сотрудничества (中外语言交流合作中心). – URL: <http://www.chinese.cn/page/#/pcpage/mainpage>

11. Положение о российско-китайском учебно-научном центре Институт Конфуция РГГУ, 2013 // Confucius-institute.ru. – URL: <http://www.confucius-institute.ru/institute/document/>
12. Российский государственный гуманитарный университет и Университет внешней экономики и торговли намерены совместно осуществлять магистерские программы (俄罗斯人文大学和中国对外经贸大学拟共同开设硕士课程) // Жэньминь жибао онлайн. – 2012. – 6.09. – URL: <http://edu.people.com.cn/n/2012/0906/c1053-18941718.html> – Кит. яз.
13. Смирнова Л.Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая // РСМД. – 2016. – № 3. – URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3.ru.pdf
14. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902029769>
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном и научном сотрудничестве от 19 августа 1992 г. № 598. // Pravo.gov.ru. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102018003&page=1&rdk=0&link_id=2#10
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях от 23 июня 1995 г. № 679 // Pravo.gov.ru. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102036103
17. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2012. – 7.05. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6VZ29/content/id/157626
18. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов. – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/>
19. 550 институтов Конфуция в 162 странах и регионах мира (550所孔子学院遍及全球162个国家和地区) // Chinanews.com. – 2019. – 9.12. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1652438613523542351&wfr=spider&from=> – Кит. яз.
20. Full text of Xi Jinping's report at 19 th CPC National Congress, October 18, 2017 // China.org.cn. – 2017. – 18.10. – URL: <http://www.china.org.cn/20171105-002.pdf>
21. Report of Hu Jintao to the 18 th CPC National Congress, November 16, 2012 // China.org.cn. – 2012. – 16.12. – URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27137540.htm

Е.А. РОМАНОВА*. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В РАМКАХ ШОС НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА : НОВЫЕ ПОДХОДЫ В XXI в.

Аннотация. Статья посвящена изучению российско-китайских отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на примере энергетического сотрудничества. Внимание автора нацелено на анализ двусторонних отношений между Россией и Китаем как инструмента по сохранению энергетической безопасности в Центральной Азии. Избранная проблематика является актуальной и позволяет обратиться к рассмотрению перспектив дальнейшего сотрудничества, что является важным для обеспечения энергобезопасности в регионе и мире в целом. Чтобы достигнуть этой цели, автор использует ретроспективный метод для исследования процесса развития сотрудничества и становления отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; энергетическое сотрудничество; энергобезопасность; Шанхайская организация сотрудничества; стратегическое партнерство; Россия; Китай; Центральная Азия; нефть; газ.

E.A. ROMANOVA. Russian-Chinese Strategic Partnership within the SCO on the Example of Energy Cooperation: New Approaches in the XXI в Century.

* © Романова Е.А., 2021.

Романова Екатерина Александровна – магистрант факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ; сотрудник Института лингвистики (кафедра восточных языков) РГГУ.

Abstract. The article is devoted to the study of Russian-Chinese relations within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) on the example of energy cooperation. The author's attention is focused on the analysis of bilateral relations between Russia and China as a tool for maintaining energy security in Central Asia. The selected issue is relevant and allows us to turn to the consideration of the prospects for further cooperation, which is important for ensuring energy security in the region and the world as a whole. To achieve this goal, the author uses a retrospective method to study the development of cooperation and the formation of strategic partnership relations between Russia and China.

Keywords: Russian-Chinese relations; energy cooperation; energy security; Shanghai Cooperation Organization; strategic partnership; Russia; China; Central Asia; oil; gas.

Для цитирования: Романова Е.А. Российско-китайское стратегическое партнерство в рамках ШОС на примере энергетического сотрудничества : новые подходы в XXI в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 115–121. DOI: 10.31249/RVA/2022.01.07

5 июня 2019 г. Россия и Китай объявили, что отношения между двумя странами вышли на новый уровень и вступили в новую эру всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества [4] в рамках энергетического сотрудничества и безопасности в том числе. ШОС как инструмент реализации двусторонних проектов с каждым годом наращивает потенциал и становится организацией с ведущей ролью в регионе.

В последние годы мировые модели добычи и потребления нефти и газа претерпевают трансформацию. Низкоуглеродистое производство и потребление в энергетической отрасли ускорилось, а ценовые механизмы международного рынка нефти и газа, торговые модели, политические тенденции и инвестиционные стратегии различных компаний претерпевают серьезные изменения, что оказывает влияние на будущее энергетическое сотрудничество государств – членов ШОС [6].

Прослеживается несколько новых тенденций, которые особенно заслуживают внимания. Во-первых, на мировом рынке началась перестройка, а рынок нефти и газа, в свою очередь, мед-

ленно восстанавливается, что создает трудности в добыче, производстве и распределении. Во-вторых, мировые модели добычи и потребления энергоресурсов претерпевают глубокую корректировку, что еще больше изменит геополитическую модель игры между крупными державами. Россия и Китай, выступающие в качестве заинтересованных сторон, внимательно следят за обстановкой и ждут своей возможности в реализации намеченных планов. В-третьих, нефтедобывающие страны ускоряют реформу энергетической отрасли, что предоставит государствам всего мира историческую возможность углубить сотрудничество в области энергетики. В борьбе с международными кризисами Россия и Китай заинтересованы в участии в многосторонних организациях и создают платформу международного сотрудничества [5], которая принимает ответ на глобальные проблемы. Такой организацией и является ШОС.

В будущем энергетическое сотрудничество между странами ШОС будет в основном выражаться в трех аспектах:

– углубление сотрудничества между сторонами спроса и предложения на нефть и газ и стремление обеспечить безопасность энергоснабжения;

– расширение партнерства в области торговли нефтью и газом и закупок ресурсов, а также совместное стремление к ценовой безопасности;

– развитие в таких областях, как экологически чистые энергетические технологии и оборудование, для достижения взаимной выгоды и беспроигрышных результатов для обеих сторон.

Российско-китайское стратегическое партнерство и сотрудничество, установленное в 1996 г., основано на «пяти принципах мирного сосуществования», новом типе межгосударственных отношений, которые являются внеблоковыми, неконфронтационными и не направленными против какой-либо третьей страны. Благодаря динамике развития был достигнут новый прогресс в обменах и сотрудничестве в различных областях [2].

Экономика Китая быстро развивалась, особенно в XXI в. [1], и ее экономическое развитие неизбежно повлекло за собой влияние нефти и газа на благополучие населения. При огромном спросе внутренний рынок нефти и газа Китая не может удовлетворить постоянно растущий спрос, поэтому необходимо в полной мере использовать международный рынок. Россия обладает богатыми

нефтегазовыми ресурсами, нуждается в широком рынке сбыта нефти и газа и географически соседствует с Китаем. Движущая сила спроса и предложения на нефть и газ привела к эффективному нефтегазовому сотрудничеству между двумя государствами. Россия и Китай сотрудничают в области энергетики более двух десятилетий. За этот период партнерство продолжало развиваться и достигло многих результатов. По состоянию на конец 2015 г. Россия была второй страной – экспортером энергоресурсов. В декабре 2015 г. Россия предоставила Китаю больше топлива, чем другим странам.

Российско-китайское сотрудничество – актуальная потребность обеих сторон. Россия – один из крупнейших производителей энергии в мире, а энергетика – ключевая отрасль. России необходимо найти надежный и стабильный рынок для богатых энергоресурсов страны [7]. Китай является крупнейшим в мире рынком потребления энергии с сильной финансовой устойчивостью и ему необходимо полагаться на надежных и стабильных поставщиков энергии. Географические преимущества, развитые политические отношения между Россией и Китаем также обеспечивают обеим сторонам хорошие условия и гарантии для осуществления широкомасштабного сотрудничества.

Изменения в конъюнктуре международного энергетического рынка и модели глобального энергетического сотрудничества углубили российско-китайское энергетическое сотрудничество. Более широкое использование новых источников энергии, диверсифицированные каналы импорта и экспорта, ускоренный прогресс в новых технологиях разведки нефти и природного газа и повышение энергетической самообеспеченности открывают многочисленные возможности для крупномасштабного партнерства России и Китая в области энергетики.

Энергетика является одним из важных факторов, влияющих на международные отношения, и играет стратегическую роль в реализации национальной политики каждой страны, поэтому интерес стран мира к вопросам энергетической безопасности также возрастает [8]. В 2013 г. был создан Энергетический клуб ШОС, в который входят как экспортеры, так и импортеры сырья с целью координации действий и решения общих проблем по развитию добычи и транспортировки энергоресурсов. Данная инициатива

представляется актуальной в свете последних событий, связанных с падением цен на нефть. Россия и Китай серьезно заинтересованы в центральноазиатских энергетических ресурсах.

Российско-китайские отношения вступили в новую эпоху. Министерство торговли Китая и Министерство экономического развития России подписали российско-китайский меморандум о стимулировании торговли [3], в котором четко изложена цель увеличения двусторонней торговли до 200 млрд долл. США к 2024 г., содействие реализации крупных стратегических проектов между двумя странами, а также необходимость заложить прочную политическую основу для практического и всестороннего сотрудничества в энергетическом секторе между Россией и Китаем [11].

Однако в нефтегазовом сотрудничестве между двумя сторонами по-прежнему существует много проблем. Во-первых, у России и Китая разные подходы к развитию ШОС. Каждая из двух стран стремится задействовать собственные сильные стороны: Китай хочет, чтобы основной сферой деятельности ШОС были экономика и развитие, а Россия делает акцент на вопросах безопасности. Во-вторых, ШОС сегодня сталкивается со множеством вызовов как регионального, так и глобального уровня, решение которых должно занимать первое место. Эти вызовы могут как негативно повлиять на ШОС и превратить ее в неэффективную структуру, где и не может идти речи об обеспечении энергобезопасности в регионе, так и дать дополнительный стимул к ее дальнейшему развитию. В-третьих, стоит сказать, что Россия видит в лице Китая конкурента и не всегда может противостоять вызовам, что во многом осложняет заявленное стратегическое партнерство и сотрудничество и ставит под угрозу безопасность в энергетической сфере.

Трудно говорить о том, удастся ли сторонам преодолеть все проблемы, однако ясно одно: взаимоотношения России и Китая не должны стать причиной ослабления роли Шанхайской организации сотрудничества, так как она выступает редким примером организации с двумя сильными лидерами. ШОС, в целом, является необходимым инструментом взаимодействия России с Китаем. Кроме того, в настоящее время альтернативы такой организации не существует. Наблюдая за нынешним развитием российско-китайского сотрудничества, можно утверждать, что обе стороны

как никогда заинтересованы в сохранении и укреплении значимости ШОС. Однако одной лишь заинтересованности недостаточно: необходимо не только разрабатывать программы по развитию и безопасности, но и стремиться активно воплощать их на практике.

Как традиционная сфера влияния России в советское время, Центральная Азия по-прежнему сильно зависит от РФ. Россия является основным торговым партнером многих стран Центральной Азии. Для расширения своего регионального влияния и защиты собственных интересов безопасности Россия присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества также и с целью расширения экономических связей с Китаем и обеспечения энергобезопасности в регионе. Другие государства-члены оптимистично и позитивно оценивают подход к российско-китайским связям.

Российско-китайское сотрудничество в ШОС способствует сокращению дефицита нефти в Китае и реализации стратегии диверсификации импорта нефти Китаем. Пекин импортирует нефть в основном из стран Ближнего Востока, Африки и Юго-Восточной Азии. Эти области являются регионами, в которых текущая международная политическая и экономическая ситуация нестабильна, поэтому сотрудничество с Россией и поддержание партнерских отношений необходимо для Китая.

Для России стабильный экспорт энергоснабжения имеет большое значение для экономики страны в целом. Москва все больше осознает насущную необходимость поиска огромного стабильного рынка за пределами Европы. Поэтому создание сильного рынка и укрепление сотрудничества с Китаем в области энергетики являются важными проявлениями диверсификации экспортного направления России. С региональной экономической точки зрения российско-китайское энергетическое сотрудничество способствует стратегическому согласованию развития Центральной Азии.

Список литературы

1. Евтушенко В.С. Отношения между Россией и Китаем в структуре Шанхайской организации сотрудничества: стратегические цели стран // Молодой ученый. – 2017. – № 24. – С. 256–259. – URL : <https://moluch.ru/archive/158/44763/>
2. Лукин А.В. Россия и Китай : четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. – М. : Весь Мир, 2013. – 704 с.

3. Меморандум о торговле РФ и КНР поможет довести двусторонний товарооборот до 200 млрд долларов к 2024 году // Партнеры. – 2019. – 10.06. – URL : <https://russian.dbw.cn/system/2019/06/10/001332442.shtml>
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Kremlin.ru. – 2019. – 5.06. – URL : <http://www.kremlin.ru/supplement/5413>
5. China 2050 high renewable Energy penetration scenario and roadmap study. Energy Research Institute // National Development and Reform Commission. – URL : <http://www.efchina.org/Attachments/Report/report-20150420/China-2050-High-Renewable-Energy-Penetration-Scenario-andRoadmap-Study-Executive-Summary.pdf>
6. China Trends #3 – China-Russia Energy Cooperation : Hot or Cold? // Institut Montaigne. – 2019. – 10.10. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/china-trends-3-china-russia-energy-cooperation-hot-or-cold>
7. Development of energy cooperation between Russia and China // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 10, N 1. – P. 134–139. – URL: <https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/8509>
8. 上合成员国能源合作:中俄签核能大单 油气合作潜力大 (Энергетическое сотрудничество между странами – членами ШОС: Китай и Россия подписывают крупные заказы в области ядерной энергетики с большим потенциалом для сотрудничества в нефтегазовой сфере) // Sina Finance. Деловой вестник 21 века. – 2018. – 12.06. – URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2018-06-12/doc-ihcufqjh3791200.shtml> – Кит. яз.
9. 中俄架起能源合作 «新管道» (Китай и Россия создали новый трубопровод для сотрудничества в области энергетики) // Синьхуанет. – 2019. – 25.12. – URL: http://www.xinhuanet.com/2019-12/25/c_1125385584.htm. – Кит. яз.
10. 习近平同俄罗斯总统普京通电话 (Си Цзиньпин провел телефонный разговор с Владимиром Путиным) // Синьхуанет. – 2020. – 16.04. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-04/16/c_1125867026.htm – Кит. яз.
11. 深入贯彻落实习近平总书记重要指示 不断巩固提升中俄能源合作水平 (Углубленное выполнение важных поручений Генерального секретаря Си Цзиньпина по постоянному укреплению и повышению уровня китайско-российского сотрудничества в области энергетики) // National Energy Administration. – 2021. – 19.05. – URL: http://www.nea.gov.cn/2021-05/19/c_139956533.htm – Кит. яз.
12. 韩正与俄罗斯副总理诺瓦克共同主持中俄能源合作委员会第十七次会议 (Александр Новак председательствует на 17-м заседании Российско-китайской межправительственной комиссии по энергетическому сотрудничеству) // Синьхуанет. – 2020. – 25.11. – URL: http://www.xinhuanet.com/photo/2020-11/25/c_1126786422.htm – Кит. яз.

П.М. МОЗИАС*. УРБАНИЗАЦИЯ В КИТАЕ : ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. (Обзор).

Аннотация. Во времена плановой экономики рост городов в Китае искусственно сдерживался государством, это было одним из элементов механизма контролируемого перераспределения ресурсов из сельского хозяйства в пользу промышленности. В период реформ урбанизация резко ускорилась. К настоящему времени в городах и поселках проживают уже почти две трети населения страны. Урбанизация была простимулирована не только экспансией промышленности, но и формированием в экономике рыночных институтов. Однако и сейчас урбанизацию в Китае нельзя считать просто естественным результатом экономического развития. Ее ход определяется сложным взаимодействием общегосударственных приоритетов и интересов элитных групп, связанных с местными правительствами. Урбанизация способствовала общему повышению доходов в Китае, но она привела и к резкому углублению социального неравенства. В обзоре освещаются подходы современных китайских специалистов и западных сиологов к этой проблематике.

Ключевые слова: Китай; урбанизация; дуальная экономика; неравенство; «подворная регистрация»; миграция.

P.M. MOZIAS. Urbanization in China : Past and Present. (Review).

Abstract. In China, the course of urban growth was being deliberately slackened by the authorities during the time of planned economy. That practice was an element of the controlled redistribution of resources from agriculture to heavy industries. Urbanization accelerated

* Мозиаз Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ и кафедры теории регионоведения МГЛУ.

greatly after market reforms began. By now, almost two thirds of the whole population have been living in cities and towns. This profound shift has been supported not only by the industrial expansion, but also by unfolding of the market institutions in China's economy. However, even at present China's urbanization cannot be treated as just a natural consequence of economic development. Its dynamics is determined by a complicated interaction of priorities set up by the Central government, on the one hand, and interests of local elites associated with administrations at the levels of a province and below, on the other. Urbanization has contributed to a general rise of household incomes in China. But, at the same time, it has generated a good deal of a newly emerged social inequality. The review covers how this research agenda is studied by the Chinese and Western experts nowadays.

Keywords: China; urbanization; dual economy; inequality; «household registration»; migration.

Для цитирования: Мозиас П.М. Урбанизация в Китае : прошлое и настоящее. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 121–155. DOI: 10.31249/RVA/2022.01.08

По историческим меркам еще совсем недавно Китай считался преимущественно крестьянской страной. В 1980 г., когда рыночные реформы только начинались, деревенскими жителями были 80,6% граждан КНР, а в 2000 г. доля крестьян в совокупном населении достигала 63,8%. Однако в 2011 г. официальная статистика впервые зафиксировала, что удельный вес жителей городов и поселков в общей численности населения Китая (51,3%) превысил долю селян (48,7%). В 2020 г. он составлял уже более 60%. По существу, на наших глазах происходит тектонический сдвиг: меняется существовавший тысячелетиями тип расселения китайского этноса.

Впрочем, нельзя сказать, что урбанизация в Китае – это исключительно современный феномен. В средневековой истории страны было немало периодов, когда городской сектор развивался очень быстро. Население некоторых городов достигало сотен тысяч и даже миллионов человек. Это происходило на тех стадиях присущего традиционным обществам династийного (мальтузианского) цикла, когда дисбаланс между возростающим крестьянским

населением и ограниченными земельными ресурсами сочетался с бурным развитием ремесла и торговли и выходом низовых административных единиц из-под контроля императорской власти.

И напротив, города приходили в относительный упадок, когда династийный цикл заканчивался социально-экологическим кризисом, выход из которого общество находило в восстановлении жестко централизованной политической системы и господства госсектора в экономике, в сворачивании рыночных отношений и распределении ресурсов преимущественно по фискальным каналам. В целом города могли изначально основываться как административные центры, как места проживания знати – политических и военных элит, как пункты складирования собранных с крестьян в натуральной форме налогов. Но по-настоящему быстрый рост городов всегда был связан с экспансией коммерческого сектора.

Вполне правомерно сравнивать такую динамику с тенденциями, проявившимися после 1949 г. Командно-административную систему 1950–1970-х годов можно уподобить перераспределительной (редистрибутивной) структуре, которая обычно существовала в фазе династийного цикла, характерной политической и экономической централизацией. Поэтому логично, что урбанизация в первые три десятилетия существования КНР происходила медленно, даже несмотря на проводившуюся властями политику индустриализации. Число городов в Китае в конце 1970-х годов оставалось примерно таким же, как в конце 1940-х. Почти не изменились за тот период и доли горожан и селян в совокупном населении. Удивляться тут нечему, если принимать во внимание, что командно-административная индустриализация была ориентирована на развитие тяжелых, капиталоемких отраслей промышленности, создающих относительно немного рабочих мест, а миграция крестьян в города сдерживалась введенной в 1958 г. системой «подворной регистрации» (прописки).

Рыночные реформы, стартовавшие в конце 1970-х годов, практически сразу же привели к переформатированию процесса индустриализации. Произошел структурный сдвиг в пользу легких, трудоемких отраслей промышленности, задействовавших главный на тот момент избыточный ресурс китайской экономики – дешевую рабочую силу. Причем новые промышленные предприятия возникали не только в уже существовавших городах. В сель-

ской местности начался бум создания «волостных и поселковых предприятий» (ВПП), куда переходило на работу все больше крестьян. В местах сосредоточения ВВП складывались сначала поселки, а затем и новые города.

С течением времени, по мере роста масштабов китайских городов и диверсификации структуры их хозяйства, процесс урбанизации сам во многом стал определять общую хозяйственную динамику в КНР. Не случайно удельный вес горожан в совокупном населении и доля сферы услуг в национальном ВВП росли в 2000–2010-е годы практически синхронно. Последняя увеличилась с 39,8% в 2000 г. до 44,2% в 2010 г. и до 54,5% в 2020 г. Городской сектор услуг стал в 2010-е годы новым локомотивом экономического роста в стране.

В экономической теории связь урбанизации с развитием рыночных институтов и прогрессивными сдвигами в отраслевой структуре экономики обычно объясняют тем, что концентрация в городах субъектов рыночной деятельности облегчает их взаимодействие друг с другом, приносит выгоды и им самим, и местному сообществу в целом.

Предпосылки для урбанизации создает присущий промышленности эффект постоянной или растущей отдачи от масштаба производства. Иными словами, если минимум издержек достигается только при больших объемах выпуска продукции, то рациональным становится не только создание крупных производственных мощностей, но и проживание рядом с предприятиями занятых там работников с семьями.

Их потребительский спрос создает импульсы для пространственной концентрации объектов сферы услуг (торговли, общепита и т.д.) и социальной инфраструктуры (школ, медицинских учреждений и др.). А такие сосредоточенные поблизости друг от друга сооружения, как электростанции, объекты газо- и водоснабжения, дороги и мосты, нужны для удовлетворения спроса, предъявляемого как населением, так и предприятиями.

Однако экономия на масштабах сама по себе может объяснить существование лишь относительно небольших городов и поселков, которые складываются вокруг одного или нескольких промышленных предприятий. Действительно крупные города формируются, когда к ней добавляются так называемые агломера-

ционные эффекты – позитивные экстерналии, возникающие благодаря пространственной близости множества экономических агентов.

В большом городе проще наладить отношения между производителями готовой продукции и обслуживающими их поставщиками сырья, материалов и оборудования. Территориальная близость этих двух групп предприятий позволяет им снизить издержки мониторинга рынка и информационную асимметрию, укрепить взаимное доверие, сократить транспортные расходы. Наличие многочисленных поставщиков, с одной стороны, способствует углублению их специализации и соответственно повышению производительности, а с другой – поддерживает конкурентную среду, что ставит пределы росту цен. Как следствие, удерживаются от повышения и издержки у фирм-покупателей, укрепляется их конкурентоспособность. Хозяйствующие субъекты в городе совместно пользуются инфраструктурными объектами, это облегчает мобилизацию инвестиций, нужных для строительства и содержания таких крупных и дорогостоящих сооружений.

На широком городском рынке труда компаниям проще найти нужных им работников, в том числе людей с редкими навыками и компетенциями. Иначе говоря, с ростом города улучшается качество согласования (*matching*) между квалификацией соискателей рабочих мест и требованиями работодателей. Вследствие конкуренции между людьми, ищущими работу, меньше вероятность их оппортунистического поведения, а именно того, что они будут выбивать себе более высокие зарплаты, пользуясь кадровым дефицитом.

Соперничество между работниками на крупном городском рынке побуждает их повышать свою квалификацию и вообще «быть в тонусе». Но несмотря на жесткость городской среды, люди склонны селиться в крупных городах потому, что там в любом случае больше возможностей. Работу в городе обычно находит не только отдельный человек, но и члены его семьи. В случае увольнения у человека есть шансы обрести работу по той же профессии, так как в городах складываются кластеры предприятий одной отрасли или смежных отраслей.

В свою очередь, перелив трудовых ресурсов между предприятиями, использование ими одних и тех же источников субпоставок

облегчают диффузию информации, в том числе и технологических знаний. Компаниям, осуществляющим научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), проще находить нужных им специалистов внутри города также и благодаря взаимодействию с находящимися там университетами и другими научными организациями. Результирующее накопление человеческого капитала обеспечивает основу для непрерывного потока технологических инноваций в городах. А диверсификация городской экономики способствует обмену прорывными идеями не только внутри отдельных отраслей, но и на межотраслевом уровне, что придает технологическому прогрессу дополнительное ускорение.

Эти общие закономерности, безусловно, проявляются и в ходе современной китайской урбанизации. Но нельзя не признать, что при всей прогрессивности урбанизационного процесса он всегда заключает в себе и острые социальные проблемы. Уже собственно перемещение больших масс людей в города означает для них ломку жизненных стереотипов, что не может не приводить к напряжению в обществе. Различия в предельной производительности труда и капитала между городским и сельским секторами экономики и развитие конкурентных, рыночных механизмов ведут к углублению неравенства доходов и социальных статусов. А в современном Китае на течении урбанизации не может не сказываться и специфика институционального устройства экономики и общества, благодаря которой от развития рыночных отношений выигрывают прежде всего элиты, связанные с государством.

Тенденции и диспропорции урбанизационного процесса в КНР активно обсуждаются китайскими специалистами и зарубежными синологами. Цай Фан и Ду Ян (Институт демографии и экономики труда Академии общественных наук КНР) [1] отмечают, что в 1950–1970-е годы, во времена плановой экономики, ход урбанизации тормозился не только действием системы «подворной регистрации». Сдерживался и собственно рост общего числа городов: в 1949–1978 гг. оно удерживалось в пределах 200, а в годы тяжелых кризисов (как, например, после провала политики «Большого скачка» на рубеже 1950–1960-х годов) оно даже уменьшалось. Оба вида ограничений были необходимыми элементами в механизме перераспределения ресурсов из сельского хозяйства в пользу тяжелой промышленности.

С началом реформ ограничения второго рода были сняты, и в 1998 г. число городов в Китае достигло 668 [1, с. 64]. Однако система «подворной регистрации» продолжала действовать, хотя к нарушениям ее правил власти стали относиться более спокойно. Но в период реформ роль системы прописки изменилась. Раньше она была для центрального правительства средством удержать большую часть крестьян на земле и гарантировать тем самым необходимый объем предложения дефицитной сельскохозяйственной продукции и перераспределение части ресурсов в промышленность. Теперь же в сохранении системы «подворной регистрации» заинтересованы прежде всего местные правительства. Она нужна им для того, чтобы ослабить давление на местные рынки труда (конкуренцию сельских мигрантов (СМ) за рабочие места с коренным населением городов) и на социальную инфраструктуру в городах.

Как следствие, и в 1980–1990-х годах процесс урбанизации не был синхронным с процессами экономического роста и изменения отраслевой структуры экономики. Урбанизация шла тогда главным образом за счет возникновения новых городов на уездном уровне, а рост старых больших городов был сравнительно медленным.

В условиях переходной экономики развитие городов происходит как за счет мобилизации их внутренних ресурсов, так и за счет продолжающегося перераспределения ресурсов деревни в пользу городов. В зависимости от того, как конкретно складывается комбинация этих факторов, можно выделить три модели урбанизации.

Первая модель присуща Пекину, Шанхаю, Тяньцзиню и другим крупным городам на восточном побережье Китая. У них есть как внушительные внутренние ресурсы, так и значительные административные функции, а соответственно и возможности привлекать ресурсы извне. Вторая модель реализуется при развитии малых и средних городов в восточных, приморских провинциях, особенно в тех из них, где концентрируются ВПП и предприятия с иностранными инвестициями (ПСИИ). Здесь развитие происходит главным образом благодаря использованию внутренних ресурсов. Третья модель свойственна крупным и средним городам в центральных и западных провинциях, они развиваются главным образом за счет перераспределения государством в их пользу ресурсов

из сельской местности и из более развитых восточных провинций [1, с. 65].

Местные власти проявляют готовность ослабить ограничения на приток рабочей силы в город в двух возможных ситуациях. Во-первых, так происходит, если финансовые возможности местных правительств невелики и те в любом случае не могут влиять на местный рынок труда или осуществлять выплаты социального характера в пользу местного населения. Во-вторых, власти могут пойти на либерализацию, если они рассчитывают на то, что приток рабочей силы извне будет способствовать более эффективному использованию уже имеющихся в городе ресурсов. Эти возможные выгоды сопоставляются с возможными издержками от перенаселенности, перерасхода муниципальных средств, увеличения безработицы, дестабилизации социального положения и т.д.

В конечном счете выбор в пользу либерализации делается, если реформа обещает повышение эффективности городской экономики, а это достижимо прежде всего в городах, развивающихся преимущественно за счет внутренних ресурсов и на основе рыночных механизмов. Напротив, в городах, чья динамика развития определяется государственным перераспределением ресурсов, смягчение режима прописки менее вероятно. Дело еще и в том, что в таких городах местные власти обычно имеют значительные обязательства по трудоустройству уволенных в ходе сокращений на государственных предприятиях (ГП) и по выплатам социального характера многим другим категориям получателей. Поэтому в таких городах, даже если приток трудовых ресурсов извне сулит существенное повышение эффективности, соображения социальной стабильности обычно перевешивают, и власти не склонны либерализовать режим прописки.

В целом подходы местных властей к регулированию трудовой миграции очень разные, но их все же можно определенным образом классифицировать.

Власти малых городов и поселков по решению Госсовета КНР от 1 октября 2001 г. получили право предоставлять постоянный вид на жительство всем трудовым мигрантам, которые могут доказать, что у них там есть «стабильный источник дохода и за-

конное место проживания»¹. В средних и некоторых крупных городах с начала 2000-х годов постепенно смягчались требования к соискателям прописки. Например, условием регистрации могло быть наличие у мигранта двухлетнего трудового контракта. А вот в крупных и сверхкрупных городах либерализация в 2000-е годы затронула только очень небольшое число категорий рабочей силы, а в отношении основной массы мигрантов ограничения даже ужесточались² [1, с. 66–67].

Констатируя эти тенденции, Цай Фан и Ду Ян пришли к выводу, что урбанизация в КНР идет «вторым темпом» – вслед за маркетизацией экономики, а предпосылки для нее создаются уменьшением доли ресурсов, перераспределяемых через государственные, а не рыночные каналы [1, с. 67].

Вопрос о том, как в китайской урбанизации сочетаются государственное и рыночное начала, занимает и Цзе Го (Гуандунский институт географии, Гуанчжоу) [2]. Но акценты он расставляет иначе, чем Цай Фан и Ду Ян.

Цзе Го отмечает, что во многих имеющихся исследованиях развитие современных китайских городов трактуется как воплощение идеи «предпринимательского города». Но при этом обычно утверждается, что концентрация предпринимательских ресурсов в городах происходит под воздействием программ регионального развития, реализуемых общенациональным правительством. Под-

¹ В 2000–2010-е годы некоторые крупные административные единицы (провинция Хэнань, город центрального подчинения Шанхай, г. Шэньчжэнь и др.) принимали без прямой санкции общенациональных властей собственные нормативные акты, где прописывались аналогичные условия натурализации мигрантов. – *Прим. реф.*

² В декабре 2013 г. на Всекитайской конференции по работе в деревне было заявлено о готовности центральных властей «сделать 100 млн сельских мигрантов, уже работающих в городах, горожанами в полном смысле слова», т.е. предоставить им вид на жительство в городах. В марте 2014 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали План урбанизации нового типа на 2014–2020 гг. Согласно ему, доля населения, живущего в урбанизированных районах, должна была в 2020 г. достичь 60% (фактически в 2019 г. – 60,6%). Но при этом предполагалось, что к 2020 г. городскую регистрацию будут иметь только 40% населения (фактически в 2019 г. ее имели уже 44,3% населения), а остальные 20 п.п. будут приходиться на мигрантов, прописанных на селе, но имеющих вид на жительство в городе. – *Прим. реф.*

разумеается, что административная децентрализация в Китае произошла, но она имеет асимметричную форму: у центральных властей сохраняются возможности вмешиваться в процессы урбанизации, когда они считают это нужным для улучшения конкурентоспособности городов и тех регионов, где города расположены.

Сторонники этого подхода обращают внимание на ограниченность рыночных практик и сдерживание институциональных инноваций вследствие сохраняющегося государственного интервенционизма. Они связывают это с самим постепенным характером китайских реформ, с их незавершенностью (в частности, с сохранением государственной собственности на землю в городах). По такой логике, сами традиции авторитаризма и централизованного управления создали предпосылки для продолжающегося вмешательства вышестоящих инстанций в распределение ресурсов на местах через иницилируемые Центром мегапроекты территориального развития. Местные власти могут осуществлять мобилизацию трудовых ресурсов и поощрять накопление капитала на своих территориях. Но они существенно ограничены в своих действиях теми приоритетами, которые устанавливает общекайтайский Центр.

Однако адепты этого подхода признают, что административные и фискальные реформы в том виде, как они проводились с середины 1990-х годов, сформировали такую черту поведения местных администраций, как склонность к спекуляциям землей (формально – «правами пользования» государственными земельными участками) и выстраивание соответствующих альянсов с бизнесом. Местным правительствам нужны деньги для того, чтобы осуществлять вмененные им в обязанность социальные расходы и выстраивать городскую инфраструктуру.

Но децентрализация соответствующих полномочий происходила параллельно с перераспределением источников бюджетных доходов в пользу Центра. Нехватка средств в местных бюджетах и сделала провинциальные, уездные и городские правительства зависимыми от состояния рынка «прав пользования» землей. Если само выполнение правительствами их функций невозможно без доходов от передачи ими «прав пользования» девелоперам, то власти заинтересованы в постоянном подстегивании роста цен на землю – и за счет роста валового регионального продукта (ВРП) территории, и просто за счет спекуляций землей. Такая обстановка

постоянного «разогрева» хозяйственной конъюнктуры на местах во многом и определяет течение урбанизации в Китае¹.

Однако, как считает Цзе Го, при всей реалистичности такого подхода в его рамках остается не проясненным, как конкретно происходит формулирование на общенациональном уровне целей развития городов и как местные власти побуждаются к их выполнению, как при этом происходит согласование интересов различных уровней управленческой иерархии.

В действительности, считает автор, центральная роль в становлении «предпринимательских городов» принадлежит местным правительствам. В сущности они сами являются субъектами предпринимательства, а помимо того они взаимодействуют с частным сектором в рамках различных схем государственно-частного партнерства (ГЧП). Причем мотивация их деятельности не сводится к максимизации прибыли (в частности, от спекуляций землей) и фискальных поступлений. Речь идет о гораздо более комплексной повестке дня: местные администрации преследуют целый ряд позитивных целей развития, и они обладают определенной автономией от центральных властей при реализации таких целей.

Другое дело, что у местных руководителей, безусловно, есть и личные интересы: они стремятся к карьерному росту и упрочению своей политической легитимности за счет демонстрации и вышестоящему начальству, и населению позитивных результатов своей деятельности. И вот здесь-то сказывается, что оценка местных руководителей «верхами» во многом исходит из того, соответствует ли эта деятельность приоритетам, установленным центральным правительством. На основе этого критерия выстроена система количественных показателей оценки и поощрений/наказаний для кадровых работников на местах. Тем, кто удовлетворяет установленным показателям, открываются возможности служебного повышения, их могут и премировать финансово. А отстающие могут быть оштрафованы, понижены в должности или даже вообще лишены права занимать руководящие посты.

¹ См., например : Chien Shih-Shen. Economic Freedom and Political Control in Post-Mao China : A Perspective of Upward Accountability and Asymmetric Decentralization // Asian Journal of Political Science. – 2010. – Vol. 18 (1). – P. 69–89 ; Wu Fulong. Emerging Chinese Cities: Implications for Global Urban Studies // The Professional Geographer. – 2016. – Vol. 68 (2). – P. 338–348.

Вмешательство центральных властей в процессы принятия решений на местах происходит, таким образом, не в прямой, а в косвенной форме – через комплектование руководящих кадров. При этом поощряется конкуренция за более высокие оценки между руководителями одного и того же уровня, что тем более формирует у них инстинктивное стремление к повышению по службе.

Отсюда их постоянное желание реализовывать имиджевые проекты, как визуальные подтверждения достигнутых успехов, способные понравиться начальству. Даже если на этот раз продвигнуться по службе не получится, реализация резонансного инвестиционного проекта все равно может принести претенденту финансовые ресурсы, которые пригодятся для будущих проектов и будущих попыток угодить «верхам».

По форме местные руководители соперничают друг с другом по показателям экономического роста и благосостояния населения на подведомственных территориях, и для этого они всеми силами зазывают к себе китайских и иностранных инвесторов. По сути же борьба идет за признание заслуг вышестоящим начальством. И это прямое следствие существующей в Китае ситуации, когда децентрализация функций, которые должно выполнять государство, сочетается с сохранением жесткого политического контроля над жизнью общества, подчеркивает Цзе Го [2, с. 230–231].

Надо еще принять во внимание и то, что местных руководителей обычно держат на должностях сравнительно недолго (как правило, не больше четырех лет) и часто переводят из одной провинции в другую. Поэтому их поведение преимущественно оппортунистическое: они склонны осуществлять или такие мероприятия, которые могут принести выгоду уже в краткосрочной перспективе, или такие, которые способны устранить проблемы в местной экономике и социальной сфере, чреватые потерей расположения «верхов».

Это и делает китайских местных руководителей чем-то вроде политиков и предпринимателей в одном лице. Они готовы использовать ресурсы для осуществления проектов, обещающих им карьерные «дивиденды». Вроде бы они действуют при этом в рамках установленных общенациональных приоритетов. Но на самом деле реализуются преимущественно проекты, сулящие быструю отдачу. А от осуществления мероприятий, чей эффект проявится

уже после истечения срока пребывания руководителей на должностях, они аккуратно уклоняются.

Так что поведение местных начальников – это не просто приспособление к спускаемым сверху директивам. Они направляют процессы урбанизации на местах в такую сторону, которая в наибольшей степени соответствует их карьерным интересам [2, с. 226–227, 230–232].

Выделенные общие тенденции автор иллюстрирует результатами своих полевых исследований, проведенных в 2013 и 2016 гг. в г. Ланьчжоу (это административный центр провинции Ганьсу, входящей в западный меридианальный пояс Китая). Развитие этого города в 2000–2010-е годы происходило в общих рамках инициированного центральным правительством в 1999 г. мегапроекта «Освоение Запада».

Выдвигая эту программу, призванную сгладить дисбалансы развития восточных, приморских и глубинных, западных провинций Китая, пекинские власти обещали западным административным единицам дополнительные налоговые льготы и права на землепользование, а также кредиты на преференциальной основе.

Ланьчжоу вступил в конкуренцию за эти ресурсы с другими крупнейшими городами Западного Китая – Сианем, Чэнду, Чунцином и др. Причем социально-экономическая ситуация в Ланьчжоу к началу XXI в. складывалась гораздо хуже, чем в других городах-миллионниках. Если во времена плановой экономики благодаря государственным капиталовложениям в предприятия ВПК и химической промышленности индустриализация в Ланьчжоу шла высокими темпами, то за 1980–2000 гг. доля этого города в общенациональном объеме промышленного производства уменьшилась с 1,93 до 0,12% [2, с. 235]. Но при этом «чересполосное» расположение промышленных и жилых районов в городе сделало чрезвычайно острой проблему загрязнения воздуха и воды.

Борясь за выделяемые Центром ресурсы, партийные и правительственные руководители Ланьчжоу презентовали собственные программные документы, в которых проводилась мысль, что без ускорения развития именно этого города «Освоение Запада» будет вообще нереализуемо. При этом они ссылались на географическое положение Ланьчжоу в самом центре Китая; на его функции транспортного узла, через который идут транзитные грузы с

Востока на Запад и обратно; на исторически сложившуюся в 1950–1960-е годы роль Ланьчжоу как центра НИОКР для военной промышленности и нефтехимии (последнее важно еще и потому, что в пров. Ганьсу есть разрабатываемые нефтяные месторождения). В то же время утверждалось, что именно в Ланьчжоу можно осуществить пилотные проекты энергосбережения и сокращения вредных выбросов, которые станут примерами для всех западных провинций [2, с. 236–239].

В конечном счете местные руководители пытались таким образом увязать спускаемые из Пекина общие политические установки по поводу развития западных провинций с реальными потребностями, насущными именно для Ланьчжоу. При этом они учитывали, что в 2010-е годы круг количественных индикаторов, по которым «верхи» судят о деятельности местных чиновников, расширился: к традиционным чисто экономическим показателям (темпы прироста ВРП, объемы привлеченных иностранных инвестиций и др.) добавились экологические (удельное энергопотребление на единицу ВРП, концентрация вредных веществ в атмосфере и т.д.).

Усилия ланьчжоуских начальников были вознаграждены. В 2013 г. Госсовет КНР одобрил план развития города на 2011–2020 гг., в котором Ланьчжоу был определен в качестве центра нефтехимической промышленности, транспортного и логистического хаба, а также города, где предполагалось проводить модельные эксперименты по природосбережению. Под реализацию плана города были обещаны значительные финансовые вливания из Центра.

После того как городские власти получили такую политическую и финансовую поддержку Пекина, следующей их задачей стала демонстрация позитивных результатов. Параллельно осуществлялись две программы: вывода промышленных предприятий из центра Ланьчжоу в пригородные индустриальные парки и рекультивации освобождавшихся таким образом земель в центре ради оздоровления там экологической обстановки. При этом городские лидеры явно рассчитывали на быстрые результаты, способные понравиться тем, кто «наверху». В 60 км к северу от центра Ланьчжоу началось строительство индустриального парка («новой зоны»), площадь которого (806 кв. км) сравнима со всей уже освоенной территорией города.

А экологические нормативы в Ланьчжоу были установлены более жесткие, чем на общенациональном уровне: хорошее качество воздуха должно было поддерживаться не менее 310 дней в году, тогда как соответствующий показатель, определенный Госсоветом КНР для всей страны, составлял 275 дней [2, с. 239–240].

Требования о выводе производственных мощностей в пригороды и переселении туда работников натолкнулись на серьезное сопротивление со стороны предприятий. Властям пришлось предложить их владельцам и менеджерам специальные финансовые стимулы: компенсацию части уплаченной арендной платы за землю и освобождение от платы на новом месте; государственные инвестиции в техническую реконструкцию предприятий и финансирование мероприятий по энергосбережению; персональные бонусы менеджерам (от 100 тыс. юаней до 500 тыс. юаней) и т.д. Тем самым была установлена «смычка» интересов политических руководителей города и его бизнес-элиты, что и позволяет говорить о реализации в данном случае модели «предпринимательского города» через ГЧП [2, с. 242].

Правда, мэру и партийному секретарю Ланьчжоу, находившимся у власти в начале 2010-х годов, все это не помогло с продвижением по службе: их карьеры оборвались из-за коррупционных обвинений. Но посеянные ими семена дали всходы: Госсовет КНР в 2012 г. утвердил создание в Ланьчжоу «новой зоны» общенациональной значимости, а в 2014 г. присвоил Ланьчжоу статус «пилотного города» для реализации мер по энергосбережению и охране окружающей среды [2, с. 240].

В целом же механизм урбанизации в современном Китае может быть истолкован следующим образом, считает Цзе Го. Адаптация установок общегосударственной политики к местным условиям и групповым интересам политических и экономических элит и инициирование ими имиджевых проектов дополняются мобилизацией местного населения на выполнение поставленных задач с помощью создания внутриэлитных коалиций. Развитие «предпринимательских городов» – это в таком случае не результат осуществления определенной политики центральных властей и не простое, естественное следствие экономических процессов, а побочный результат сложных взаимосвязей между различными уровнями политико-административной иерархии [2, с. 243].

В сходной системе координат рассуждает о китайской урбанизации Л. Онг (факультет политологии Университета Торонто) [3]. Но она уделяет больше внимания тому, как в ходе урбанизации меняются образ жизни и материальное положение сельских жителей.

Л. Онг констатирует, что урбанизация и сопутствующая ей экспансия строительного сектора и сферы недвижимости вносят очень существенный вклад в экономический рост в Китае. Только на жилищное строительство приходится 10–12% ВВП, а если присовокупить к этому смежные отрасли (сталелитейную, цементную и проч.), то получится цифра в 20–25% ВВП [3, с. 173].

Местные власти заинтересованы в развитии сектора недвижимости, во-первых, потому, что вышестоящие инстанции судят об их деятельности по числу реализованных инвестиционных проектов, а во-вторых, из-за того, что местные бюджеты стали в высокой степени зависимы от продаж «прав пользования» землей частным девелоперам.

Такая зависимость стала складываться после бюджетно-налоговой реформы 1994–1995 гг., в ходе которой поступления от налога на добавленную стоимость были перераспределены в пользу центрального бюджета. До этого НДС, как и большинство других налогов, поступал в провинциальные бюджеты, а оттуда согласованная с Центром доля поступлений передавалась в общекитайский бюджет (все это называлось системой «территориального финансового подряда»). С 1995 г. в центральный бюджет стало уходить 75% сборов от НДС, а остальные 25% делились между бюджетами уровня провинции и ниже.

В 2002 г. произошла централизация поступлений от подоходного налога с предприятий. Раньше за его сбор отвечали и общенациональная, и провинциальные налоговые администрации. Теперь же со всех вновь создаваемых предприятий налог стала собирать общенациональная служба, и доля центрального бюджета в совокупных поступлениях от этого налога достигла 68% [3, с. 174].

Как следствие, для местных бюджетов стали особенно значимыми поступления от налога на деловые операции (НДО) – косвенного налога, альтернативного НДС, его с 1994 г. уплачивали только предприятия сферы услуг. Местным властям стало выгод-

нее культивировать на подведомственных территориях не промышленные производства, а сервисные отрасли, в том числе строительство и сферу недвижимости. Уже это подтолкнуло дополнительно урбанизацию, причем не только поглощение уже сложившимися городами ближайшей сельской местности, но и строительство новых городов.

А еще одним, альтернативным налоговым, источником поступлений в местные бюджеты стала продажа частным или квазигосударственным застройщикам «прав пользования» землей. Фонд земель для такого перераспределения формируется в значительной мере за счет реквизиций участков у крестьян. С правовой точки зрения ситуация выглядит следующим образом. Формально земля в деревнях считается коллективной, переданной крестьянским семьям в долгосрочную аренду на началах подряда. Но по Закону КНР об управлении земельными ресурсами ни сами крестьяне, ни комитеты сельских жителей, которые и раздают коллективные земли в подряд, не могут вступать в контрактные отношения с компаниями промышленности и сферы недвижимости.

Передача обрабатываемых пахотных земель частным застройщикам может произойти только после обращения этих земель из коллективной собственности в государственную в результате действий местных правительств. По закону такие экспроприации могут происходить только «в общественных интересах». Но само это понятие в законе не разъяснено, что делает возможным обезземеливание крестьян во всех случаях, когда это выгодно властям.

Фактически таким образом местные власти имеют монопольное право переводить земли в деревнях из коллективной собственности в государственную, а затем передавать на возмездной основе «права пользования» этими землями компаниям, работающим на рынках жилой, офисной и другой коммерческой недвижимости [3, с. 163, 173–174].

Вообще-то центральное правительство в 2005 г. сделало единым процессом установление квот на выделение земель под промышленное и коммерческое строительство как в городских, так и в сельских районах. Одна из целей этого решения состояла в том, чтобы не допустить уменьшения площадей, занятых под выращивание зерновых культур: согласно установленной общекитайскими

властями «красной линии», под зерновые в стране должно быть задействовано не менее 1,8 млрд му (120 млн га) земли¹ [3, с. 165].

Министерство земельных ресурсов ежегодно устанавливает общенациональные квоты на изъятия сельскохозяйственных земель на нужды неаграрного характера и распределяет их между провинциями, а те спускают более дробные квоты на нижестоящие уровни. По идее квоты устанавливают жесткие количественные лимиты, в рамках которых должны действовать местные администрации. Но у тех есть возможности нарастить площади земель, используемых под строительство, с помощью обходных маневров.

Они могут дать санкцию на снос части жилых построек крестьян и объявить высвобожденные таким образом земли обрабатываемыми, а затем формально обменять их на часть квоты, выделяемой под строительство в ближайших городских районах. Те земли в деревнях, над которыми власти установили контроль таким способом, могут уже легально быть использованы под строительство промышленных и инфраструктурных объектов. Причем передача «прав пользования» ими городским девелоперам происходит в таком случае уже по высоким ценам на землю, сложившимся в урбанизированных районах.

Еще более радикальный прием заключается в том, что власти «экономят» землю, распределенную между разбросанными по территории крестьянскими хозяйствами, переселяя крестьян в местности с более высокой плотностью населения. На юге провинции Цзянсу еще в 2001 г. начался эксперимент по переселению крестьян в так называемые концентрированные деревни (КД). Изначально задумка состояла в том, что увеличение плотности сельского населения позволит повысить эффективность использования земель в тех районах, где население деревень уменьшилось из-за того, что многие местные жители в поиске более высоких доходов превратились в трудовых мигрантов. Крестьян в КД стали селить в многоквартирных домах, а работу они могли найти или в создававшихся поблизости индустриальных парках, или в крупных агрофирмах.

Но со временем власти и в Цзянсу, и в других регионах сообразили, что таким образом можно не только решать проблему

¹ 1 му = 0,067 га. – *Прим. реф.*

«пустых деревень», но и устанавливать контроль над землей и получать внушительные доходы от ее продажи. Так что КД стали создаваться и во вполне благополучных местностях. Земли, с которых крестьян согнали таким манером, по уже описанной схеме «обмениваются» на часть городских квот на строительство и продаются инвесторам по высоким ценам. Часто это происходит вне зависимости от того, насколько рациональна урбанизация соответствующей местности [3, с. 165–166].

В декабре 2011 г. Л. Онг провела полевое исследование КД в сельских районах, окружающих г. Хэфэй – административный центр провинции Аньхуэй. Были опрошены 40 местных жителей. Выяснилось, что в шести муниципалитетах, охваченных исследованием, экспроприацию земли пережили более 54 тыс. крестьян (на тот момент это было 16,2% совокупного населения и 47,3% крестьянского населения соответствующей местности). Земли изымались под строительство высокоскоростных железных дорог, метро, автомобильных дорог, торговых центров, отелей, жилых зданий премиум-класса, административных зданий.

При этом только 12,6 тыс., или 25,2%, переселенных крестьян получили городскую регистрацию. Но даже они не приобрели в полной мере возможностей пользоваться публичными благами, предоставляемыми в городе за счет государства (медицинскими, пенсионными услугами и т.п.).

По идее переселенным крестьянам должны предоставляться три вида компенсационных выплат: 1) компенсация за землю; 2) субсидия на переселение; 3) компенсация утраченных доходов от сбыта урожая с земли.

Субсидия на переселение для лиц 16 лет и моложе составляет 10 000 юаней, а для тех, кто старше 16 лет, – 30 000 юаней (сюда входят «пособие на цели самозанятости» в 12 000 юаней и «пособие на возмещение расходов на базовые жизненные нужды» в 18 000 юаней). Однако среди опрошенных респондентов никто второй части субсидии не получил, дело ограничилось суммой в 12 000 юаней.

Компенсация доходов от урожая официально варьируется в пределах 700–3000 юаней на 1 му земли – в зависимости от того, какая культура возделывалась (за фрукты и овощи компенсация

больше, чем за зерно). Но реально респонденты получали в любом случае не более 900–1200 юаней в расчете на 1 му.

Что еще более существенно, почти никто из респондентов не получил компенсацию за землю, и это немудрено: размеры такой компенсации устанавливаются в ходе переговоров между властями городского района и поселковым правительством, управляющим данной сельской территорией, а крестьяне в них не участвуют. Компенсация поступает из города в поселковое правительство, хотя часть ее может быть передана крестьянскому коллективу. Двое респондентов пожилого возраста сказали Л. Онг, что они стали получать ежемесячную пенсию в 320 юаней за счет таких компенсационных трансфертов. Куда деваются остальные деньги – установить невозможно: то ли они тратятся на другие цели, то ли просто пополняют карманы местных чиновников.

Почти все респонденты заявили, что их финансовое положение ухудшилось после переселения. Молодые и до этого работали в основном в городской сфере обслуживания плотниками, сантехниками, уборщиками и т.д. Их зарплаты составляли скромные 800–1300 юаней в месяц (т.е. 9600–15 600 юаней в год), и после переселения заработки не увеличились. Для сравнения средний располагаемый доход городского жителя Хэфэя составлял в 2010 г. 19 051 юань в год. Пожилые же привыкли к крестьянскому труду, а после переселения они стали безработными, хотя и получают пенсию в 320 юаней в месяц. Никаких программ переквалификации местные правительства не осуществляли.

К тому же бывшие селяне потеряли доходы от сдачи в найм жилых помещений, которые были свободны из-за отъезда членов их семей на заработки в другие провинции. Не говоря уж о том, что с переселением в многоквартирные дома была утрачена возможность держать во дворах скот и птицу, выращивать фрукты и овощи. А вот расходы у переселенных семей выросли. Раньше многими из продуктов питания они обеспечивали себя сами, теперь же все это нужно покупать. Выросла и плата за воду, газ и электричество.

Жилищный вопрос переселенцев может решаться двумя способами: покупкой нового жилья или обменом старого сельского дома на квартиру в КД. В Хэфэе действует норма, согласно которой вместо 60 кв. м жилплощади в старом деревенском доме мо-

гут быть предоставлены 45 кв. м нового жилья. Но такие условия многими считаются несправедливыми: при обмене не учитываются площади хозяйственных построек и приусадебного участка. К тому же в пропорции обмена не включаются пристройки, которые крестьяне делали самовольно, без специального разрешения властей.

Немало жалоб высказывается и по поводу качества предоставленного жилья. Многие респонденты приглашали автора статьи к себе домой и показывали ей трещины в стенах. Некоторые из них сообщили, что и по прошествии нескольких лет проживания в квартирах они так и не получили документов, удостоверяющих их права как собственников. Так происходит из-за того, что дома были построены с нарушениями и застройщики не могут обеспечить их приемку контролерами качества. Другая возможная причина – это то, что земельный участок под застройку выделяется властями задним числом, когда дом уже стоит. В результате полученное от государства жилье не может быть продано легально, а если переселенцы делают это по каналам «черного» рынка, то они несут существенные денежные потери.

Не приходится удивляться, констатирует Л. Онг, тому, что обезземеливание и насильственное переселение крестьян стали в 2000–2010-е годы наиболее распространенными причинами протестных выступлений в Китае (раньше в этом качестве выступали избыточные налоговые изъятия и меры ограничения рождаемости). По оценке автора, если исходить из того, что на каждый 1 му реквизируемой земли приходится один обезземеленный крестьянин, то ежегодно число таких потерпевших увеличивается на 250–300 тыс. человек, а всего за 1987–2010 гг. землю потеряли 52 млн крестьян [3, с. 163]. Причем доходы от продаж реквизируемых земель застройщикам в сотни раз превосходят суммы компенсаций, выплачиваемых крестьянам.

Во времена плановой экономики, да и в первые десятилетия реформ система «подворной регистрации» работала так, что нормы продовольственного снабжения и различные социальные льготы распространялись только на городских жителей. А для крестьян субститутотом социальных гарантий считалась причастность к коллективной собственности на землю. Теперь же получается, что в результате переселения в КД и прочих форм обезземеливания кре-

стьяне лишаются средства производства, но мало кто из них приобретает городскую регистрацию, а значит, и доступ к социальным услугам, которыми пользуются коренные горожане.

В заголовке статьи Л. Онг называет китайскую урбанизацию «направляемой государством». Однако в самом тексте она дает этому определению сложное истолкование. По мнению автора, урбанизация в Китае в последние десятилетия – это не столько естественное следствие экономического развития, сколько результат государственной политики, мотивированной фискальными интересами местных властей [3, с. 177]. Ее можно истолковать даже как коммерческое предприятие местных правительств. Речь идет о сложном, конфликтном взаимодействии интересов, наносящем прямой ущерб крестьянам, сгоняемым с земли [там же, с. 164].

Лу Мин (Центр исследований занятости и социальной защиты Фуданьского университета, Шанхай) и Чэнь Чжао (Центр исследований китайской экономики того же университета) [4] специально проанализировали влияние урбанизации на динамику неравенства доходов по линии «город – деревня». Исходная точка их рассуждений – это дуализм традиционного, аграрного и современного, городского секторов хозяйства, который, по определению, свойственен развивающейся экономике, он является одной из причин дифференциации доходов в обществе.

В дореформенное время в Китае дуализм усугублялся институциональными особенностями плановой экономики. Государство административными методами перераспределяло ресурсы из сельского хозяйства в тяжелую промышленность, там использовались технологии, предъявлявшие ограниченный спрос на рабочую силу. В отношении сельскохозяйственной продукции проводилась политика заниженных закупочных цен. Перемещение населения из деревни в город сдерживалось режимом прописки.

Но и в период реформ ограничения на приток СМ в крупные и средние города сохранились. Мигранты испытывают дискриминацию в доступе к социальным услугам в городах, а нанимающие их предприятия вынуждены платить специальный фискальный сбор. Неопределенность статуса мигрантов, их большие расходы на проживание в городах лимитируют размеры их денежных переводов в пользу семей, остающихся в деревне. Иными словами, и в

условиях переходной экономики урбанизация происходит в определенных институциональных рамках, поддерживающих дуализм.

Вообще говоря, с развитием рыночных механизмов разрыв в уровнях доходов между городом и селом должен стимулировать отток крестьян в города, а это, в свою очередь, должно способствовать выравниванию отдачи от используемых факторов производства и сглаживанию разрыва в доходах. Механизм тут следующий: увеличение предложения рабочей силы в городах будет там усиливать конкуренцию на рынке труда и сдерживать рост зарплат, а в деревне будет рассасываться традиционный избыток рабочей силы, будет повышаться производительность труда, а значит, будут расти и доходы [4, с. 51].

Но в условиях современного Китая течение этих процессов осложнено целым рядом обстоятельств. Во-первых, из-за фактической коррупционной коммерциализации системы прописки доступ к статусу горожанина имеют прежде всего наиболее обеспеченные слои сельского населения. Во-вторых, изъятие земельных площадей из сельскохозяйственного оборота и лишение крестьян возможности работать на земле часто ведут к их только формальному превращению в горожан: они не адаптированы к городской жизни и не могут найти работу. А у остающихся в деревне крестьян из-за выбытия земель из сельскохозяйственного использования участки не увеличиваются, а потому не растут и доходы. Развитие рынка «прав пользования» земель приводит к их концентрации в руках наиболее состоятельных крестьян, а те часто склонны не работать на купленной земле, а искать возможности заняться бизнесом в городе. В-третьих, поступать в вузы и, как следствие, устраиваться на работу в городах тоже могут прежде всего дети зажиточных крестьян.

В силу действия этих факторов трудовая миграция фактически работает на углубление, а не сглаживание неравенства доходов. Ситуация усугубляется еще и некоторыми факторами, связанными с проводимой экономической политикой. От экспортной ориентации экономики и привлечения иностранных инвестиций выигрывает преимущественно городское население, так как соответствующие производства сосредоточены в основном в городах и поселках.

Развитие негосударственных укладов хозяйства в ходе реформ происходило за счет создания ВПП в сельской местности и разгосударствления городских предприятий. Первый из этих процессов способствовал занятию избыточной деревенской рабочей силы и повышению доходов сельского населения. Второй же процесс, с одной стороны, приводит к увольнениям с неэффективных ГП, что способствует усилению конкуренции на городском рынке труда, а от этого рост зарплат горожан замедляется. Но, с другой стороны, повышение эффективности предприятий может приводить к увеличению их спроса на рабочую силу, а это способствует росту зарплат и углублению разрыва в доходах между городским и сельским населением.

О результативности работы местных руководителей вышестоящие инстанции судят прежде всего по показателям экономического роста в соответствующей административной единице, а тот обеспечивается прежде всего неаграрными отраслями. Многие местные начальники предпочитают финансировать из бюджета не сельское хозяйство, а более выигрышные в имиджевом плане начинания. Правда, может быть и так, что если за счет местного бюджета осуществляются крупные инфраструктурные проекты, то это помогает сглаживанию неравенства, ибо такие стройки обычно ведутся с привлечением большого числа местных крестьян [4, с. 53–54].

Так что урбанизация оказывает на неравенство доходов между городом и деревней противоречивое воздействие. Она может как усиливать, так и ослаблять неравенство, резюмировали Лу Мин и Чэнь Чжао [там же, с. 55].

Вань Гуанхуа (Центр исследований экономик стран бассейна Индийского океана Юньнаньского финансово-экономического университета, Гуйлинь) [5] уточняет в своей статье, как складывается соотношение этих двух эффектов в динамике.

Он отмечает, что современный китайский экономический рост – это и есть результат взаимовлияния индустриализации и урбанизации. Аграрная реформа конца 1970-х годов привела к повышению доходов крестьян и их спроса на промышленные товары, это создало условия для роста промышленного производства. Развитие промышленного, а затем и сервисного секторов породило повышенный спрос на трудовые ресурсы на городских рынках. Он

удовлетворялся благодаря тому, что в сельском хозяйстве благодаря реформам увеличивалась производительность труда и рабочая сила могла перераспределяться из деревни в город. Рост производства в городском секторе обеспечивался и благодаря использованию сравнительных преимуществ экономики, наращиванию на этой основе экспорта и привлеченных иностранных инвестиций, это тоже стимулировало приток СМ в города и поселки.

В результате такого экономического роста в обществе в целом уровень доходов повысился, сотни миллионов бедных людей стали жить гораздо лучше. Но при этом резко усилилась дифференциация доходов. Можно сказать, что в ходе реформ баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью был нарушен в пользу первой. Ситуация требует выправления, так как нарастание неравенства само по себе может порождать риски для устойчивости экономического роста. В этой связи и требуется углубленное исследование взаимосвязи урбанизации и неравенства. Надо выяснить, нужно ли для сглаживания неравенства замедлить ход урбанизации методами экономической политики. Или же можно рассчитывать на то, что урбанизация сама в конечном счете сгладит неравенство, а значит, ей нужно способствовать? [5, с. 73–74].

Автором для характеристики неравенства в Китае были построены индексы Тейла за период 1978–2010 гг. по всему населению, занятому в народном хозяйстве, и по занятым в городском и сельском секторах по отдельности. Исследование показало, что неравенство несколько уменьшилось в 1978–1982 гг., но затем оно нарастало вплоть до 2006 г., хотя и с некоторыми колебаниями (на рубеже 1980–1990-х годов и в 1996–1997 гг.). При этом неравенство в городах и поселках в течение всего периода реформ было менее существенным, чем в деревне. Но и в городах нарастание неравенства стало весьма ощутимым начиная со второй половины 1990-х годов. Тем не менее по обществу в целом показатели неравенства гораздо выше, чем по городскому и сельскому секторам, и это говорит о том, что внутрисекторальное неравенство – не единственная причина совокупного неравенства.

После 2006 г. неравенство стало сглаживаться, показатели его несколько уменьшились и по стране в целом, и по двум секторам экономики по отдельности. В деревне этому способствовали отмена единого сельскохозяйственного налога (как раз в 2006 г.) и

учреждение систем социального страхования для крестьян (медицинского, а затем и пенсионного). В городах с середины 2000-х годов тоже создавались новые институты социальной поддержки. Но трудно сказать, оформилась ли таким образом новая долгосрочная тенденция. Обращает на себя внимание то, что неравенство доходов уменьшалось в периоды замедления экономического роста (после 1997 г. и после 2007 г.), это само по себе вызывает сомнения в устойчивости тенденции [5, с. 76–77].

Степень урбанизации (доля населения городов и поселков в совокупном населении) выросла с 17,9% в 1978 г. до 51,3% в 2011 г., но еще в 1995 г. она достигала только 29,0%, т.е. темп урбанизации с течением времени ускоряется. Получается, что с середины 1980-х годов рост степени урбанизации и углубление неравенства происходили синхронно. Но есть ли здесь однозначная причинно-следственная связь?

Проведенное Вань Гуанхуа эконометрическое исследование выявило, что вклад межсекторальных различий в совокупное неравенство увеличивался до середины 1990-х годов, т.е. до того момента, когда степень урбанизации приблизилась к 30%. Затем общая картина неравенства стала в большей степени определяться дифференциацией доходов внутри городского и сельского секторов. Так что динамике неравенства в ходе урбанизации свойственна траектория, похожая на «вывернутую» букву U. Сначала урбанизация способствует углублению неравенства, но затем она, наоборот, помогает его сглаживанию, и это, судя по всему, общая для развивающихся стран тенденция.

В Китае точка перелома пришлась примерно на 1995 г. После ее прохождения различия в доходах между городом и деревней перестали углубляться, а главной причиной нарастания совокупного неравенства стала усугубляющаяся дифференциация доходов внутри городского сектора. При этом неравенство доходов внутри деревни в Китае всегда было сильнее, чем в городе, но со временем значимость этой проблемы убывает в связи с сокращением численности сельского населения [5, с. 81–84].

Значение индекса Тейла, исчисленного по обществу в целом, увеличилось в Китае с 0,15 в 1984 г. до 0,39 в 2010 г. Но, согласно оценкам Вань Гуанхуа, когда степень урбанизации достигнет 80%, то индекс Тейла снизится до 0,24 и неравенство вернется тем са-

мым на уровень конца 1990-х годов. А если при этом будут еще и задействованы механизмы перераспределения доходов для сглаживания неравенства внутри городского и сельского секторов, то индекс Тейла может опуститься до 0,20. Это будет означать, что Китай вернется примерно к той же степени социальной дифференциации, которая имела место на начальном этапе реформ [5, с. 81, 85].

Отсюда следует, что Китаю надо не замедлять, а ускорять движение по пути урбанизации. Но при этом нужно принимать меры для сглаживания неравенства внутри городов, в том числе через преодоление дискриминации СМ, распространение на них городских систем социального страхования [5, с. 85–86].

Более основательно эта точка зрения изложена в статье, написанной Вань Гуанхуа в соавторстве с Ло Чжи (Центр исследования проблем экономического развития Уханьского университета), Чжан Сюнем (факультет финансовой статистики Пекинского педагогического университета) и Ли Цзином (Центр исследований экономики региона верхний р. Янцзы Чунцинского промышленно-торгового университета) [6].

Авторы отмечают, что по поводу китайской урбанизации часто высказываются противоположные оценочные суждения: ее называют то «слишком быстрой», то «слишком медленной». Уже эти эпитеты, не имеющие четко определенного содержания, наводят на мысли о существовании «оптимальной» траектории урбанизации. Авторы статьи считают, что оптимальный вариант – это урбанизация, сочетающая цели экономической эффективности и социальной справедливости. Но для его реализации должны соблюдаться определенные условия.

Авторами построены две теоретические модели урбанизации: «чисто рыночная» (т.е. основанная исключительно на действии рыночных сил) и «оптимальная» (включающая в себя параметр общественного благосостояния и учитывающая дисбалансы в распределении доходов в обществе).

Методологический аппарат в обеих моделях один и тот же. Предполагается, что экономика страны состоит из двух секторов: сельского хозяйства и промышленности. Поначалу все занятые в народном хозяйстве работники – это уроженцы деревни. Часть из них всю жизнь так и трудится в аграрном секторе. А другая часть принимает решение перебраться в город и работать в промышлен-

ности. Но такое перемещение трудовых ресурсов не происходит автоматически, оно связано с определенными издержками миграции.

В сельском хозяйстве используется только один фактор производства – труд. В условиях рыночной конкуренции зарплата сельского работника равна предельному продукту труда. В промышленности используются и труд, и капитал. Величина выпуска продукции определяется согласно функции Кобба – Дугласа, она зависит не только от вкладов факторов производства, но и от совокупной факторной производительности, т.е. эффективности эксплуатации ресурсов. Предполагается постоянная отдача от масштаба производства. Средняя зарплата в промышленности складывается в зависимости от относительных цен, т.е. пропорций обмена промышленных товаров на сельскохозяйственные.

Совокупное предложение рабочей силы состоит из двух категорий работников – сельскохозяйственных и промышленных. Предполагается, что люди, однажды переехавшие в город, уже вряд ли вернуться назад, так как если они потеряют работу в промышленности, то им для возвращения в деревню снова придется понести издержки миграции.

Когда бывший крестьянин начинает получать зарплату в городе, то он делит ее между покупками аграрной продукции и приобретением промышленных товаров, максимизируя таким образом свою полезность. Часть дохода идет на формирование сбережений. Собственно решение о переходе в промышленность крестьянин принимает, сравнивая уровни зарплат в двух секторах экономики и учитывая издержки, связанные с миграцией (не только выраженные в денежной форме, но и психологические, связанные с изменением социального статуса и т.п.). В условиях равновесия на рынке труда полезность для мигранта, получаемая благодаря тому, что он теперь зарабатывает больше, чем в деревне, уменьшается на величину издержек миграции [6, с. 93–94].

«Чисто рыночная» модель урбанизации, игнорирующая проблему неравенства доходов, основана на предпосылке о равновесном состоянии четырех рынков – сельскохозяйственных и промышленных товаров, капитала и труда. Если это условие соблюдается, то чем меньше издержки миграции, тем выше степень урбанизации. Но даже если такие издержки будут нулевыми, сельское хозяйство не исчезнет совсем (подтверждением тому является го-

род-государство Сингапур, где в экономике сохраняется аграрный сектор).

В модель «оптимальной» урбанизации включен параметр неравенства доходов. Разница зарплат в сельском хозяйстве и промышленности характеризует неравенство доходов между деревней и городом. Но авторы учитывают, что в дуальной экономике неравенство доходов проистекает не только из различий между двумя секторами, но и из дифференциации доходов внутри каждого из них. Для измерения неравенства доходов авторы используют индекс Тейла. Его достоинство в том, что он сложносоставной, т.е. может оценить и внутри-, и межсекторальное неравенство.

Авторы исходят из того, что неравенство проистекает как из различий в производительности отдельных людей, так и из искажений, вносимых государственной политикой в функционирование рыночного механизма. В Китае основная причина межсекторального неравенства – это как раз установленная властями система «подворной регистрации», из-за которой у отдельных категорий населения разные возможности доступа к образованию, здравоохранению и другим социальным услугам. Как следствие, даже если крестьянин и горожанин имеют одинаковый денежный доход, получаемая ими полезность будет разной [6, с. 91–93].

Авторы предполагают, что «оптимальный» уровень (степень) урбанизации достигается при максимизации общественного благосостояния, т.е. когда в ходе урбанизации одновременно реализуются цели экономической эффективности и социальной справедливости. И они считают, что количественно степень урбанизации в случае реализации «оптимального» варианта будет выше, чем при реализации «чисто рыночного» сценария.

Авторы выдвигают гипотезу о том, что для выхода на «оптимальный» уровень урбанизации, превышающий тот, который достигается при действии «чисто рыночного» механизма, нужно соблюдение следующих условий: 1) неравенство доходов внутри городского сектора экономики должно быть сравнительно небольшим; 2) издержки миграции должны быть относительно высокими [6, с. 95].

Эти условия вполне соответствуют логике здравого смысла. Если неравенство в городах не слишком сильное, то власти будут склонны позволить большему количеству новых мигрантов устра-

иваться на работу в промышленности. А это само по себе будет способствовать дальнейшему сглаживанию неравенства доходов, с одной стороны, и ускорению урбанизации – с другой. Если же в городах неравенство сильное, то приток СМ может его еще больше усугубить, а власти в этом не заинтересованы.

В свою очередь, если издержки миграции очень высокие (а это само по себе предполагает наличие большого разрыва в доходах между городом и деревней), то государству придется специально стимулировать миграцию ради поддержания экономического роста, иначе тот не будет обеспечен адекватным предложением рабочей силы. Напротив, если издержки миграции очень низкие, а неравенство между городом и деревней сравнительно умеренное, то у властей нет мотивов вмешиваться в ситуацию. Ход урбанизации будет оставлен ими на попечение рыночных сил.

Косвенно справедливость этих предположений подтверждает и то, что во многих развивающихся странах (в том числе в Китае и Индии) к высокому уровню межсекторального неравенства привели как раз попытки правительств искусственно замедлить урбанизацию. Она, по представлениям власть имущих, была виновна в нарастании неравенства, тогда как на самом деле, считают авторы, для сглаживания неравенства нужно, наоборот, стимулировать урбанизацию. Это позволит постепенно преодолеть дуализм экономики и обеспечить сближение показателей доходов различных социальных групп уже на более высоком уровне [6, с. 96].

Общими рассуждениями авторы не ограничиваются. Они с помощью эконометрической модели проверяют, действительно ли введение параметра распределения доходов в систему целеполагания властей (наряду с параметром экономического роста) приводит к ускорению урбанизации.

В модели в качестве объясняемой переменной выступает степень урбанизации (т.е. доля населения городов и поселков в совокупном населении той или иной провинции Китая). Главной объясняющей переменной является наличие / отсутствие специальной политики властей по сглаживанию неравенства доходов. Для количественной характеристики неравенства используются данные о располагаемых доходах жителей городов и поселков и о чистых доходах крестьян (оба показателя – в подушечном выражении).

Анализировался массив информации за 1991–2010 гг. Наличие / отсутствие у провинциальных властей специальной перераспределительной политики определяется по тому, есть ли в правительственных докладах, зачитываемых на ежегодных сессиях провинциальных собраний народных представителей, стандартные упоминания о «внимательном отношении к распределению доходов» и «увеличении доходов мало- и среднеобеспеченных групп населения». Если есть, то параметру придается значение в 1, если нет – то нулевое значение.

Правда, нужно иметь в виду, что в соответствующих документах общекитайского уровня эта тематика стала обсуждаться только начиная с 1999 г., а местные власти склонны копировать в своих документах те установки, которые выдвигаются Центром. Поэтому отсутствие упоминаний о перераспределительной политике в провинциальных документах 1991–1999 гг. может свидетельствовать скорее о недостатке информации, чем об отсутствии такой политики. Но в любом случае заявления о необходимости сглаживания неравенства авторам удалось найти только в четырех из 180 документов (докладов местных правительств), обнародованных за 1991–1999 гг.

В качестве контрольных переменных в модели выступают:

- подушевые госрасходы на образование и здравоохранение в провинции;
- плотность концентрации там промышленных производств (она оценивается как доля данной провинции в общекитайском объеме промышленного производства);
- общий уровень индустриального развития провинции (оценивается как доля занятых во «вторичном» секторе экономики (т.е. в обрабатывающей промышленности и строительстве) в совокупной трудовой занятости в провинции);
- подушевой ВРП в целом по провинции;
- уровень подушевых доходов сельских домохозяйств;
- степень «открытости» экономики провинции (измеряется как подушевая величина накопленных там прямых иностранных инвестиций);
- обеспеченность провинциальной экономики инфраструктурой (оценивается по соотношению протяженности авто- и железных дорог в провинции и ее общей площади);

– подушевое производство зерновых в провинции;
– демографические особенности провинции (среднее число лет обучения ее жителей, плотность и естественный прирост населения) [6, с. 97–98].

Однако собственно параметр неравенства доходов не был включен в число объясняющих переменных, так как его функцию уже выполняют другие переменные (индикатор государственной политики и уровни подушевых доходов).

Расчеты по модели выявили позитивную, хотя и нечетко выраженную корреляцию между государственной перераспределительной политикой и уровнем урбанизации в провинции. А по мере учета все большего числа контрольных переменных эта взаимосвязь проступает все более отчетливо. Таким образом, гипотеза авторов подтверждается: в Китае из-за действия системы «подворной регистрации» присутствует сильная фрагментация городского и сельского секторов, издержки миграции поэтому высоки, и в таких условиях именно государственная перераспределительная политика может выступать в качестве катализатора урбанизационного процесса [6, с. 99].

Но авторы учитывают и то, что само повышение степени урбанизации может при этом происходить по-разному. Один вариант – это когда проводимая в провинции политика сглаживания неравенства способствует активизации миграции крестьян не только внутри этой провинции, но и за ее пределы. Доля сельских жителей в совокупном населении провинции в результате уменьшается, что и означает увеличение степени урбанизации. А переток СМ в города и поселки другой провинции ускоряет урбанизацию и там, но это не связано с социальной политикой, которая там проводится.

Другой вариант – это когда проводимая в одной провинции перераспределительная политика привлекает туда СМ из другой провинции. Как следствие, и в той второй провинции степень урбанизации растет, но это не является результатом усилий тамошних властей по выравниванию доходов.

Таким образом, конечное увеличение степени урбанизации может происходить за счет как внутри-, так и межпровинциальной миграции. Проведенное авторами дополнительное исследование показало, что активная социальная политика провинциальных властей порождает оба этих эффекта: число работников с временным

видом на жительство растет и внутри и вне той провинции, где власти специально уделяют внимание сглаживанию неравенства [6, с. 101].

Итак, социальная политика провинциальных правительств стимулирует трудовую миграцию и тем самым способствует урбанизации. Но каков здесь передаточный механизм влияния? Какие именно меры провинциальных властей по борьбе с бедностью приводят к ускорению урбанизации?

В развивающихся странах самые бедные обычно живут в деревнях, а совокупное неравенство доходов в обществе складывается прежде всего под влиянием разрывов между городом и селом. Так обстоит дело и в Китае. Поэтому политика борьбы с бедностью – это прежде всего помощь со стороны государства крестьянам.

Но для решения социальных проблем деревни нужно прежде всего преодолеть фрагментацию городского и сельского секторов, и важнейшее значение тут имеет строительство инфраструктуры, которая свяжет два сектора воедино. Создание дорожных и телекоммуникационных сетей снизит издержки миграции и ускорит тем самым переток рабочей силы в города. При этом усилятся и процессы накопления физического капитала, что тоже дополнительно простимулирует урбанизацию. В свою очередь, крестьянам будет легче доставлять их продукцию на городские рынки и покупать там необходимые им товары, в том числе сельскохозяйственную технику и удобрения.

Но одновременно властям нужно позаботиться и о том, чтобы многие СМ не становились в городах безработными, иначе бедность просто будет воспроизводиться в другом секторе. Поэтому ради стимулирования создания рабочих мест властям следует специально поддерживать развитие промышленности в городах, в частности – предоставлением предприятиям льготных банковских кредитов [6, с. 101–102].

Проведя дополнительное эконометрическое исследование, авторы установили, что если провинциальные власти декларируют борьбу с неравенством как одну из своих приоритетных задач, то в соответствующей провинции обычно активизируется строительство автомобильных дорог и увеличивается кредитование промышленности. Так что трансмиссия сигналов от социальной поли-

тики к урбанизации действительно происходит по этим двум каналам, хотя вполне возможно, что ими набор передаточных механизмов не ограничивается [6, с. 102–103].

Итак, если бы в Китае не шла быстрая урбанизация, то социальное неравенство было бы еще более сильным, чем сейчас, просто потому, что сотни миллионов крестьян оставались бы в застойной бедности. Теперь же прежняя модель экономического роста, во многом базировавшаяся на освоении экспортных рынков, явно буксует, а для расширения внутреннего спроса нужно сглаживание социального неравенства. Авторы статьи уверены, что для решения этой задачи нужно не замедление, а ускорение урбанизации, но ей нужно придать большее социальное измерение [6, с. 103].

Список литературы

1. Цай Фан, Ду Ян. Развитие городов в переходной экономике Китая : Иерархия городов, мобилизация финансовых ресурсов и миграционная политика. Цай Фан, Ду Ян. Чжуаньсин чжун дэ Чжунго чэнши фачжань – чэнши цзицэн цзегоу, жунцзы нэнли юй цянью чжэцэ // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2003. – № 6 – С. 64–71. – Кит. яз.
2. Цзе Го. Роль карьерных соображений в мотивации местных руководителей и управление городами на практике : Истолкование концепции «предпринимательских городов» в Китае с точки зрения локальных интересов. Jie Guo. Promotion-driven Local States and Governing Cities in Action – Re-reading China’s Urban Entrepreneurialism from a Local Perspective // Urban Geography. – Abingdon (UK), 2020. – Vol. 41(2). – P. 225–246.
3. Онг Л. Направляемая государством урбанизация в Китае : Небоскребы, доходы от продажи земли и «концентрированные деревни». Ong L.H. State-led Urbanization in China: Skyscrapers, Land Revenue and «Concentrated Villages» // China Quarterly. – London, 2014. – N 217. – P. 162–179.
4. Лу Мин, Чэнь Чжао. Урбанизация ; экономическая политика, ориентированная на развитие городов и разрыв в уровнях доходов между городом и деревней.
Лу Мин, Чэнь Чжао. Чэншихуа, чэнши цинсян дэ цзинцзи чжэцэ юй чэнсян шоужу чацзюй // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2004. – № 6. – С. 50–58. – Кит. яз.
5. Вань Гуанхуа. Взаимосвязь урбанизации и неравенства : Методология анализа и китайская действительность.
Вань Гуанхуа. Чэнчжэньхуа юй буцзюньдэн : фэнси фанфа хэ Чжунго аньли // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2013. – № 5. – С. 73–86. – Кит. яз.

6. Урбанизация, совмещающая в себе эффективность и справедливость : Теоретическая модель и китайская действительность / Ло Чжи, Вань Гуанхуа, Чжан Сюнь, Ли Цзин.

Цзяньгу сялоуй юй гунпин дэ чэнчжэньхуа : лилунь мосин юй Чжунго шичжэн / Ло Чжи, Вань Гуанхуа, Чжан Сюнь, Ли Цзин // Цзинцзи яньцзю. – Пекин, 2018. – № 7. – С. 89–105. – Кит. яз.

В.Г. САМСОНОВА*. ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭПОХУ COVID-19.

Аннотация. В статье рассматриваются основные изменения, которые произошли в инновационной сфере в настоящее время, в том числе под влиянием пандемии COVID-19. В исследовании автор акцентирует внимание на ускоряющихся темпах цифровизации, охвативших обе страны – как Россию, так и Республику Корея, проводит анализ основных инновационных проектов, отмеченных в Плате реализации концепции «Девяти мостов». Выявлено, что существуют реальные перспективы для расширения торгово-экономических связей между нашими странами за счет инновационной составляющей, указано, что на фоне пандемии особую актуальность получили разработки в медицинской и фармацевтической отраслях, существенный рост зафиксирован в сферах e-commerce, дистанционного обучения, телемедицины, разработки программного обеспечения и др. В связи с этим перспективным является сотрудничество во взаимном продвижении как российских, так и южнокорейских товаров и услуг в онлайн-формате, расширение сотрудничества в сфере инновационных медицинских разработок, в том числе совместной деятельности по разработке новейших вакцин и лекарственных препаратов.

Ключевые слова: Россия; Республика Корея; инновационное сотрудничество; концепция «Девяти мостов»; искусственный интеллект; телемедицина; цифровые технологии.

* Самсонова Виктория Георгиевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

V.G. SAMSONOVA. Prospects for Russian-South Korean Innovative Cooperation in the Era of COVID-19.

Abstract. The article is considered the main changes, which occurred in the innovation sphere at the present time, not least because of COVID 19 pandemic. The author focuses on the increasing pace of digitalization, which has covered both countries: Russia and the Republic of Korea, and also analyzes the main innovation projects which were appeared in the «Nine Bridges» Implementation plan. The author also points at the fact that there are real prospects for expanding trade and economic ties between our countries due to the innovative component. Amid the Covid-19 pandemic, such areas as new medical and pharmaceutical technologies, e-commerce, distance learning, telemedicine, software development, etc. have become a top priority. In this regard, we have a great opportunity for our collaboration's development in terms of promotion of both Russian and South Korean goods and services in online format, broadening cooperation in the field of innovative medical developments, including joint activities in new vaccines and drugs research.

Keywords: Russia; Republic of Korea; innovative collaboration; «Nine Bridges» concept; artificial intelligence; telemedicine; digital technologies.

Для цитирования: Самсонова В.Г. Перспективы российско-южнокорейского инновационного сотрудничества в эпоху COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 156–165. DOI: 10.31249/RVA/2022.01.09

Пандемия COVID-19, внесшая значительные коррективы в экономические процессы, затронула практически все страны мира и повлекла за собой серьезные структурные изменения в мировой экономике, выражающиеся в ее цифровизации и росте инновационных технологий. Специалистами отмечается, что в ковидный период в кратчайшие сроки сформировалось, по сути, новое направление в сфере цифровых технологий, ориентированных на борьбу с коронавирусом, CovidTech. Уже более 1300 инициатив в этой области представлены на глобальной карте инноваций, составленной международным агентством StartupBlink [14, p. 59].

Чтобы эффективно отреагировать на происходящие изменения, необходимо вывести экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Кореей на качественно новый уровень. Обе страны готовы к такому технологическому переходу в своем сотрудничестве даже в негативных условиях пандемии. И в России, и в РК была оперативно выстроена система противостояния пандемии, немаловажную роль в которой играют цифровые технологии. Кризисная ситуация показала зрелость отрасли информационных технологий обоих государств, включая ее инфраструктурную составляющую, и способность мобилизовать необходимые ресурсы.

Российские достижения в борьбе с пандемией были отмечены международным агентством StartupBlink, которое в 2021 г. поставило Москву на 3-е место в рейтинге инноваций по борьбе с COVID-19 (а Россию – на 17-е место в рейтинге стран) [5]. Количество российских инициатив на глобальной карте инноваций против пандемии составило 48 единиц, включая создание вакцины от Covid-19 Спутник-V [14, p. 58].

Что касается Южной Кореи, то страна заняла 9-е место, Сеул и Тэджон 8-е и 31-е места, соответственно, в рейтинге стран и городов, внедряющих инновации против пандемии. Отмечено, что страна удерживает сильные позиции в диагностике, предотвращении и оповещении о пандемии, в количестве инициатив на глобальной карте инноваций против пандемии, равном 34 единицам [14, p. 42].

Готовность обеих стран сотрудничать в инновационной сфере прописана и в совместном заявлении о Плане реализации концепции «Девяти мостов», предложенной в 2017 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке президентом РК Мун Чжэ Ином. В документе существенно расширены задачи инновационного сотрудничества [10], согласованы решения о цифровом сотрудничестве в области медицины (создание цифровой платформы здравоохранения, предоставление дистанционного медицинского обслуживания и т.п.), заключен меморандум о взаимопонимании в вопросе создания российско-южнокорейской инновационной платформы для четвертой промышленной революции с целью формирования нового бизнеса путем объединения российских и

Перспективы российско-южнокорейского инновационного сотрудничества в эпоху COVID-19

южнокорейских ИКТ и построения инновационной экосистемы [13, с. 157].

Отметим некоторые пункты в плане реализации концепции «Девяти мостов», относящиеся к инновационным технологиям [9].

Таблица

Цель 1	Мероприятия 2	Проекты 3
Сотрудничество по совместным инновационным разработкам и технологиям судостроения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие исследований, разработок и технологического потенциала судостроительной отрасли Российской Федерации и Республики Корея 2. Реализация совместных научно-исследовательских и пилотных проектов 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сотрудничество в организации совместных программ в области: <ul style="list-style-type: none"> – исследования СПГ технологий; – проектирования и производства перспективных роботизированных средств обнаружения и спасания на море 2. Техничко-экономическое обоснование совместной разработки любого из следующих проектов: <ul style="list-style-type: none"> – систем управления и оборудования для безэкипажного судоходства; – телеуправляемых необитаемых подводных аппаратов и роботизированных надводных и подводных средств для освоения шельфа; – проектов судов с электродвижительными установками
Обмен квалифицированными кадрами и опытом в судостроительной отрасли	Подготовка совместной программы поддержки обмена квалифицированными кадрами между соответствующими частными учреждениями, такими как университеты и научно-исследовательские институты обеих стран	<p>Совместные программы подготовки кадров и обмена квалифицированными кадрами в целях реализации научно-технических и научно-образовательных программ, проектов и других мероприятий</p> <ol style="list-style-type: none"> 2. Программы взаимных стажировок для сотрудников предприятий обеих стран в целях обмена опытом по вопросам судостроения
Развитие сотрудничества в области здравоохранения на базе ИКТ	Создание и функционирование рабочей группы по цифровому здравоохранению между министерствами здравоохранения Российской Федерации и Республики Корея для обсуждения мер сотрудничества и обмена опытом, в том числе передовым опытом	Разработка системы информатизации для больниц Дальнего Востока России

1	2	3
Сотрудничество для продвижения корейских медицинских учреждений в Международный медицинский кластер в Сколково	Поддержка путем консультаций между правительствами и соответствующими организациями для открытия госпиталем «Бундан» при Сеульском национальном университете южнокорейского смарт-госпитала в Сколково	Открытие госпиталем «Бундан» при Сеульском национальном университете корейского смарт-госпитала
Российско-корейское сотрудничество в сфере медицины на Дальнем Востоке России	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обмен информацией о планах строительства международного медицинского кластера на острове Русский в Приморском крае и по запросам на сотрудничество 2. Поддержка заинтересованных в участии в проекте российской стороны корейских компаний и медицинских учреждений 	Поддержка участия заинтересованных южнокорейских компаний и медицинских учреждений в проекте международного медицинского кластера на острове Русский
Выработка плана российско-корейского сотрудничества в сфере ИКТ	Организация Российско-Корейского ИКТ форума и других двусторонних мероприятий, наращивание двустороннего сотрудничества в сфере ИКТ.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обмен информацией по направлениям ИКТ политики, по научным изысканиям и промышленным исследованиям. Поддержка продвижения ИКТ-компаний 2. Организация Российско-Корейских ИКТ-форумов
Установление сотрудничества в области интеллектуального интеллекта (ИИ)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержка участия российских и корейских компаний в выставках и форумах в области ИИ 2. Сотрудничество по содействию приобретения продукции в сфере ИИ в случае проведения связанных с ИИ выставок и форумов 3. Привлечение корейских компаний к работе инновационного центра «Сколково» и т.д. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сотрудничество между российскими и южнокорейскими компаниями в области содействия приобретению продукции в сфере ИИ 2. Двустороннее сотрудничество по выходу корейских R&D и ИИ компаний на российский рынок
Расширение сотрудничества в сфере открытых инноваций	<ol style="list-style-type: none"> 1. Участие в форуме «Открытые инновации» и конференции Startup Village 2. Создание новых возможностей для российских и корейских технологических стартапов, малых и средних предприятий и венчурных компаний 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Участие в форуме «Открытые инновации», участие корейских институтов и компаний в конференции Startup Village 2. Формирование системы сотрудничества с инновационными учреждениями России 3. Содействие взаимному выходу стартапов, малых и средних предприятий и венчурных компаний на рынки России и Кореи 4. Усиление российско-корейского технологического сотрудничества путем создания и функционирования Российско-корейского технологического хаба

Перспективы российско-южнокорейского инновационного сотрудничества в эпоху COVID-19

1	2	3
Поддержка развития российско-корейского научно-технического сотрудничества	1. Развитие научно-технического сотрудничества между российскими и корейскими научно-исследовательскими учреждениями. 2. Расширение научных обменов в рамках заседаний Совместного комитета по науднотехнологическому сотрудничеству, дней науки и технологий	Совместные исследования в сфере биотехнологий, новых материалов, и т.д. Организация коммуникативных площадок, семинаров в целях обмена результатами исследований. Обмен руководителями научных групп
Сотрудничество в разработке технологий для производства коммерциализированных продуктов	Коммерциализация продукции южнокорейского малого и среднего бизнеса и поддержка разработки технологий, потребность в которых существует в России, с помощью введения базовых российских технологий и последующей технологической разработки 2. Поддержка поиска технологий и основанной на технологиях коммерциализации посредством регулярных консультаций по технологическому обмену	Проект сотрудничества для разработки и коммерциализации оригинальных и инновационных российских технологий, для разработки технологий и технологического обмена

Источник: Совместное заявление о плане реализации концепции «Девяти мостов» российско-корейского торгово-экономического сотрудничества, версия 2.0. (2021) // <https://www.nevainter.com/upload/materials/2021/korea/9%20bridge%20plan.pdf>, дата обращения 09.08.2021.

Одним из перспективных направлений в инновационном сотрудничестве является судостроение. Причем на сегодняшний день Россия обладает уникальными технологиями, например автономного судовождения. Россия является первой страной, которая начинает широкое применение автономных коммерческих судов, и здесь открываются большие возможности для кооперации с коллегами из РК. В 2019 г. несколько судоходных и технологических компаний при поддержке Минпромторга и Минтранса России начали проект автономной навигации. Данный проект решает несколько задач: обеспечить прозрачность и предсказуемость работы автономных судов, сделать технологии доступными и экономически выгодными, а также внедрить новые решения в рамках существующего международного регулирования. Автономная навигационная система определяет опасные объекты и формирует

маневры расхождения для безопасного маневрирования по существующему международному законодательству.

Перспективным, на наш взгляд, является и инициатива российских представителей о запуске совместных проектов судостроения как для российского рынка, так и для рынка третьих стран. Используя опыт Южной Кореи в части строительства судов-газовозов, а российских специалистов – в части технологически сложных решений строительства и эксплуатации атомных ледоколов [6], есть реальная возможность добиться положительного синергетического эффекта.

РФ, как и РК, в условиях пандемии COVID-19 усилили внимание к фармацевтике и медицине, в том числе производству аппаратов искусственной вентиляции легких, тест-систем, средств индивидуальной защиты, вакцин и лекарств. На развитие исследований в этих отраслях Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования РК запланировало выделение дополнительного бюджета в 2021 г. в размере 466 млн долл. [15]. Параллельно будет усилена подготовка медицинских кадров в РК путем увеличения количества учащихся в медицинских вузах и строительства государственных медицинских учебных заведений. Особый акцент будет скорее всего сделан на специализированных сферах, в том числе эпидемиологии, травматологии, фармацевтике и биотехнологиях.

Одним из перспективных направлений видится совместная работа над разработкой вакцин, в которой у России имеется серьезный задел. Что касается совместного производства вакцины от COVID-19, то Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и южнокорейская биотехнологическая компания «GL Rapha» в 2020 г. договорились о производстве вакцины «Спутник V» для экспорта в третьи страны¹. Контрактное производство осуществляется на заводе Hankook Korus Pharm в городе Чхунчхон, объем поставок с этого предприятия должен составить более 150 млн доз в год [2].

В разгар пандемии COVID-19 РК одной из первых взяла на вооружение информационные технологии, которые сыграли значительную роль в предотвращении полного коллапса экономики и

¹ К сожалению, Южная Корея не применяет для вакцинации своих граждан российские вакцины.

распространения вируса. РК первой в мире начала коммерческое использование 5G в 2019 г. и продолжает удерживать лидерские позиции по этому показателю [12]. Тематика сотрудничества в сфере разработок 5G не раз обсуждалась между нашими странами, в том числе и в ходе первого Российско-корейского ИКТ-форума, состоявшегося в октябре 2019 г. На повестке дня были рассмотрены вопросы укрепления двустороннего сотрудничества в области ИКТ, развитие услуг 5G и подготовки высококвалифицированных кадров [4].

В карантинных реалиях при переходе предприятий на удаленный режим особенно актуальными стали надежность и высокая скорость Интернета, в том числе мобильного. По некоторым данным, доступ по технологии 5G со скоростью около гигабита в секунду уже доступен почти миллиарду человек в разных странах. И возможности этой технологии впечатляют [3].

В условиях пандемии был зафиксирован стремительный рост спроса на «бесконтактные» технологии», сферу e-commerce, дистанционного обучения, разработки программного обеспечения, в том числе для систем видео- и мобильной связи, например, на 169% повысились продажи услуг Zoom-платформы [8, с. 116].

При положительных перспективах развития инновационного сотрудничества между нашими странами объем его еще недостаточен. Требуется серьезная правовая и организационная проработка совместных инновационных проектов. Однако уже сейчас в такой сфере сотрудничества, как торговля, отмечаются позитивные подвижки в увеличении поставок южнокорейской продукции, связанной с судостроительной и медицинской областями. Наблюдается восстановление и рост объемов товарооборота, который в I квартале 2021 г. увеличился практически на 35% и составил 6,7 млрд долл. США. К сожалению, данный рост произошел в основном за счет увеличения импорта России из РК (на 147%), тогда как экспорт уменьшился на 16% [1].

Наибольший прирост импорта России из Республики Корея (Южной Кореи) в I квартале 2021 г. по сравнению с I кварталом 2020 г. зафиксирован по следующим товарным группам:

– суда, лодки и плавучие конструкции на 1 929 379 680 долл. США;

– средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности на 159 171 399 долл. США;

– электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности на 15 836 134 долл. США;

– инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности на 15 588 140 долл. США [1].

Доля торговли непосредственно ИКТ между РФ и РК в общем объеме товарооборота незначительна и в 2018 г. она составила 654 млн долл. США, причем доля корейского экспорта составила 97,4%. Импорт ИКТ из Российской Федерации в 2018 г. составил всего 17 млн долл. США.

Одним из болезненных вопросов останется участие малых и средних предприятия РФ и РК в инновационном сотрудничестве и коммерциализация их разработок. Основные сдерживающие факторы – высокие объемы необходимого финансирования и высокие риски неудачной реализации проекта. В таких условиях стратегическое значение приобретает широкомасштабная поддержка государственных структур с обеих сторон. Пробуксовывает пока реализация обмена и программ взаимных стажировок для специалистов ввиду пандемии. По этой же причине стопорится проведение совместных исследований в фармацевтике и биотехнологиях. Практически заморожено медицинское сотрудничество в части лечения в медцентрах РК ввиду не только пандемии, но и карантинного режима, введенного в целях нераспространения COVID-19.

Список литературы

1. Внешняя торговля России с Республикой Корея (Южной Кореей) в I кв. 2021 г. – URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-05/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-1-kv-2021-g/>
2. В Южной Корее рассказали о производстве российских вакцин от коронавируса // РИА Новости. – 2021. – 16.09. – URL: https://ria.ru/20210916/koreya-1750264799.html?chat_room_id=1750264799

3. Главные научные достижения 2020 года. – 2020. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2495803/>
4. Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования РК провело первый форум ИКТ с Россией. (과학기술정보통신부, 러시아와의 제1차 ICT포럼 개최). – 2019. – 21.10. – URL: <https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156356663>. – Кор. яз.
5. Москва вошла в тройку рейтинга инноваций по борьбе с COVID-19 // Российская газета. – 2021. – 29.03. – URL: <https://rg.ru/2021/03/29/reg-cfo/moskva-voshla-v-trojku-rejtinga-innovacij-po-borbe-s-covid-19.html>
6. ОСК предлагает корейским партнерам производственные мощности для судостроительной продукции // Новости Портньюс. – 2021. – 22.09. – URL: <https://portnews.ru/news/302089/>
7. Потенциал международного сотрудничества в судостроении между Россией и Южной Кореей обсудили онлайн // Seldon News. – 2021. – 23.06. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/253100370>
8. Самсонова В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 109–121.
9. Совместное заявление о плане реализации концепции «Девяти мостов» российско-корейского торгово-экономического сотрудничества, версия 2.0. – URL: <https://www.nevainter.com/upload/materials/2021/korea/9%20bridge%20plan.pdf>
10. Состоялась встреча председателей межправкомиссии РФ и РК по случаю 30-летия установления дипотношений между странами. (한-러 수교30주년 기념사업 준비위원회 공동위원장 겸 경제공동위 수석대표 간 회의 개최). – 2020. – 27.10. – URL: https://www.moef.go.kr/nw/nes/detailNesDtaView.do?menuNo=4010100&searchNttId1=MOSF_000000000052087&searchBbsId1=MOSFBBS_000000000028. – Кор. яз.
11. Цифровые технологии: Дайджест зарубежных практик по выводу экономики из кризиса на фоне пандемии. – URL: https://roscongress.org/upload/mediabrary/165/ASI-VSHE-Novaya-tekhpolitika-_issledovanie_-_2.pdf
12. Южная Корея лидирует по распространению 5G в мире, Швейцария – в Европе // 3d News. – 2020. – 2.10. – URL: <https://3dnews.ru/1022078>
13. Ючжон Ким, П.А. Яхменев. О расширении сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации в сфере цифровой экономики // Вестник ИЭ РАН. – 2009. – № 5. – С. 148–162.
14. COVID-19 Innovation report Prepared by Startup Blink // UNAIDS; Health Innovation Exchange. – 2021. – URL: <https://coronavirus.startupblink.com/COVIDReport2021/>
15. S. Korea to Extend R&D Support for Bio Convergence Tech, Medical Devices (2021) // The Korea Herald. – 2021. – 29.01. – URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210129000323&ACE_SEARCH=1

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2022 № 1

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 14.08.1999 г.

Подписано к печати 14.12.2021

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 10,5	Уч.-изд. л. 8,6
Тираж 300 экз.	Заказ № 94

(1–100 экз. – 1-й завод)

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

